

241 X
614

А. А. РЫБНИКОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ

ИЗД. — ВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА
МОСКВА — 1930

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Предисловие автора стр. 3.

Глава I. Предмет и метод экономической географии. 1) Экономическая география и географическое общественное разделение труда стр. 5. 2) Эволюция экономико-географической мысли в прошлом стр. 10. 3) Современные взгляды на задачи экономической географии и критика их стр. 14. 4) Определение предмета и метода экономической географии стр. 38.

Глава II. Теория размещения сельскохозяйственного производства Тюнена. 1) Постановка исследования стр. 41. 2) Влияние хлебных цен и транспортных издержек стр. 45. 3) Влияние богатства почвы и природных условий стр. 51. 4) Влияние издержек производства стр. 53. 5) Организационно-производственные сочетания отраслей стр. 57. 6) Промышленность, перерабатывающая сел.-хоз. сырье стр. 61.

Глава III. Теория А. Вебера о закономерности размещения промышленности. 1) Методологические предпосылки стр. 66. 2) Анализ факторов размещения и их классификация стр. 67. 3) Транспортная ориентация стр. 69. 4) Рабочая ориентация стр. 72. 5) Агломерация стр. 74. 6) Общая ориентация стр. 78. 7) Промышленность в системе народного хозяйства стр. 81.

Глава IV. Учение о штандорте как база для построения методики изучения экономико-географических явлений. 1) Экономическая география и учение о штандорте стр. 84. 2) О штандорте сел.-хоз. производства Тюнена стр. 88. 3) О штандорте индустрии Вебера стр. 98. 4) География хозяйственной действительности и штандорт стр. 104.

Глава V. Формы и виды производства и общие тенденции их размещения. 1) Эволюционные формы производства стр. 111. 2) Стадии производственного процесса и виды производства стр. 115. 3) Эволюция форм производства по стадиям производственного процесса стр. 121.

Глава VI. География добывания сырья и переработки его, ориентирующейся на места добывания. 1) Постановка исследования стр. 132. 2) География земледелия стр. 134. 3) География переработки сельскохозяйственного сырья (технич. перераб., скотоводство) стр. 156. 4) География добывания и переработки леса и рыбы стр. 165. 5) География добывания и переработки горных богатств стр. 167. 6) Заключение стр. 173.

Глава VII. Генезис общественного географического разделения труда. 1) Задачи исследования стр. 175. 2) Истоки географического общественного разделения труда стр. 178. 3) География основных функций хозяйствен. деятельности и сложение их в системы народно-хозяйственного разделения труда стр. 186. 4) Тенденции размещения хозяйственной деятельности в современном народном и мировом хозяйстве стр. 192.

Глава VIII. География производства, ориентирующегося на потребление, рабочие рынки и капиталонакопление. 1) География потребления, рабочих рынков, капиталовложений и системы транспорта стр. 201. 2) Основные тенденции антисырьевой ориентации производства стр. 204. 3) Взаимодействие различных видов ориентации и транспорт стр. 208.

Глава IX. Организационно-хозяйственные сочетания отраслей производства. 1) Постановка исследования стр. 211. 2) Сочетания на базе организации использования сырья стр. 215. 3) Сочетания на базе организации труда стр. 218. 4) Сочетания на базе организации основных капиталов стр. 220. 5) Итоги стр. 222.

Глава X. Систематика основных типов экономико-географических формаций. 1) Районный и отраслевой методы экономико-географического исследования стр. 224. 2) Задачи и методы построения систематики экономико-географической формации стр. 229. 3) Систематика основных экономико-географических формаций стр. 235.

Задачи для семинарских работ по основным вопросам экономической географии стр. 249.

А. А. РЫБНИКОВ

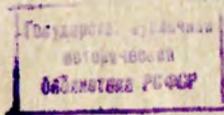
241
614

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ВОПРОСОВ
и ЗАДАЧ

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО УН-ТА
ИМЕНИ Я. М. СВЕРДЛОВА. МОСКВА—1930

Отпечатано в Гостип. им. Карла Маркса
в г. Твери. Зак. № 5028—29.
Главлит № А-50087. Тираж 7000 экз.

1455230

М

Ч 41 —
614

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Основными вопросами экономической географии автор считает вопросы, связанные с обоснованием экономической географии, как науки, изучающей закономерности географического общественного разделения труда.

Утверждение, что экономическая география должна быть наукой экономической, не является новостью, хотя оно и встречает еще до сего времени большие возражения. Но между указанием характера научного знания, свойственного экономической географии, и сколько-либо обоснованной системой построения науки расстояние большое. Наша работа ставит себе целью преодолеть хотя бы часть этого трудного пути.

Стремясь разрешить поставленные задачи, мы считаем особо важным и необходимым сделать достоянием экономической географии те огромные теоретические достижения в познании размещения хозяйства в пространстве, которые имеются в учениях Тюнена и Вебера. Это все заставило нас не только систематически изложить учение о сельскохозяйственном и промышленном штандорте, но, кроме того, мы считали необходимым и дальнейшее изучение закономерностей географии хозяйственного многообразия увязать с системой штандорта.

Наметить в определенной системе задачи научного познания легче, чем их решить. Многие из включенных в нашу работу проблем требуют, несомненно, дальнейших специальных исследований. Экономисты-географы, ищущие пути и способы систематического построения интересующей их научной дисциплины, должны еще много сделать для усовершенствования изучения закономерностей размещения хозяйства в пространстве. Экономическая география, до последнего времени, была крайне бедна самостоятельными исследовательскими работами. Вопросы, стоящие перед экономистами-географами, должны и могут быть решены потому, что мы располагаем для этой работы достаточно совершенными методами и потому, что решение этих проблем выдвигается на очередь огромными нуждами регулирования и рационализации народного хозяйства.

Наше исследование начато было и велось далее в связи с чтением курсов экономической географии в Тимирязевской Сел.-Хоз. Академии, во 2-м МГУ, а также в связи с работой семинария экономической географии в Н. И. Институте С.-Х. Экономии и Секции экономической географии в Ранионе. В 1928 г. студенческий кружок 2-го МГУ издал на правах рукописи наш курс под названием «Введение в экономическую географию».

Участники этой коллективной работы, которая велась в указанных выше учебных и ученых учреждениях и которые сами сильно влияли на построение изложенного нами курса, признали, что сделанная попытка должна быть продолжена и завершена, для более широкого пользования. Автор надеется, что эту задачу в меру сил и возможностей он выполнил.

Автор считает своим долгом выразить признательность лицам, сделавшим многие ценные указания и облегчившим своим содействием решение сложных стоявших перед ним задач. Среди этих лиц надо особенно отметить Н. Н. Баранского, С. В. Бернштейн-Когана и группу молодых экономистов-географов — А. А. Котова, Н. С. Кузнецова и С. Юњева, Н. В. Морозова, Б. М. Каминского, Л. Я. Зимана и др. При составлении приложенного к работе вопроса автор пользовался советами и указаниями Н. С. Кузнецова и И. С. Юњева.

В технической проработке исследования большую помощь оказали Е. А. Торнеус и З. А. Рыбникова.

Автор.

1. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

1. Экономическая география и географическое общественное разделение труда.

Многообразие хозяйственной деятельности человека давно уже стало предметом научного познания. Мы имеем вполне сложившиеся такие отрасли научного знания, как политическая экономия, изучающая систему отношений в капиталистическом хозяйственном строе, или как история хозяйственного быта, дающая характеристику изменений форм хозяйства во времени. Однако, многообразие хозяйственной действительности далеко не исчерпывается сформировавшимися экономическими науками и их частными подразделениями. Хозяйственные явления оказываются чрезвычайно пестрыми; они меняются в пространстве под влиянием природной и экономической среды и стадий хозяйственного развития. Приведение в систему всего этого многообразия является одной из важнейших задач современности, и эту задачу должна взять на себя экономическая география.

Политическая экономия стремится дать ответ на вопросы о том, как совершается оборот благ и как слагаются экономические отношения в капиталистической системе, игнорируя, большей частью, вопрос о том, где эти явления происходят. История хозяйственного быта изучает, как во времени меняются экономические отношения и формы хозяйства и в меньшей мере интересуется той географической средой, в которой все это совершается. Экономическая география, опираясь на знания, добытые политической экономией и историей хозяйственного быта, в центр своего внимания ставит задачу изучения изменений хозяйственных явлений в пространстве той или иной природной и хозяйственной среды. Где, как и по каким причинам совершаются хозяйственные явления, производства, обмена, транспорта, социальных отношений, потребления в пространстве, связанном общественным разделением труда,— вот те вопросы, на которые должна дать ответ экономическая география. Однако, одно простое указание на наличие указанных проблем еще не дает представления о том, какими возможностями для решения этих вопросов располагает наука и как она эти задачи решает.

Преодолеть пространственное многообразие хозяйственной жизни, найти экономическую обусловленность хозяйственных явлений в пространстве было бы совершенно невозможно, если бы наблюдаемые нами в различных частях пространства явления не находились в определенной связности, в закономерном взаимодействии, обусловленном общественным разделением труда. Только потому, что интересующее нас размещение хозяйственных явлений и дальнейшее их перемещение мы можем и должны рассматривать, как проявление той или иной системы общественного разделения труда, мы в состоянии ставить себе наши экономико-географические научные задачи.

Двести-триста лет тому назад географическое общественное разделение труда, большей частью, исчерпывалось незначительным международным оборотом благ, слабо захватывало даже образовавшиеся к тому времени крупные территориальные государства. Тогда размещение хозяйственной деятельности в пространстве почти целиком можно было объяснить условиями природной среды с некоторыми дополнениями исторического культурно-бытового порядка. Но современный строй хозяйства характеризуется тем, что все части его находятся в сложном постоянном взаимодействии, являющемся следствием общественного разделения труда. Закономерности географического пространственного общественного разделения труда могут быть выяснены только на основе понимания причин, обуславливающих такое пространственное взаимодействие.

Как слагалось и продолжает дальше развертываться на территории какого-либо городского района, или в масштабе народного хозяйства и, наконец, мирового—внутри себя связанное географическое общественное разделение труда? Тридцать-сорок лет тому назад многие из городских центров нашей степи или Сибири были только административными центрами и лишь в небольшой доле исполняли функции по сбыту шерсти, кож, отправлявшихся гужом на далекие внутренние рынки, и между ремеслом города и окружающим деревенским населением происходил ничтожный товарный оборот. Но вот через попавший в поле нашего наблюдения город проводится железная дорога, и в 5—10 лет, в результате совершившегося пространственного хозяйственного сближения нашего городка с Москвой или Одессой, картина хозяйства всего района меняется до неузнаваемости. В зависимости от природных условий и рыночного положения, район начинает производить в большом количестве пшеницу, ячмень, увеличивать производство мясного скота, продуктов свиноводства и птицеводства, подсолнуха, бахчевых культур, и все эти продукты начинают доставляться в город на продажу. В городе некоторые из этих продуктов перерабатываются: из подсолнуха получается масло и жмых; свиноводство дает бекон; убой рогатого скота на местных бойнях форсирует устройство кожевенных заводов. Огромная доля полученных после переработки

продуктов отправляется на далекие внутренние, а частью, внешние рынки. На те же рынки идет отправка проходящих через городские элеваторы пшеницы, ячменя или через холодильники—яиц, битой птицы, масла. Благодаря низкому уровню местных издержек производства и дешевизне транспорта, дальние рынки успешно завоевываются продуктами нашего района.

Все указанные перемены сопровождаются быстрым ростом сельского и городского населения. Возросшее население и увеличившиеся его потребности в одежде, обуви, бакалейных, колониальных товарах и предметах культурного обихода начинают удовлетворяться путем подвоза одежды из Москвы, обуви—из Кимрского или Бутурлинского района, сахара—из юго-западной Украины, чая—из далекой Индии и Китая, хлопчато-бумажных тканей—из американского хлопка, резиновых галош—из каучука Бразилии, керосина—из Баку. Весь описанный нами оборот хозяйственных благ внутрирайонного порядка, а также и оборот благ между районом и народным хозяйством и мировым хозяйством, имеет совершенно определенное географическое выражение.

Это географическое выражение для нас интересно во всех его частях. нас интересует, где, в какой именно деревне, на каком расстоянии от нашего города, при каких природных и экономических условиях с какими издержками производится пшеница или подсолнух, во что обходится подвоз этих продуктов к местному рынку, во что обходится переработка этих продуктов в городе, в какие центры потребления отправляются, по какой цене и с какими накладными расходами по транспорту продаются в этих центрах, доставленные туда продукты. В равной же мере нам интересны и подобные же исчисления, касающиеся доставляемых в город сахара, мануфактуры, железа, керосина и др. продуктов.

Все указанные данные для нас потому представляют глубокий интерес, что они не только характеризуют, но и объясняют реально существующее пространственное общественное разделение труда, осуществляющееся между городом и деревней, а также между районом и хозяйственными организациями высшего порядка.

Сложнее, многообразнее представляется картина народно-хозяйственного общественного разделения труда, обычно связываемая нами с теми или другими государственными границами. В более или менее обширном государстве с расчлененными природными горизонтальными зонами, с неодинаковым рыночным положением всех частей страны по отношению к внутренним и внешним рынкам, мы имеем обычно большую пестроту хозяйственной деятельности в пространстве. В холодных местностях мы найдем лес и серые хлеба, в теплых умеренных частях страны—пшеницу, свеклу, в субтропиках—виноград, табак, может-быть, хлопок. Разнообразие еще более увеличивается тем, что в некоторых местностях страны производится добыча каменного угля, железа, меди. Наконец, в городских центрах и в промышленных районах мы встречаемся с более

или менее широко развитой обрабатывающей промышленностью, вырабатывающей изделия из местного и привозного сырья.

Народное хозяйство, как видим, представляет собой сложную систему различных специализированных районов, находящихся между собой во взаимодействии, основанном на общественном разделении труда. Но этим взаимодействием не исчерпывается характеристика общественного разделения труда нашей страны. Благодаря обилию в стране железа или каменного угля или наличию избытков пшеницы, леса, свеклы, винограда и проч. наше народное хозяйство выступает на мировой рынок, экспортируя эти продукты в более или менее отдаленные страны. Одним экспортом не ограничивается связь народного хозяйства с мировым. Промышленность его нуждается в хлопке, каучуке, нефтяных маслах, сельское хозяйство требует минеральных удобрений, и все эти продукты импортируются из различных стран мира.

Весь указанный нами оборот благ как между районами народного хозяйства, так и участие народного хозяйства в международной торговле, покоится на основе тех выгод, которые получаются от общественного разделения труда. Те страны и те районы имеют преимущества в междурайонной и международной конкуренции, которые производят свои продукты по наименьшей себестоимости и занимают благоприятное рыночное положение. Приспосабливаясь к выгодам общественного разделения труда, географически ориентированным к определенным частям страны, с одной стороны, а с другой—воздействуя на углубление общественного разделения труда в пространстве, создается в каждом народном хозяйстве аппарат улучшенного водного и железно-дорожного транспорта.

Такова система народно-хозяйственного разделения труда и связь ее с мировым хозяйством. Те экономико-географические явления, которые мы здесь наблюдаем, могут быть нами освоены и объяснены только на основе познания самой системы такого общественного разделения труда.

Как система экономических районов является объединенной в общественное разделение труда высшего порядка—в народное хозяйство, так и существующее взаимодействие между странами в международной торговле создает основания для мирового общественного разделения труда. Мы уже знаем, что участниками этого мирового общественного разделения труда будут те народные хозяйства, в которых окажутся по природным или экономическим условиям такие специализированные районы, которые имеют крупные избытки продуктов и могут предложить их мировым потребителям по наименьшей себестоимости.

Упомянув такие специализированные районы, мы можем их себе представить в виде канадского, шведского и северно-русского лесных экспортных районов, в виде пшеничных районов Канады, Соед. Штатов, Аргентины, в виде районов шерстного овцеводства Австралии, районов хлопководства Соед. Штатов, кофейного производства

Бразилии. Наконец, в мировом обороте огромнейшую роль играют промышленные районы: Англия, Соед. Штаты и Бельгия доставляют железные и мануфактурные изделия, Германия—химические товары и некоторые сорта машин, Франция—вино и предметы роскоши, Швеция—тонкие стальные изделия, Италия—шелковые изделия, Швейцария—часы. Страны, импортирующие все эти продукты, рассеяны по всему миру. Мировые пути давно уже из полосы Средиземных морей перешли на океанские линии. Вслед за прорывом Суэцкого канала ставится вопрос о прорыве Панамского канала и хотя с большим опозданием, но все же осуществляется. В целях расширения и углубления мировой торговли, множатся трансконтинентальные линии железных дорог. В нескольких направлениях перерезается железными путями Сев. Америка, создается Великий Сибирский путь, трансавстралийский и строится трансфриканский.

Все эти огромные изменения в направлении путей сообщения идут одновременно с улучшением пароходных и железнодорожных средств передвижения, сопровождаются развитием почтовых, телеграфных, телефонных сообщений и, наконец, развитием авиации и радио.

Из старозаселенных стран Зап. Европы с развитой промышленностью передвигаются в сторону колонизируемых далеких областей Канады и Аргентины эмигранты; в те же страны и в колонии направляют Зап. Европа и Соед. Штаты свои капиталы.

Устойчивыми, постоянными делаются хозяйственные связи между всеми странами, участвующими в мировом общественном разделении труда. Правда, эти связи нередко осложняются интересами торговой политики той или иной великодержавной страны, иногда нарушаются разрывом дипломатических сношений, войнами, но такие отклонения и нарушения, если и замедляют указанные основные тенденции, то не изменяют существа их¹⁾.

В связи с мощным и устойчивым ростом географического общественного разделения труда мировой рынок, мировое хозяйство в целом, становится все больше определяющим условием развития хозяйства каждой страны, так же как система народного хозяйства какого-либо государства в целом является определяющим моментом для развития каждого района.

Такова общая картина географического общественного разделения труда. Мы видим, что, независимо от объема, пестроты и широты такого общественного разделения труда, это последнее осуществляется на основе хозяйственного расчета стимулирующего снабжения потребительских рынков продуктами из местностей отличающихся наиболее низкими производственными и транспортными издержками. Из сказанного следует, что само пространственное

¹⁾ Н. Ленин—Империализм, как новейший этап капитализма. 1919 г. Бухарин, Н. И.—Мировое хозяйство и империализм. 1923 г.

размещение хозяйственной деятельности должно находиться в какой-то связи с этими хозяйственными расчетами.

Те хозяйственные явления, которые не находятся во взаимодействии в пространстве, очевидно, и не могут быть объяснены нами с установленной выше точки зрения. Их размещение в пространстве, несмотря на наблюдаемую большую пестроту нахождения между районами и странами, не может нами рассматриваться, как проявление общественного разделения труда.

Систематическим изучением закономерностей наблюдаемых в размещении хозяйственных явлений в пространстве, связанном общественным разделением труда, занимается экономическая география.

2. Эволюция экономико-географической мысли в прошлом.

Данная нами картина географического разделения труда, как мы знаем, слагалась не во всех частях одновременно; можно сказать, что каждая из описанных выше систем—мирового хозяйства, народного и районного, шла неодинаковым темпом в своем развитии, иногда переплетаясь между собою. Параллельно этому развитию шло накопление материалов о фактах хозяйствования в различных частях мира. Собираение этих сведений о хозяйстве в далеком прошлом происходило в огромном большинстве случаев под углом зрения тех торговых или военных интересов, которыми руководились первые наблюдатели и участники общения стран и народов.

В описаниях арабских путешественников IX и X вв., или в описаниях путешественников (XIV—XVI вв.) Марко Поло, Рубруквиса, Герберштейна, Афанасия Никитина и др. мы находим рядом с данными, характеризующими природу тех стран, через которые они проезжали, религию, обряды, быт, также и ценные данные о хозяйственной деятельности населения.

В XVI и XVII веках, в период развития торгового капитализма едва ли не самым существенным вопросом всех страноведческих описаний, помимо общих сведений, становится вопрос о том, что та или иная страна могла бы вывозить на внешний рынок и какими товарами выгодно было бы эту страну снабжать. Несмотря на примитивность такой постановки вопроса, она была чрезвычайно плодотворна потому, что направляла на путь систематизации быстро накапливавшийся в это время описательный и цифровой материал о странах и народах. Под этим углом зрения проведены были известные работы—итальянские (XV—XVI вв.), голландские и английские XVII в.

В раннюю эпоху промышленного капитализма и быстро развивавшейся колониальной политики экономико-географические познания углубляются и расширяются. В описательных работах немецких государствоведов—Зюссмильха, Ахенваля, Бюшинга и др., мы, помимо

разработки некоторых ценных для экономической географии проблем (народонаселения, некоторых черт взаимодействия между природой и человеком и т. п.),—находим накопление богатого материала, характеризующего хозяйство различных стран в отношении населения, производства, торговли, транспорта и т. п.

На первых же шагах развития экономической науки в школе физиократов, у Тюрго мы находим попытку наметить задачи географии по изучению современного ему хозяйства. Тюрго довольно широко ставил задачи по изучению многообразия хозяйственной действительности земного шара.

«Современное положение земного шара,—указывает он,—дает нам картину бесконечного разнообразия ступеней варварства и культуры. Оно позволяет нам различить следы и признаки всех ступеней развития человеческого разума, картину всех последовательных шагов истории всех эпох. Поэтому, география должна, по его мнению, исследовать и нарисовать все это многообразие природы разных стран, источников народного богатства, торговли, путей сообщения, пеструю мозаику состояния отдельных народов и государств, равно как и моральные и психические причины развития отдельных народов»¹⁾.

Физиократы и классики, исходившие большей частью в своих рассуждениях из априорных допущений, в целом мало интересовались многообразием хозяйственной деятельности в пространстве. Но их общие теоретические построения об обороте хозяйственных благ, о структуре доходов вообще и, особенно, учение Рикардо о ренте сыграли огромную роль в углублении изучения хозяйственных явлений в пространстве.

В учении о земельной ренте ясно отразилась необходимость увязать законы оборота благ и общественного разделения труда с пространственной перспективой. Выгоды участия в общественном разделении труда не могли быть исчерпаны повышением производительности труда в связи со специализацией занятий или вложениями в производство капиталов,—их необходимо было увязать также и с положением производства в пространстве. Открывшаяся изучению экономистов хозяйственная среда постепенно захватывалась познанием, и политическая экономия должна была включить в систему своей науки учение о земельной ренте. В учении о земельной ренте получило отображение, как в фокусе, большинство проблем, которые в настоящее время представляют огромный интерес для исследователей закономерностей хозяйства в пространстве. В стилизованном виде, лишенном конкретного содержания, мы находим здесь постановку вопросов о влиянии на размещение производства природных условий (рента

¹⁾ Танаевский, В. А.—Обзор развития экономико-географической мысли. Вятка. 1927 г., стр. 46.

плодородия почвы), транспортных издержек (рента расстояния), условий организации производства (закон убывающего плодородия) и, наконец, социальных условий (рента абсолютная и монополярная).

Учение о земельной ренте, как теоретическая попытка ввести в систему политической экономии пространственную перспективу оборота благ и общественного разделения труда, была большим научным достижением, открывавшим новые перспективы в изучении хозяйства в пространстве.

Выводы из этих теоретических построений в приложении к проблемам пространственного размещения хозяйства мы найдем только в последующих экономических работах. Прежде всего основные достижения экономической мысли были развиты и использованы в гениальной работе И. Тюнена «Изолированное государство». Это исследование и до сего времени имеет значение основной теоретической системы, на которой должна строиться наука о размещении хозяйства в пространстве, каковой должна быть экономическая география. Придавая системе Тюнена такое большое значение, мы даем ее краткое изложение в следующей главе нашей работы.

Попыткой в некоторой доле использовать для познания хозяйственной действительности построения Тюнена, а отчасти (не всегда удачно) самому продвинуться вперед в части изучения закономерностей пространственного размещения промышленности, является работа Рошера «Grundriss der Nationalökonomie 1843 г. и исследование 1865 года Studien über die Naturgesetze». В своих работах Рошер дает огромный фактический материал о предпочтительном размещении индустрии. «Эти сведения вплетены в качестве примеров в сеть нескольких общих положений, которые он хочет доказать... Общие положения работы содержат две основных мысли: во-первых, то, что промышленность при «низком расчленении работы» в общем ориентируется на потребление, но с его повышением локально группируется по «выгодности производства»; во-вторых, что при этой группировке по выгодности производства решающим для выбора штандорта фактором будет зависимость цены продукта, «главным образом от сырья, труда или капитала». Преобладающий из этих трех производственных факторов в цене будет решающим при выборе штандорта. Эта последняя формулировка Рошера господствовала фактически над всем дальнейшим учением о промышленном штандорте»¹⁾.

О том, что указанные положения ошибочны, мы убедимся, штудировав ниже современную теорию штандорта промышленности Вебера, но в свое время работа Рошера была большим шагом вперед в деле познания закономерностей размещения и была принята

за основание при осуществлении некоторых конкретных исследований размещения промышленности¹⁾.

Параллельно указанным теоретическим исканиям в области хозяйственной географии, совершенно оторвано от них, в тесной связи с огромными достижениями в области естественных наук, шла работа по созданию общей системы географии и, в частности, прорабатывалась также и проблема природной обусловленности хозяйственной деятельности человека. Александр Гумбольдт и Карл Риттер считаются основоположниками такого направления экономической географии, которое и до последнего времени остается господствующим.

В своем «Опыте политического состояния королевства Новой Испании» Александр Гумбольдт, дает основанную на природе страны политическую и экономическую географию. Культура и благосостояние народа приписываются физико-географическим условиям страны; даже государство и его конституция описываются, как находящиеся под влиянием природы. Природа здесь—все. О равноправии обоих факторов—природы и человека—еще нет речи.

Карл Риттер, по сравнению с Гумбольдтом, делает значительный шаг вперед в развитии географического мышления. Для истории экономико-географической мысли имеет большое значение его исследование о географическом продуктоведении, которое появилось в 1852 г. Это—«Введение во всеобщую сравнительную географию и рассуждения для основания более научного подхода к земледелию, отдел 4. Теллурическая связь природы и истории в продукции трех царств природы, или о географическом продуктоведении».

«Риттер смотрит на природу, как на основу всей человеческой деятельности, но уже имеет представление и о проявлениях хозяйствующего человека в природе, так как требует, чтобы география показывала, что деятельность обитающих в разных странах людей запечатлена гигантскими буквами на лице земли. Правда, это представление причинной зависимости настоящего взаимодействия между природой и человеком еще автору не известно, Однако, обратно Риттеру было совершенно ясно то, что впоследствии, к сожалению, опять стало забываться, то, что отношение природы к поверхности земли и человеку не во все времена одинаково, но находится в постоянном изменении.

Если рассматривать сочинения Риттера с точки зрения практического использования признанных им отношений между природой и человеком, то оказывается, что он считал центром тяжести зависимость человека от природы страны и отдельных местностей. Вся Риттеровская школа шла тем же путем.

¹⁾ Э. Ласпейрес. Группировка промышленности в пределах С. А. Союза. Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft, 1870/71.

¹⁾ Weber, A.—Über den Standort der Industrien, стр. 215/216.

Центр тяжести концепции и в последующее время находится все еще в природной обусловленности. Человек в географических работах того времени не играл почти никакой роли»¹⁾.

Только к концу XIX в. из рамок общей географии и антропогеографии под самыми различными названиями начинает выделяться география хозяйства. Изучению начинают подвергаться география производства, транспорта, торговли. В направлении освоения новых научных исканий перестраиваются теоретические и методологические предпосылки.

Но положение оторванности экономической географии от родственных ей экономических наук остается до последнего времени почти таким же, как и 100 тому лет назад²⁾.

Чтобы убедиться в этом, разберемся во взглядах наиболее авторитетных современных географов и географов-экономистов на предмет и метод экономической географии.

Первая, по мнению, Лютгенса, серьезная попытка решить вопрос о задачах экономической географии была сделана в 1882 г. В. Гетцем, который хотел при помощи экономической географии изучить естественную почву народного хозяйства³⁾.

Но так как взгляды Гетца слабо отражаются в трудах современных наиболее авторитетных экономистов-географов, то в нашем изложении мы его минуем и перейдем к непосредственному изучению взглядов на предмет и метод экономической географии, установившихся в настоящее время, главным образом, в Германии и в СССР.

3. Современные взгляды на задачи экономической географии и критика их⁴⁾.

А. Экономисты-географы Германии.

Наиболее влиятельным научным наследством, полученным экономической географией от прошлого оказались в современности естественно-исторические географические традиции. Экономическая география в настоящее время большею частью трактуется

¹⁾ В. Dietrich.—Grundzuge der Allgemeinen Wirtschaftsgeographie 1927 г. стр. 11. Н. Schmidt.—Die Klassischen Vorlauffer C. W. Wirtschaftsgeographie 1924 г. и Танаевский, В. А.—Обзор эконом. географ. мысли 82/89.

²⁾ Dietrich стр. 16.

³⁾ Lutgens стр. 1.

⁴⁾ В наше рассмотрение мы не включили работы американских, английских и французских авторов. Некоторые из американских работ (Bussel Smith, Huntington, Cushing, Miller, Parkins) представляют собой очень интересные по форме и изложению экономико-географические описания, но тем не менее в своем понимании предмета и метода экономической географии авторы указанных работ не выявляют сколько-нибудь оригинальных точек зрения. Принципиальные их позиции близки к излагаемым ниже взглядам современных немецких экономистов-географов.

как отрасль общей географии и в соответствии с этим намечаются ее предмет и метод.

Для понимания современного направления экономической географии имеют большое значение взгляды Геттнера на предмет и метод экономической географии.

«Широко,—говорит Геттнер,—изучается за последнее время экономическая география, которая выросла из старой торговой географии. Она трактуется уже не только о географической концепции торговли, но также и о хозяйственном производстве, о сельском хозяйстве, в самом широком смысле слова, так же как и о горной промышленности, об индустрии, которую часто несправедливо оставляют в стороне, и о потреблении. О том, к какой науке должна быть отнесена экономическая география, и о месте ее в системе наук, возник в последнее время спор. Несмотря на неподобающее пренебрежение географической обусловленностью всех хозяйственных отношений, именно со стороны современной политической экономии в отличие от более старого поколения (Рошер, Книс и все еще Шмоллер), некоторые представители этой науки хотя и всецело завладели экономической географией и вытеснили из нее географию совсем. Они игнорируют различие точек зрения, из которых исходят обе науки, и обусловленную ими возможность и даже необходимость двоякого рассмотрения. Мы и не думаем оспаривать право политико-экономов на рассмотрение географической обусловленности хозяйственных явлений; напротив, мы были бы очень рады, если бы они ею занимались больше, чем до сих пор; но из-за этого мы не можем согласиться на то, чтобы у нас было отнято право подходить к хозяйственным вещам с нашей точки зрения. Подобно тому, как мы различаем географию растений и геоботанику, географию животных и географическую зоологию, мы должны также различать собственно экономическую географию и географическое хозяйствование, к которому примыкает географическое продукто-и товароведение. Для него хозяйственные явления и продукты находятся в центре внимания, и оно занимается их географическим распространением; а экономическая география занимается хозяйственной жизнью стран и местностей. Это было ошибкой, когда она, как это часто делалось в торговых и высших торговых школах, включала в себя все продуктоведение. Исследователь-географ может иногда написать книгу о товароведении (напр., превосходные работы Карла Риттера и позже Теобальда Фишера), но этим самым он покидает почву собственной науки и вступает в соседнюю область. Целью географического рассмотрения всегда является страна. Но если некоторые исследователи ограничивают экономическую географию географическими условиями хозяйственных явлений,—это будет уже неправильным применением географического принципа, объясняющимся реакцией

против предшествовавших преувеличений. Этим самым они вырывают у нее почву из под ног; ибо влияния как таковые не могут никогда служить предметом научного исследования. Предметом экономической географии является характер хозяйства стран и местностей и всей земли, и не только продукция, но вся хозяйственная жизнь, как явление природы страны. Конечно, она не может и не должна углубляться в подробности хозяйственной организации, которые мало имеют дела с природой страны, это она предоставляет политической экономии, которой не мешало бы побольше заняться этой районной стороной своей науки!

Как видим, в замечаниях Геттнера ясно выражено стремление учесть новые назревшие потребности построения науки, которая должна быть наукой о хозяйстве в пространстве или географическим хозяйствованием, и достаточное понимание, что такое построение не может ограничиваться только приложением методов, усвоенных общей географией. Но в то же время Геттнер не дает сколько-нибудь определенного решения вопроса ни о содержании, ни о методе этого географического хозяйствования, для которого хозяйственные явления и продукты находятся в центре внимания. Еще более неопределенным он делает решение тем, что от задач изучения географического хозяйствования он обособляет экономическую географию как науку, занимающуюся экономическим страноведением и изучающую «характер хозяйства стран и местностей и всей земли, и не только продукцию, но и всю хозяйственную жизнь».

Если к сказанному добавить еще одну выдержку из Геттнера, то сущность взаимоотношений между природой и хозяйством в понимании Геттнера нам станет совершенно ясной. «Не стоит и говорить о том, что хозяйственная жизнь страны основана на ее природе, или, по крайней мере, зависит от нее. Само собой разумеется, что она является деятельностью человека, но таковая должна применяться к природе. Она находится в такой тесной связи с населением и транспортом, что одно не может быть понято без другого».

Таким образом, экономическая география в трактовке Геттнера остается частной дисциплиной географического порядка. Но ей, и только ей, доверяет Геттнер хозяйственное страноведение. Географическое хозяйствование, как наука чуждая Геттнеру, отсылается к наукам экономическим, и в его предположении такая наука должна заниматься географическим распространением хозяйственных явлений и продуктов, но не хозяйственной жизнью стран и местностей. Взгляды Геттнера имели и имеют еще огромный авторитет, и у большинства современных западно-европейских и русских экономистов-географов мы найдем с некоторыми небольшими поправками и дополнениями повторение тех же мыслей Геттнера. Наши окончательные выводы о взглядах

Геттнеровской школы на предмет и метод экономической географии мы сделаем после разбора взглядов важнейших ее представителей.

В работах Лютгенса¹⁾ мы имеем интересную попытку уточнить предмет экономической географии, а также и отграничить ее задачи от задач политической экономии. В понимании Лютгенса экономическая география есть «учение о взаимодействии между земным пространством с его наполнением и хозяйствующим человеком, а вместе с этим и учение об объяснении явлений и следствий этого взаимодействия».

Таким образом, Лютгенс устанавливает равноправие в экономической географии влияния пространства на человека и влияние человека на пространство.

Уточняя специфические черты экономической географии среди других наук, он говорит, что цель ее дать картину пространства с хозяйственной точки зрения. Давая это описание, надо стремиться разрешить вопросы не только, где и как, но также и почему слагается такая картина. Эту задачу экономическая география решает таким способом.

«Она берет, с одной стороны, фактический материал у хозяйственных вспомогательных наук, чтобы объединять и перерабатывать его с географических точек зрения, с другой стороны, она наблюдает и исследует географические явления в их хозяйственной ценности и их хозяйственных действиях. Это соединение по-нашему и представляет собой собственно экономико-географическую работу. Ибо, таким образом, из нового расположения материала она приобретает новые знания и исполняет, таким образом, исследовательскую работу и притом своеобразную, ибо она применяет характерную пространственную точку зрения географии, а также точку зрения хозяйственной ценности. Когда мы хозяйственные факты и явления прорабатываем с географических точек зрения, то при нашей концепции географии это означает, что мы устанавливаем, распределяем и объясняем влияние на хозяйство пространства и его влияние в пространстве и на картину пространства».

Лютгенс считает, что экономическая география должна быть наукой соответственно ее содержанию, смешанными методами естественно-научными и гуманитарными, как характеризует он и методы географии в целом. Он решительно возражает против попыток (Рюль) оторвать экономическую географию от географии и утверждает, что «если познание распространения хозяйственных явлений хотят оставить только за хозяйственными науками, не связывая его с географическим окружающим миром, и если это хотят назвать

¹⁾ Allgemeine Wirtschaftsgeographie. Breslau 1928. Spezielle Wirtschaftsgeographie auf landwirtschaftlicher Grundlage. b. Mitt. d. geogr. Ges. im Hamburg. B. XXXIII 1921.

экономической географией,— тогда эта экономическая география не относится к географии». Он считает экономическую географию наукой географической и составляющей часть антропогеографии.

Лютгенс различает общую и специальную экономическую географию. Первая, по его мнению, «исследует экономико-географические явления по всему пространству земли, а вторая пытается познать многообразие экономико-географических взаимоотношений в какой-либо обособленной области или стране».

«В общей экономической географии исследуются, таким образом, отдельные экономико-географические явления сначала без отношения к какому-либо определенному месту земли. В целом, нужно исходить из того, что географические условия везде различны. Одно и то же географическое явление, например, равнина или река, оказывают при различных обстоятельствах и различное влияние на хозяйство человека. Например, играет роль вопрос, каковы климатические условия данной равнины или данной речной области. Смотря по этому, географические условия могут благоприятствовать развитию хозяйства или задерживать его. В этой области желательны специальные исследования экономико-географических зависимостей в каждом различно сложившемся типе натурального ландшафта, как задачи «сравнительной общей экономической географии».

Несмотря на значительное углубление в понимании задач экономической географии и весьма ценные указания Лютгенса на наличие взаимной связи между политической экономией и экономической географией, мы все же не можем признать, что Лютгенсу удалось раскрыть существо тех закономерностей, которые должна изучать экономическая география. Для нас остается неясным, как она объясняет закономерности размещения хозяйственных явлений. Могут показаться особенно интересными указания Лютгенса на то, что экономическая география наблюдает и исследует географические явления в их хозяйственной ценности и в их хозяйственных действиях. Но судя по приемам работы автора, мы находим у него преобладание натуралистической точки зрения и этим, главным образом, приходится объяснять его решительный протест против присоединения экономической географии к экономическим наукам.

Не лишено интереса также и указание Лютгенса на необходимость построения как общей, так и специальной экономической географии. В первой он предполагает изучать закономерности экономико-географических явлений, не связанные с каким-либо определенным местом, но причинно обусловленные в пространстве предметами и явлениями, которые оказывают влияние на хозяйство человека. Во второй части построение его меняется только в том, что своей задачей он ставит познание многообразия экономико-географических взаимоотношений в какой-либо обособленной области или стране. В этой последней части содержание экономико-географической науки,

намечаемое Лютгенсом, совершенно совпадает с объемом задач, отводимых экономической географии Геттнером.

Теоретические построения В. Дитриха¹⁾ в основных своих чертах совпадают со взглядами Лютгенса, но тем не менее изложение взглядов Дитриха представляет большой интерес в части тех доказательств, которыми он сопровождает свои выводы о предмете и методе экономической географии.

Определение, даваемое им экономической географии, следующее:

«Под экономической географией мы понимаем учение о взаимодействии между земным пространством и хозяйствующим человеком, а затем, как следствие этого,—учение о хозяйственном лике земли, его составе, возникновении и распределении в пространстве».

Как видим, Дитрих считает необходимым в самом определении экономической географии более четко, чем Лютгенс, вскрывать предмет и метод науки. Интересно намечает Дитрих подразделение задач общей и специальной экономической географии.

«Учение о среде находит себе применение в познании явлений хозяйства, пространственно охватываемых по всей земле и выражающихся в продукции и потреблении. Обусловленное природой зональное распределение первоначальных крупных природных областей побуждало к изображению хозяйственных эффектов также в их пространственном распределении по земле. Это и есть прежнее учение о распространении, которое мы расширяем до пределов экономико-географического учения о зонах. Оно должно показать крупные области распространения хозяйственных продуктов и их потребления, а также и хозяйствующего человека и его хозяйственных ступеней в их пространственной обусловленности. Учение о зонах можно по его существу назвать также «общей сравнительной экономической географией».

Перенесение результатов, добытых в учении о среде или в учении о зонах, на специальную более или менее крупную часть земного пространства, относится к «специальной экономической географии», которую называют также «районной экономической географией».

Но указанные отличия в системе изложения экономической географии не должны нами истолковываться, как различия взглядов Дитриха, по существу, от Геттнера и тем более Лютгенса. Дитрих весьма подробно останавливается на характеристике того, что надо понимать под взаимодействием между земным пространством и хозяйствующим человеком и хотя доводы его во многом повторяют Лютгенса, но иногда отличаются большей ясностью и поэтому заслуживают внимания.

¹⁾ В. Dietrich.—Grundzüge der allgemeinen Wirtschaftsgeographie. 1927.

«Делом экономической географии будет показать отношения между природными и культурными основами, как они хозяйственно обнаруживаются в своем пространственном распределении по земле. Товар, как продукт организованной работы в его ценности, количестве и значении, изучает политическая экономия. Но как в природе, так и в науках, редко бывает возможно провести резкую границу; часто одна область заходит в другую.

Если бы мы захотели обрисовать в кратких словах взаимоотношения между природой и человеком, мы могли бы сказать: влияние природы на человека может быть прежде всего таким, как в неорганической природе в виде землетрясений, вулканов, ураганов, физического влияния климата и т. д. Человек тут бывает исключительно объектом. Затем, на ряду с этими влияниями, идет целый ряд физических влияний, которые воздействуют на степень энергии и вызывают явления, рассматривающиеся в таких специальных науках, как геопсихология и пр. (представители ее Nellpach и Rühl). И здесь тоже человек является объектом. Третьим видом влияния будет тот, когда природа воздействует в крупных и мелких чертах на активную деятельность человека, но тогда это будет реакция человеческой воли на данное природой побуждение, действием. Здесь человек будет субъектом».

Характер взаимодействия между природой и человеком Дитрих их характеризует далее так:

«Природная сила среды, первобытного пространства, заключается в ее форме, почве, климате, природном растительном покрове и вплоть до животной жизни.

Культура человека—такая же сумма отдельных сил, рождающихся из физической и духовной конституции человека, обусловленная одновременно его потребностями. Эти потребности, сведенные к простейшей формуле, суть потребности в жилище, одежде, питании. Эти потребности могут быть удовлетворены только путем соприкосновения с природой. Мера удовлетворения различна в зависимости от природы.

С этого удовлетворения начинается деятельность человека. Самый примитивный человек становится в это время хозяйствующим человеком. Он требует, природа дает. Но она дает только, когда человек работает, т. е. производит изменения в среде, начинает превращать природный ландшафт в культурный.

Это рассуждение заставляет нас признать, что результат работы человека зависит от природы; такой результат является функцией культурной конституции или, если мы эффект работы человека будем рассматривать, как следствие его воли,—функцией его культурной мощи».

Приведенная выдержка в значительной мере уточняет ту грань, которую разбираемая нами школа проводит между экономической географией и политической экономией и в связи с этим становится

ясным, что взаимодействия, интересующие Дитриха, главным образом,—естественно-исторического порядка.

Мы можем и еще более подчеркнуть только-что высказанную мысль, опираясь на указания Дитриха.

«В политической экономии человек есть хозяйственно-мыслящее и действующее с расчетом на выгоды существо. Положение человека в экономической географии сложнее, он постоянно подвержен изменениям: из объекта по отношению к природе, он в момент перехода к хозяйственной деятельности становится субъектом, не оставаясь, впрочем, никогда только таковым. Ибо силы природы всегда в большей или меньшей степени противодействуют ему.

Построение доказательства в экономической географии всегда носит географический характер. Целью является объяснение пространственного размещения хозяйственных явлений. Иногда явления хозяйственного пространства могут быть объяснены только с помощью вспомогательных наук. Например, наличие в Силезии развитой стекольной промышленности не может быть объяснено на основании географических мотивов. Причины этого явления заключаются в случайном переселении туда людей из других местностей Германии, где данная промышленность была развита. На хозяйство могут иметь влияние и такие факторы, как религия, техника, торговая практика. Например, в мусульманских частях населения Африки в хозяйстве отсутствует свиноводство, хотя природные условия совсем не мешают этому. Здесь человек не использует своей культурной мощи из религиозных мотивов. Далее, когда изобретение искусственного индиго произвело сдвиг в торговле в Индии—это было следствием ориентировки производства, основанной на технике. Явление это имело место в пространстве и географически вполне объяснимо. Если в настоящее время деревообделочные фабрики и хлопчатобумажные прядильни С. А. С. Ш. не все находятся в районе производства сырья, то объяснения этому надо искать в том, что укоренение индустрии по финансовым соображениям или благодаря достигнутому рентабельному транспортному положению не принуждает больше к передвижению на места добычи сырья, уже не считаясь с тем, что предприятия вообще не охотно меняют насиженные места. Изменилось при этом только первоначальная прикрепленность к месту у индустрии, а в данном случае—положение транспорта. Но для хозяйственной картины пространства распределение областей сырья имеет одинаковое значение с размещением индустрии, если даже основания для передвижения в пространстве изменились.

Ведение доказательства во всяком случае будет экономико-географическим, если оно ставит себе целью показать хозяйственное пространство в его причинной связности или его изменениях».

Мы не думаем, что научная работа над географией хозяйства современности может выиграть от настойчивых желаний натуралистов-географов остаться во что бы то ни стало на старых, главным образом, натуралистических позициях.

Как видим, Лютгенс и Дитрих стремятся огородить экономическую географию от экономических наук. Такая позиция особенно заслуживает внимания, потому что оба автора допускают значительно больший захват экономической географией—географии хозяйства, чем мы имеем, например, у Геттнера. Позиции свои Лютгенс обосновывает тем, что обнаруживающееся при такой научной работе смешение методов является обычным в географии и тем, что географическое рассмотрение не свойственно экономическим наукам. У Дитриха мы находим подчеркнутым противопоставление хозяйственного человека политической экономии—меняющемуся по культурному уровню в пространстве—экономико-географическому человеку.

Указания Лютгенса на традиционное смешение в географии методов естественно-исторических и гуманитарных наук не устраняет нашего возражения. Натуралистический аспект научного анализа, допустимый в этнографии, совершенно неуместен при изучении экономических явлений.

Боязнь, что при ином экономическом построении экономической географии влияние природных условий во всем их многообразии будет обязательно игнорировано могло бы быть легко парализовано ссылками на то, что такая чисто экономическая наука, как сельскохозяйственная экономия, вовсе не имеет склонности делать свои выводы, игнорируя природную обстановку. Но, конечно, эта природная среда рассматривается сел.-хоз. экономистами с точки зрения повышения или понижения выгод ведения хозяйства.

Из подчеркнутых указаний Дитриха можно вывести одно очень важное соображение, ценное для уточнения предмета и метода экономической географии. Как видно из приведенных выписок, Дитриха (а также и других его единомышленников) в одинаковой мере интересуют все проявления хозяйствования человека на земле во всех стадиях развития. Дитрих не случайно останавливается на хозяйстве примитивного человека, много говорит и о развитии хозяйственной культуры. Автор считает невозможным ограничивать свои задачи действиями в пространстве человека, руководящегося хозяйственным расчетом, и на мотивы его действий ориентировать задачи экономической географии. Мы считаем, что наше подчеркивание указанного обстоятельства имеет очень большое принципиальное значение. Здесь дело не только в объеме объекта изучения, но в связи с этим вопросом в конце-концов должны быть решены и методологические основы экономической географии.

Политическая экономия строит свои выводы, ориентируясь на систему стихийного менового капиталистического строя. Мы уже указывали на попытки использовать для объяснения экономико-географических явлений те теоретические ресурсы, которые были накоплены экономикой. Но беря за основу изучения распределения хозяйства в пространстве экономические предпосылки, мы должны ясно представлять себе пределы их значимости. Если этнографы и, особенно, историки первобытного хозяйства на базе огромного скопленного материала утверждают, что того или иного вида меновой оборот существовал всегда даже и у первобытных народов, то в равной же мере надо считать доказанным, что первобытным народам далеко нельзя вменять тех оснований хозяйственного расчета, которые благодаря культурно-хозяйственному развитию создается в странах с развитым меновым оборотом. Разбираясь по существу в соображениях натуралистической школы экономистов-географов, мы не должны забывать того, что приложение тех или иных методов к изучению действительности не может итти оторванно от существа того объекта, который мы должны изучать.

Натуралисты экономисты-географы ставят себе задачей изучать географию хозяйства человека во всех его проявлениях, на всех стадиях развития. Они правы в том, что изучать весь этот объект методом, свойственным политической экономии и необходимым для познания закономерностей географического общественного разделения труда, невозможно. И это именно с полным основанием заставляет их остаться на натуралистической позиции, загромождать свои изложения этнографическими данными и, что особенно мало целесообразно, с тех же позиций, подкрепленных экономическими соображениями, пытаться понять и современную, основанную на общественном разделении труда, географию хозяйства.

Ради того, чтобы приблизиться к современности, экономисты-географы натуралистической школы устанавливают равноправие природы и человека, но это мало помогает. Против своего желания они, не вводя этого в систему, оказываются вынужденными при изучении современности все больше и больше вести географический анализ экономическими методами, т. к. главная культурная база, на которой строится современная география хозяйства, есть экономическая база и заменить ее техникой, религией, обычаями и другими фактами невозможно.

Мы полагаем, что этнография может и должна взять на себя заботу изучения географии хозяйства первобытных народов, а в некоторой доле это входило и входит в историю хозяйственного быта в часть, описывающую первобытное хозяйство. За выделением этой пестрой и сложной, но хозяйственно малозначимой, части остается огромное основное содержание экономической географии—географическое общественное разделение труда.

После таких уточнений границ объекта науки, вопрос о внедрении в экономическую географию принципов, выработанных политической экономией, будет встречать уже меньше затруднений. Возражения, во всяком случае, будут сводиться к тем обычным соображениям, которые высказываются при анализе современной хозяйственной действительности, на основе принципов чисто-менового, капиталистического хозяйства. Можно говорить о том, что во многих крестьянских хозяйствах еще широко развита натуральная часть, что мусульмане не едят свинины, можно не экономическими мотивами объяснять высокую ренту земли на берегах Крыма, или около Швейцарских озер и т. п. Но все эти и многие другие факты вовсе не могут быть доводами в пользу отказа от экономического анализа. Так же, как у агрохимика при проработке вопроса о применении искусственных удобрений, встанут задачи по увязке законов химии с физиологией растений, с физической структурой почвы и подпочвы, с рельефом местности, с атмосферными осадками; наконец, со стоимостью самих минеральных удобрений, так и экономист и экономист-географ в конкретных своих построениях должны считаться и действительно считаются с влиянием на хозяйственный расчет явлений иного порядка, учитывая их хозяйственную значимость.

Если это последнее иногда не делается или делается плохо, то на основании дурного исполнения работы нельзя сделать выводов, что применение агрохимических правил к практике удобрений, или правил экономической теории к изучению размещения хозяйства в пространстве, лишено оснований. Это—опасение человека, отказывающегося научиться плавать и предпочитающего держаться берега и мелкого места. Но мы уже показали и будем стремиться далее доказать, что научиться плавать по необъятному морю современной географической хозяйственной действительности совершенно необходимо. Преодоление его надо ставить в центре научного внимания и применительно к стоящим задачам надо вырабатывать и методы научной работы.

Как и кем это делалось за последние десятилетия, это мы увидим из дальнейшего изложения ¹⁾. Рядом с работами экономистов-географов, имеющих корни в прошлой большой творческой работе, созданной географами, мы видим, что за последние десятилетия оживает то направление экономической мысли, основоположниками которого надо считать Тюнена, Рошера, Кнуса и др. Настойчиво и широко разворачиваются научные искания по изучению закономерностей размещения хозяйственной деятельности в пространстве.

¹⁾ Особое положение в ряде других современных работ занимают труды Е. Fridrich'a—Wirtschaftsgeographie. 1926. Хотя автор и берет объектом своего изучения не землю, а хозяйственную деятельность человека, но эту деятельность он рассматривает, как результат психического и физиологического развития человека. Такая точка зрения внесла мало ценного в дело самоопределения экономической географии.

В 1899 г. появляется работа Энгельбрехта Thünens Isolierter Staat und die Gegenwart, в которой он не только напоминает старые истины, высказанные Тюненом, но и пытается с большим успехом использовать таковые для изучения в современности. Он исследует транспортные расходы по железным дорогам и влияние их на сельское хозяйство. Изучает малозатраченное Тюненом размещение скотоводства. (Молочное скотоводство Германии и американского запада, откорм скота, колебание цен на корма и откорм скота, стоимость навоза). Разбирается в весьма актуальном в современности вопросе—о влиянии расширения земледелия на земельную ренту. В другой своей работе—«Die Landbausonnen der aussertropischen Länder» Энгельбрехт вырабатывает методику изображения географии организационных форм сельскохозяйственного производства и этим самым достигает большого успеха в увязке таковых форм с пространством.

Рядом с Энгельбрехтом в работах Аэробоэ, Лаура, Бринкмана мы находим продолжение разработки тех же теоретических позиций географии сельского хозяйства, которые когда-то были установлены Тюненом.

Как видим, в области изучения сельского хозяйства экономический подход к изучению географии стал уже обыденным явлением, но те же требования углубленного понимания экономической сущности географии хозяйства мы встречаем и в других областях экономических наук. Профессор Б. Гармс в своей работе «Probleme der Weltwirtschaft» весьма категорично возражает против стремления обособить экономическую географию от экономических знаний. Он считает, что утверждение, сделанное Книсом, что естественные науки исследуют факты природных условий, а социальная экономика должна наблюдать их хозяйственные последствия должно стать основным принципом экономической географии. «Так, как сейчас,—говорит он,—дело продолжаться не может. Если будем и дальше довольствоваться тем, что передадим конкретные исследования «о зависимости народного хозяйства от внешних природных условий» соседним наукам, мы откажемся от важнейших исходных точек нашего исследования вообще. Поэтому нашей задачей должно быть использование данных исследования биологической географии, а также и геологии для нашей науки в качестве социально-экономической географии».

Необходимость коренного пересмотра основ экономической географии очень ярко рисует в своей интересной статье Рюль.

«Когда наука делает первые шаги для достижения самостоятельности и когда существовавший дотоле способ работы оказывается неудовлетворительным,—говорит Рюль,—тогда требуется пересмотр методических основ науки». Автор рядом примеров доказывает, что цель, которую ставит себе экономическая география, не является, по его мнению, спорной в литературе.

Цель экономической географии может быть сформулирована так: она описывает условия производства, торговли и путей сообщения какого-либо природного ландшафта или государства и объясняет их географическими факторами.

Но если даже господствующее мнение о том, что должно служить объектом исследования экономической географии, сформулировано совершенно правильно, то Рюлю кажется совсем неправильным ограничением в том направлении, что она в объяснении должна принимать во внимание только одни географические факторы.

В этой географичности, обычно даваемой в естественно-исторической форме, и заключается самое слабое место современной экономической географии. Рюль рядом примеров показывает, как широко социальные явления влияют на географию хозяйства. Причины географии хозяйства должны быть найдены и нельзя априорно решать, что они всюду должны быть географическими. Автор считает, что «материалом, подлежащим изучению экономической географии, должно быть местное качественное и количественное различие производства, торговли и потребления, короче говоря: географическое разделение труда. Этим дается достаточно ясный круг фактов, установлению и причинному исследованию которого экономическая география может себя посвятить»¹⁾. Далее автор еще более уточняет свои пожелания о направлении развития экономической географии. «Для дальнейшего развития экономической географии очень важно не замыкаться в изучении отношений хозяйственных фактов к природным факторам. Если ядро экономической географии следует искать в дифференциальном учении о штандорте и стремиться к тому, чтобы не упускать из виду этой цели, то, с другой стороны произойдет сильное расширение базиса нашей науки: все средства, из какой бы сферы они ни происходили, и все вспомогательные науки должны привлекаться к разрешению проблемы».

Но несмотря на такое подчеркивание сущности экономических задач и выдвигание их на передний план, Рюль все же характеризует экономическую географию, как «промежуточную науку между географией и политической экономией».

«Устанавливать резкое разграничение между науками вряд ли нужно, оно само выявится из того, что политическая экономия прежде всего имеет дело с организацией хозяйства, а экономическая география лишь в редких случаях интересуется скоро преходящими явлениями и сосредоточивается на исследовании более долговечных объектов. Географы и социал-экономы будут одинаково в праве работать над ее строением так, как это обусловлено ее характером промежуточной науки, и всякий больше внимания будет уделять таким вопросам, на которые легче ответить с помощью той науки, от которой он исходит».

¹⁾ A. Rühl—«Aufgaben und Stellung der Wirtschaftsgeographie. (Zeitschr. der Ges. für Erdkunde zu Berlin) 1918, № 718.

Мы считаем изложенную нами критику методов экономической географии, даваемую Рюлем, чрезвычайно ценной и ставящей на очередь те вопросы, от решения которых экономисты-географы, как мы и указывали уже, до последнего времени уклонялись. Рюль настойчиво требует введения в практику экономической географии не суррогатов, а настоящих экономических объяснений. Лютгенс и Дитрих, возражавшие Рюлю по поводу необходимости иметь в центре внимания географическое общественное разделение труда, с особой ясностью вскрывают, что в их задачи не входит и не может войти постановка такой проблемы.

Приходится признать особенно ценным указание Рюля на то, что ядро экономической географии следует искать в дифференциальном учении о штандорте.

Но как мы видим, традиционные устои еще сильны в среде экономистов-географов Германии, и Рюль, приведший такие убедительные доводы в пользу экономической сущности экономической географии, решается в конце на установление только промежуточного положения экономической географии.

Самым крупным явлением теоретической экономической мысли за последние десятилетия в области познания закономерностей размещения хозяйства в пространстве является работа Вебера, А.—«Über den Standort der Industrien», вышедшая в 1909 г. Эта работа, несомненно, была поворотным пунктом в вопросе изучения штандорта промышленности и оказала огромное влияние также и на изучение штандорта вообще.

В виду основного положения, занимаемого теорией Вебера, мы даем изложение ее и критический разбор в III и IV главах; здесь же должны только еще раз подчеркнуть, что автор, разрабатывая свою теорию, отлично сознавал острую необходимость пересмотра теоретических основ экономической географии, которая должна научиться давать ответы на давно назревшие вопросы.

Политическая экономия в качестве теории хозяйственного места предоставляет экономической географии ряд закономерностей... «экономическая география должна прежде всего предложенные ей закономерности связать с установленными ею хронологическими фактами, а может быть также и с закономерностями другого рода (метеорологическими, геологическими и т. д.), и сделать, таким образом, понятной конкретную пространственную индивидуальную агрегацию хозяйственных сил... Современная антропо-география, какую она стала теперь, является, конечно, наукой не только фактов, но также и законов, и в «экономической географии» худо или хорошо (чаще, конечно, худо) она занималась также—да и принуждена была заниматься—политико-экономическими закономерностями. Ей и дальше придется этим заниматься; но хорошо если бы она в дальнейшем делала это с большим сознанием, что эту область следует обрабатывать особым методом»¹⁾.

¹⁾ A. Weber.—Über den Standort der Industrien, стр. 215.

Школа учеников Вебера на примере исследования штандорта отдельных отраслей промышленности дала ценные образцы экономического объяснения размещения промышленных форм. Вслед за Вебером по пути дальнейшего углубления теории штандорта выступает Энглендер, Ритчель и др. экономисты, и с того времени проблема штандорта не сходит со страниц текущей литературы.

Коренные изменения происходившие и происходящие в современном хозяйстве, обостряют внимание к закономерностям размещения хозяйства в пространстве. Мировое хозяйство, разросшееся до необычайных размеров, своим влиянием все более подавляющее самостоятельность жизни отдельных стран, создающее свои особые отношения, организации и объединения, настойчиво требует решения многих проблем экономического порядка в географическом разрезе ¹⁾. В тесной связи с развитием мирового и народного хозяйства шло и идет развитие трестов и синдикатов, стремящихся в своих выгодах регулировать производство и сбыт в пространстве. Уже в предвоенные годы усиливается в Германии и в других странах вмешательство государства в сложившуюся хозяйственную географию. Колониальная политика, таможенные пошлины, регулирование железнодорожного и водного транспорта, охрана труда и другие методы, применяемые государством, оказывают свое влияние на размещение хозяйства в пространстве.

Но самые последние десятилетия, кроме того, что впитывали в себя все глубже и глубже только-что указанные тенденции, выдвинули на очередь задачи по изучению размещения хозяйства в гораздо более суровой и категорической форме. Мировая война и колоссальные социальные сдвиги поставили на очередь вопросы экономической географии с необычайной для прежнего времени остротой. Если отголоски этих новых требований мы находим у Дитриха, то особенно ярко задачи пересмотра изучения экономико-географических проблем выдвигает Э. Шей ²⁾. Вот, как, по его словам, недостатки экономико-географического познания общественного разделения труда в пространстве препятствовали рациональной организации планового хозяйства Германии во время войны.

«Чтобы справиться с военным хозяйством, были созданы довольно произвольно ограниченные районы излишков и недостатков. Связывающие линии их пересекали друг друга в беспорядке, не учитывая взаимоотношений, связывавших до того отдельные ландшафты Германии. Прежняя сеть движения товаров самым невероятным образом пересекалась новою, т. е. товары без всякого плана перевозились с места на место. Строившееся на этом принудительное хозяйство не могло справиться со своей задачей. Резкая критика, вызванная этим бюрократическим хозяйством, ясно обнаружила это. Она показала, что

¹⁾ В. Harms.— Probleme der Weltwirtschaft.

²⁾ Erwin Scheu.—Deutschlands wirtschaftsgeographische Harmonie. Breslau, 1924.

это принудительное хозяйство не опиралось на подробное хозяйственное изучение, что оно не было плановым хозяйством, в котором мы так настоятельно нуждались.

К этому присоединилось еще и то, что прекращение всемирно-хозяйственных сношений уничтожало целые экспортные индустрии. Рабочие переводились из них частью в другие, особо жизненно важные отрасли промышленности.

Произвольным перераспределением хозяйственных областей было произведено насилие над существовавшими до того в торговле отношениями. Результатом был нежелательный холостой ход. Немедленно при переходе к свободному хозяйству, так сказать, стихийно произошла перегруппировка вынужденного войной хозяйственного обмена, что явно обнаруживалось, например, в снабжении пищевыми продуктами.

Тем временем все мы прошли глубоко затронувшие нас годы хозяйственного обучения, во время которых мы изучили многочисленные переплетенные нити нашего хозяйства и поняли их значение для существования всего народа.

Экономическая география занималась хозяйственным местом и его географическими основами, но не исследовала подробно пространственное влияние этого хозяйственного места. Так, она ограничивалась относительно товарообмена почти целиком процессами на таможенных границах, не принимая во внимание того, что наш международный обмен составляет лишь некоторую долю—приблизительно—30% всего нашего производства благ. Мы хорошо знали, например, какими товарами мы обмениваемся с негрской республикой Либерией, а на ряду с этим равнодушно проходили мимо того, чем была Рурская область для Восточной Пруссии или Померания—для Средней Германии. Мы находились под влиянием блестящего политического и хозяйственного развития Германии в единое государство и рассматривали Германию, как целостную хозяйственную область, так как внутренние таможенные преграды благополучно были разрушены в XIX столетии. Мы довольствовались, как и другие страны, знанием того, что промышленность ищет угля, не принимая ближе в расчет пространственное взаимодействие. Поэтому понятно, что экономико-географическое рассмотрение какой-либо страны, какой-нибудь тесноограниченной области не приводило к углубленной постановке проблем, которая могла бы способствовать дальнейшему развитию этой науки. Нам открыла глаза только война с ее ужасными хозяйственными последствиями.

Обнаружить пространственное взаимодействие и разяснить сцепление между отдельными областями является одной из самых заманчивых целей географического исследования». Если в Германии вопрос об организации планового хозяйства является спорадическим вопросом военного времени, но он, несомненно,

оказал большое влияние на экономико-географическое мышление, то в пределах нашего Союза задачи планирования хозяйства в пространстве становятся органическими вопросами, требующими систематического решения.

Вернемся снова к тому противопоставлению, которое мы сделали выше, установив доминирующее положение натуралистической школы в экономической географии, с одной стороны, и наличие теоретических оснований для перехода к иным методам работы при изучении размещения хозяйства в пространстве. Мы не забываем, в связи с этим, ценные указания Вебера, что для пользования теоретическими предпосылками при изучении хозяйственной действительности нужно еще проработать систему приложения теоретических построений для осознания экономико-географической действительности. В какой мере такая задача является острой, очередной—об этом, мы полагаем, достаточно ярко свидетельствуют приведенные нами факты из жизни мирового хозяйства последних десятилетий.

Они не случайно застали экономическую географию в состоянии полной беспомощности. Лучшим доказательством этого является диагноз, поставленный Вебером нашим экономико-географическим знаниям за пять лет до начала империалистической мировой войны.

«Мы являемся ныне, говорит Вебер,—свидетелями таких грандиозных географических перемещений хозяйственных сил, таких передвижений капиталов и людей, какие никогда не наблюдались за все прежние годы. Мы видим, как одни государства падают, другие поднимаются, повидимому, вследствие таких изменений в размещении хозяйства. Мы следим за всем этим, с страстным чувством воспринимая то значение, которое такие явления для нас имеют; ставим прогноз о тенденциях, будущих скоплениях и размещении, о развитии индустриальных государств и их же разложении. Своей торговой политической мы активно вмешиваемся в ту область, пытаемся даже овладеть ею. Словом, мы делаем непрестанно тысячи таких вещей, которые в сущности мы имели бы право делать лишь на основе ясного познания действующих здесь закономерностей. Но можем ли мы утверждать, что обладаем таким познанием? Можем ли мы утверждать, что в своей аргументации мы оперируем с чем-то большим, чем отдельные общие места о разделении труда и т. п., о размещении хозяйства, как функции определенных хозяйственных форм? Я полагаю, что мы работаем до сих пор почти только с подобными малозначимыми положениями, наперекор Тюнену и его последователям»¹⁾.

В таком трагическом положении представлял себе Вебер наши экономико-географические знания в 1909 г. За прошедшие 20 лет, как мы могли убедиться, нужда в улучшении наших познаний в области размещения хозяйства в пространстве возросла необычайно,

¹⁾ A. Weber.—Über den Standort der Industrien. S. 2.

научные же построения экономистов-географов остаются еще в том состоянии, в каком их описывает нам Вебер.

Б. Экономисты-географы СССР.

Таковы итоги экономико-географической мысли на Западе. Они показывают нам далеко еще не законченную борьбу начал естественно-исторических и экономических в экономической географии. Под тем же углом зрения разберемся во взглядах и достижениях в области экономической географии, выявившихся у нас за последние десятилетия.

После работ по экономико-географическим вопросам Арсеньева, Семенова, Янсона, Рихтера и др., дававших, главным образом, систематически связанное с пространством описание хозяйства, мы в 1908 году встречаемся с первой попыткой создать курс экономической географии для высшей школы В. Э. Дена¹⁾. Несмотря на ссылки автора на учение Тюнена о размещении сельского хозяйства и общую экономическую постановку работы, мы должны констатировать в его изложении отрыв от таких экономических предпосылок; весь курс в целом был составлен, как система сведений о размещении хозяйства по отраслям, без достаточно углубленного изучения взаимной связанности отраслей в пространстве. Однако, и этот курс, несомненно, имел большое значение, как первая попытка поставить всю проблему экономической географии на уровень научной работы. Из ряда других экономико-географических курсов следует упомянуть курсы Н. П. Огановского, П. Г. Тимофеева и П. Г. Борисова. Все они более или менее близки по типу к работе В. Э. Дена²⁾.

Работой, значительно оживившей и обновившей вопрос о построении системы экономико-географической науки, является труд С. В. Бернштейна-Когана—«Очерки экономической географии», вышедшей в 1924 г. Сам автор ставит свою работу в органическую связь со взглядами Геттнера и русского географа Берга, который вслед за Геттнером считает, что основным объектом географии должен быть ландшафт.

«Это значит,—утверждает автор,—что география должна заниматься не изучением размещения в пространстве отдельных вещей, а изучением совокупностей предметов, находящихся в той или иной территории и так или иначе взаимодействующих». «География,—говорит Берг,—не есть хорология отдельных предметов и явлений, а если можно так выразиться, хорология сообществ их, т.-е. хорология взаимных группировок людей, животных, растений, форм рельефа и т. д. на земле». Предмет экономической географии С. В. Бернштейн-Коган определяет следующим образом.

¹⁾ Очерк по экономической географии. 1908 г.

²⁾ Критический разбор этих курсов дан О. А. Константиновым в работе «Предмет и метод экономич. географии». 1926 г.

«Совершенно аналогично тому, как изучение географического распространения отдельных видов растений или животных относится к области «географической ботаники» или «географической зоологии», изучение географического распространения отдельных отраслей промышленности или сельского хозяйства является «географической экономией» промышленности или сельского хозяйства, но не экономической географией. Эта же последняя должна изучать экономическую жизнь той или иной части земной поверхности, в целом, во взаимодействии различных элементов экономической жизни этой территории между собой и взаимодействии таких территорий (экономических районов) друг на друга. Итак, экономическая география есть наука об экономических районах и их взаимодействии»¹⁾.

Разбираясь в определении экономической географии, данным Бернштейном-Коганом, мы должны признать, что в его понимании предмет экономической географии действительно в очень большой мере совпадает с тем содержанием, которое устанавливает для экономической географии Геттнер²⁾. Следует напомнить, что и в работах Лютгенса и Дитриха мы также находим большой интерес к экономическому страноведению, к экономическим районам в той части экономической географии, которую они называют специальной частью. Разница между последними исследователями и Бернштейном-Коганом заключается только в том, что Лютгенс и Дитрих считают равноценными и равноправными экономико-географическими проблемами (и в этом их некоторое различие с Геттнером) изучение в общей части экономической географии влияний климата, рельефа и других подобных пространственных предметов и явлений (у Дитриха зоны) на хозяйство человека. Бернштейн-Коган придает последним задачам, очевидно, только служебную роль, как районообразующим факторам.

Вопрос о проведении границы между экономической постановкой изучения хозяйства в пространстве и натуралистической является одним из коренных вопросов, и на нем мы должны еще остановиться по следующему поводу: Геттнер, как мы указывали, считает необходимым отделять экономическую постановку изучения хозяйства в пространстве от натуралистической³⁾.

Как мы указали выше, вслед за Геттнером такое же подразделение устанавливает в своей работе и Бернштейн-Коган.

Приведенные Геттнером и Бернштейном-Коганом доказательства требуют критического разбора. При изучении географии отдельных растений или географии животных, так же, как и при изучении геоботаники и географической зоологии, мы, несмотря на некоторое

¹⁾ Бернштейн-Коган.—Очерки, стр. 11—12.

²⁾ К тем же взглядам более или менее примыкают Л. Д. Синицкий и А. А. Григорьев.

³⁾ A. Hettner. Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. S. 148.

изменение объектов исследования, остаемся в целом при тех же методах, которые устанавливает основная дисциплина—ботаника или зоология, преломляя их в естественной окружающей среде. Но положение очень сильно меняется, если мы, по построению Геттнера, будем изучать в экономической географии влияние природы на хозяйство, а в географическом хозяйствоведении будем заниматься изучением каких-то хозяйственных явлений в пространстве методами, свойственными политической экономии. Мы должны признать такую позицию ошибочной.

Мы полагаем, что как в основе географии растений и геоботаники лежат, главным образом, те закономерности, которые установлены ботаникой; как в географии животных и географической зоологии лежат законы, даваемые зоологией,—так совершенно ясно, что и в географическом познании экономических явлений должны быть положены в основу те законы, которые прорабатываются политической экономией. Мы не можем признать убедительным указание Геттнера и Бернштейна-Когана, что за экономической географией должно быть закреплено изучение хозяйственных районов, а за географическим хозяйствоведением, как полагает Бернштейн-Коган, надо закрепить отраслевое рассмотрение хозяйства. Мы думаем, что такое подразделение, хотя и намечает несколько различные объекты изучения, но не может и не должно противопоставляться друг другу потому, что изучение обоих объектов должно вестись на основе тех же экономических методов исследования.

Оба указанных метода несомненно являются одинаково правомерными. Наиболее существенным вопросом, связанным с применением их является вопрос о целесообразном их использовании в работе, учитывая особенности каждого из них. В связи со сказанным следует напомнить, что у Дитриха мы не находим противопоставления отраслевого направления районному. Нам представляется, что без разбора размещения хозяйства основных отраслей Дитрихом по зонам, ему было бы трудно устанавливать в первой общей части его курса некоторые обобщения, которыми он дальше предполагает воспользоваться для анализа стран и районов¹⁾.

В определении экономической географии, даваемом С. В. Бернштейном-Коганом, есть одна весьма характерная черта, которой мы не находим ни у одного из поименованных выше экономистов-географов. Он в свое определение экономической географии включает познание не только экономических районов, но и их взаимодействий. Эта последняя черта его определения заслуживает большого внимания. Она ясно показывает, что автор предполагает, что само взаимодействие в значительной мере также определяет хозяйственное бытие каждого района. Это с несомненностью удостоверяет, что предметом экономической географии у Бернштейна-

¹⁾ Подробнее сущность отраслевого и районного методов мы излагаем в главе X настоящей работы.

Когана является географическое общественное разделение труда, выявившееся в форме взаимно обусловленных экономических районов¹⁾. Но если мы должны признать очерки Бернштейна-Когана по форме отграничения объекта изучения экономической географии значительным шагом вперед, то, к сожалению, мы не находим у него достаточной ясности в установлении того взаимодействия, которое должно быть между природной географической средой и хозяйством и имеем слабое освещение влияния социальных факторов.

Бернштейн-Коган при разборе методологических задач экономической географии отгораживается от той постановки изучения размещения хозяйства в пространстве, которая дается Тюненом и Вебером. Если можно согласиться с тем, что Тюнен и Вебер не есть экономическая география, то надо признать, что использование теоретических достижений Тюнена и Вебера для объяснения реально существующего размещения хозяйства в пространстве представляется нам задачей не только не утопической, а вполне реальной и очередной.

Экономическая география в трактовке С. В. Бернштейна-Когана—уже почти экономическая наука, пользующаяся, однако, для обоснования своих положений не всегда равнозначными методами.

В какой мере экономические основания все более проникают в систему построения экономической географии, в настоящее время особенно ярко видно при разборе работы Н. Баранского—«Краткий курс экономической географии». Автор исходит из положения, что «экономическая география изучает размещение человеческого хозяйства по земной поверхности как в мировом масштабе (общая часть), так и в масштабе каждой отдельной страны (специальная часть)». Хотя автор в своем формальном определении экономической географии и не указывает, каким методом должно производиться это изучение, но тем не менее, на следующей странице мы читаем, что «экономическая география, как и все экономические науки, изучает хозяйство».

«Отличие экономической географии от экономики не в объекте (т.-е. предмете) изучения, а в подходе к этому объекту. У экономической географии подход к хозяйственным явлениям совершенно особый, пространственный, говоря по ученому,—«хорологический» (от греческого слова «хорос», что значит «место») — подход со стороны размещения и пространственного сочетания хозяйственных явлений. Экономическую географию интересуют в хозяйстве вопросы: «где» и «почему именно здесь»; «каковы характерные отличия хозяйства данной страны (или района) по сравнению с другими странами (или районами) и чем эти отличия объясняются»; «как размещено хозяйство и

¹⁾ С. В. Бернштейн-Коган. Очерки, стр. 16. Мы полагаем, что иное натуралистическое истолкование такого взаимодействия, даваемое А. А. Григорьевым (Вопросы страноведен., стр. 27) и О. А. Константиновым, противоречит взглядам разбираемого ими автора.

почему именно так, а не иначе». Вот та установка, с которой экономическая география подходит к изучению хозяйственных явлений. В этом особом подходе вся суть экономической географии, весь смысл ее существования, как науки¹⁾.

Но Н. Н. Баранский не ограничивается только указанием на то, что экономическая география есть наука экономическая. В его работе мы находим, хотя и в популярной форме весьма ясно выраженное положение, что географическое разделение труда складывается под влиянием экономической выгоды. «Тот остаток, который получится от вычета из трудовой стоимости дополнительной продукции ситца и хлеба трудовой стоимости перевозок, и составит выгоду, происшедшую от географического разделения труда, от специализации Германии на ситце, а Румынии—на хлебе»²⁾,—говорит он, разбирая пример оборота благ между указанными странами и отыскивая причины существующего географического разделения труда.

В «Кратком курсе» Н. Н. Баранский не приводит расширенных обоснований своих построений, но тем не менее тот шаг, который он делает, считая, что у экономической географии и политической экономии—один предмет, а метод должен быть основан на учете выгоды размещения хозяйства в пространстве, мы считаем правильным.

В построениях Баранского нам представляется неясным его отношение к отраслевым разрезам экономической географии, и затем из его изложения нельзя вывести, ограничиваются ли закономерности, изучаемые экономической географией, только пределами тех хозяйственных явлений, к которым может быть приложен расчет выгод, вытекающих из географического общественного разделения труда, или нет.

Кроме работы Н. Н. Баранского, взгляды на экономическую географию, как экономическую науку, были более или менее обосновано выдвинуты А. В. Чаяновым и О. А. Константиновым.

В статье А. В. Чаянова—«Номографические элементы экономической географии» мы находим указания не на необходимость построения синтетического штандорта, на основе которого можно было бы углубить познание хозяйственного географического многообразия. Автору представляется необходимым для решения этого вопроса «найти формулу, в которой происходит установление равновесия между местной плотностью населения, положением района в отношении рынка и его естественно-историческими особенностями,—вот, по нашему мнению, одна из важнейших теоретических задач в области изучения экономической географии».

Как из дальнейшего будет видно, очередность проработки синтетического штандорта является реальной задачей, но пути его построения очень сильно расходятся с предложениями А. В. Чаянова.

¹⁾ Н. Баранский. Краткий курс экономической географии, стр. 19.

²⁾ Там же, стр. 73.

О. А. Константинов в 1926 г. выпустил работу под названием «Предмет и метод экономической географии». Автор дает обзор и критику современной, преимущественно, русской экономико-географической литературы, а затем устанавливает свои взгляды на изучаемый им вопрос. Вот основные выводы его исследования. «Экономическая география, будучи экономической наукой, занимается изучением общественных отношений людей в сфере их хозяйственной деятельности».

Содержание объекта изучения автор определяет так: «Экономическая география исходит из географического разделения труда в мировом масштабе».

Определение экономической географии в формулировке О. А. Константинова следующее: «Экономическая география изучает хозяйственную деятельность населения той или иной территории с точки зрения общественного географического разделения труда, а также и естественных и социальных предпосылок этого разделения».

Автор намечает содержание общей и специальной части экономической географии. «Общая экономическая география изучает мировое хозяйство с точки зрения географического разделения труда. Специальная экономическая география с той же точки зрения изучает какую-либо часть мирового хозяйства».

Таковы важнейшие выводы. Но, кроме того, автор в своем исследовании усиленно возражает против натурализма в экономической географии, против существующего в нашей литературе обостренного противопоставления отраслевого метода районному и стремится выдержать стиль экономической географии, как экономической науки. Соглашаясь с большинством выводов автора, мы полагаем, что в его концепции мировое хозяйство, как основной объект изучения экономической географии (наподобие Швигтау), все же не является органически увязанным. Кроме того, мы полагаем, что автор недостаточно критически отнесся к решению вопроса о методе экономико-географического исследования и объяснения, что отразилось и на его определении экономической географии.

В русской научной литературе, помимо практики преподавания в высшей школе, мы имеем ценные исследовательские искания в области теоретических и практических вопросов экономической географии. А. И. Скворцов, выступивший жестоким и часто недостаточно объективным критиком учения Тюнена, сам дает интереснейшую работу о влиянии парового транспорта на сельское хозяйство и затем выпускает большой труд «Хозяйственные районы Европейской России». Скворцов приложил много усилий к доказательству, что вместе с развитием улучшенного транспорта природное разнообразие стало иметь большее влияние на сельское хозяйство. Мысль эту он старается иллюстрировать в своих хозяйственных районах.

Оригинальной работой по примененной статистико-географической методике являлась работа А. Н. Челинцева «Сельско-

хозяйственные Районы Европейской России, как стадии эволюции» 1910 г. Эта работа открыла путь в дальнейшем большему количеству работ по сел.-хоз. районированию на основании натуралистических организационно-производственных признаков. А. Н. Челинцев в указанной своей работе придерживался точки зрения, что плотность сельскохозяйственного населения определяет размещение типов сел.-хоз. производства, и эта предпосылка (от которой он в дальнейшем отказался) была наиболее уязвимым местом в указанной интересной работе. Помимо ряда других работ Челинцева, работавшего далее над уточнением методов сел.-хоз. районирования, и труда Б. Н. Книповича, давшего ценную сводную работу по сел.-хоз. районированию, мы должны указать на попытки последних лет А. А. Котова и Г. А. Студенского перейти при изучении географии сельского хозяйства от натуралистических показателей организации сел.-хоз. производства к ценностным показателям, характеризующим валовой доход хозяйства и его специализацию.

Таковыми путями шло уточнение методов изучения сельскохозяйственной эмпирики в пространстве. Рядом с этим следует указать на попытки Г. И. Баскина ¹⁾ и автора ²⁾ настоящей работы применить к изучению географии сел.-хоз. производства методы, вытекающие из учения о штандорте сельского хозяйства, которые давали бы возможность углубить объяснения размещения сел.-хоз. производства в пространстве.

Одновременно с работами по изучению географии сельского хозяйства мы должны отметить ряд работ по изучению штандорта и географии промышленности, в большей или меньшей мере использовавшие принципы Веберовской теории. К числу таких работ надо отнести работы: Чарновского, Н., Диманштейна, Я. Б., Морозова, Н. В., Шлифштейна Е. И. и др.

Обилие работ по сел.-хоз. и промышленному районированию у нас за последние годы стоит в тесной связи с административно-хозяйственным районированием страны.

Административно-экономическое районирование СССР стремится построить управление страной на фундаменте общих хозяйственных интересов населения, создавшихся вследствие однообразного направления ведения хозяйства в границах определенной территории. В районном строительстве должны координироваться организационные усилия тождественных интересов населения и рациональное воздействие государственной власти. Это, несомненно, обеспечивает наиболее успешное и целесообразное развитие хозяйственной жизни

¹⁾ Баскин, Г. И.—Критическая оценка материалов Всероссийской с.-х. переписи и система ее разработки и Сборник избранных трудов Г. И. Баскина по Самарской губ.

²⁾ А. А. Рыбников и др.—Влияние улучшенного транспорта на организацию и доходность сельского хоз-ва юго-востока «Известия Н.-И. Ин-та С.-Х. Экономии» № 1, 1927 г.

районов и народного хозяйства страны, в целом. Основной базой районирования является общественное разделение труда, выраженное в территориальной специализации занятий населения. Только такая часть тела народного хозяйства может быть выделена в особую административно-экономическую единицу, которая имеет свои специфические, устойчивые и важные, в жизни хозяйства страны, функции.

Плановое хозяйство должно было намечать не только развитие хозяйства страны во времени, но и рациональное размещение хозяйства в пространстве. Как не отрываясь от реально существующего, какими путями, опираясь на местные возможности, и в каком направлении надо намечать перспективы реконструкции хозяйства? Все эти вопросы экономико-географической политики стали на очередь и требовали своего неотступного решения. В работах местных и центральных плановых органов за последние годы не только собрано было много экономико-географических материалов, но сделано было не мало расчетов, учитывающих выгоды размещения хозяйства в пространстве. Все это, как мы уже видели, вызвало к жизни не мало научных экономических исследований, все более укрепляющих позиции экономической географии, как науки о закономерностях размещения хозяйства в пространстве.

4. Определение предмета и метода экономической географии.

География хозяйства, слагающаяся в современности в связи с пространственным общественным разделением труда, представляется таким сложным и многообразным явлением, что для осознания своего требует систематического научного изучения. Экономическая география, создававшаяся до сего времени главенствующими школами экономистов-географов, базируется на изучении влияния природы на человека и человека на природу, понимая такое взаимодействие в натуралистическом смысле. Все более растущее общественное разделение труда и огромные сдвиги, которые наблюдаются в его системе за последние десятилетия, в особенности, в связи с мировой войной и социальными революциями, в категорической форме ставят перед научной мыслью задачи по углублению экономико-географических исследований. Такая научная работа должна быть экономической работой. В ее задачи должно входить изучение закономерностей размещения хозяйства в пространстве. Такое размещение должно управляться выгодами географического общественного разделения труда.

Основываясь на всем сказанном, мы так определяем предмет и метод экономической географии.

Экономической географией мы называем такую отрасль общественно-экономических наук, которая изучает размещение хозяйственных явлений

в пространстве, связанном общественным разделением труда.

Приведенная формула отвечает в целом на вопросы о характере нашей науки и объектах ее наблюдений. Введение экономической географии в число экономических наук предпринимает в значительной мере и метод. Положения нашего определения требуют некоторой конкретизации, нуждаются в дополнительной критической обработке—уточнении.

Мы считаем необходимым говорить об изучении экономической географией размещения не всех вообще хозяйственных явлений, а только тех, которые находятся в определенном между собой действительном взаимодействии, обусловленном общественным разделением труда. Мы не отрицаем возможности и интереса в изучении географии природных богатств, так наз. мертвых, т.-е. не используемых еще человеком, или используемых в натуральном замкнутом хозяйстве. Эти задачи ставятся и могут представлять тот или иной научный интерес. Но этот интерес не может вылиться в форму познания экономико-географического, обоснованного, так как географического общественного разделения труда пока мы здесь не констатируем. Только наличие общественного разделения труда, создающее системы стихийного или регулируемого народного хозяйства, определяющего закономерности оборота благ в стране, только эти предпосылки обуславливают те или иные выгоды размещения хозяйственных действий и отношений по территории, а вместе с тем и научного их познания.

Мы указывали выше, что экономические законы, установленные для оборота благ в стране, находят ограничения как в локальных исторических хозяйственных особенностях, вообще, так и тем более, в остатках натурального хозяйства. То же самое, конечно, приходится утверждать и в отношении тех закономерностей, с которыми имеет дело экономическая география. Но тем не менее, по сколько мы считаем экономической географией наукой общественно-экономической, мы должны строить наши выводы на экономической базе. Только путем учета выгоды общественного разделения труда в пространстве мы можем и должны подходить к разрешению основных интересующих нас проблем. Выгоды природных условий, отклонения исторических, преимущества экономического положения,—все это для нас имеет и должно иметь не только картинное, описательное, натуралистическое выражение, а должно быть нами осознано и оценено, как стимулирующее или подавляющее географическое общественное разделение труда. Таким образом, основным методом для изучения пространственной обусловленности хозяйственных явлений мы признаем свойственный всем экономическим наукам хозяйственный расчет.

Мы не предпринимали степени точности намеченного нами учета выгоды общественного разделения труда. Такая молодая наука,

как экономическая география, не может пока претендовать на внесение всюду и везде во все объяснения точных калькуляций, дающих количественное выражение интересующей нас выгоды. Это дело будущего. Однако наша малая подготовленность к точным вычислениям не избавляет нас от обязанности правильно понимать существо экономико-географического явления и усовершенствовать в связи с этим нашу исследовательскую работу в определенном направлении. Все более и более расширяющиеся теоретические и практические исследования штандорта сельского хозяйства и промышленности во всяком случае нас обнадеживают, что возможности дальнейшего усовершенствования методики экономической географии далеко еще не исчерпаны.

Перед современной экономической географией, как наукой, стоит сложная методологическая проблема, как, не порывая с задачами познания реального многообразия хозяйственной действительности, использовать имеющиеся теоретические достижения в учении о штандорте. Эти вопросы являются очередными и заслуживают большого внимания.

В период, когда будет еще идти усовершенствование указанных методов познания, мы обязаны обострить наше внимание к учету выгод, на которых базируется географическое общественное разделение труда, хотя бы это приходилось делать пока в общей, схематической форме.

Мы считаем, что наиболее рациональным путем усовершенствования методов экономической географии является проработка имеющихся в теоретической экономии построений: наследства Тюнена, достижений Вебера и др., как рабочих гипотез, организующих познание конкретной экономико-географической действительности.

Имея в виду очередность и важность проработки указанных теорий, как орудий экономико-географического познания и как систем, организующих изучение хозяйственных явлений в пространстве, мы в следующих главах перейдем к изложению и анализу Изолированного государства Тюнена и учения о штандорте промышленности Вебера.

II. ТЕОРИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ТЮНЕНА.

1. Постановка исследования.

Произведение Тюнена «Изолированное государство» в котором он изложил свою теорию пространственного размещения сельскохозяйственного производства, вышло в 1826 г.

Полное название этого великого исследования «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии. Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и налогов на земледелие».

Для нас теория Тюнена представляет наибольший интерес не только с точки зрения тех результатов познания, к которым стремился автор, но также и для выяснения методов, которыми он это осуществлял. В наши задачи мы не включаем доказательств возможности и необходимости применения абстрактного метода для построения теории размещения сельскохозяйственного производства. Спор этот уже давно решен и законность применения такого метода не подлежит уже сомнению.

Мы полагаем, что в целях углубления методики познания закономерностей размещения сел.-хоз. производства в пространстве наиболее существенным является рассмотрение теории Тюнена, как системы путей и способов, которыми автор, опирающийся нередко на абстрактные построения, изучал размещение сел.-хоз. производства. Изолированное государство, как утверждал сам Тюнен ¹⁾, для него не более, как аппарат, как орудие познания, и с этой именно точки зрения изучение теории Тюнена представляет большой интерес.

В теории Тюнена очень много внимания уделено изучению тех изменений, которые происходят в пространстве в экономической и природной среде, в которой помещается изучаемое им производство. В связи с этими изменениями он обычно устанавливает, какая форма производства и где должна поместиться.

Вот как сам Тюнен формулирует основные положения методов обоснования размещения сел.-хоз. производства ²⁾:

¹⁾ Тюнен.—«Изолированное государство», т. I, стр. 34—35.

²⁾ Там же, стр. 239.

«1. при одинаковых производственных расходах и одинаковом урожае по весу—то растение, которое сильнее всех истощает почву, должно разводиться всего дальше от города;

2. при одинаковом урожае и одинаковых истощающих свойствах—то растение, которое требует наибольших производственных расходов, должно разводиться дальше всего от города;

3. при одинаковых истощающих свойствах и одинаковых производственных расходах—то растение, которое с данной площади дает по весу наименьший урожай, должно разводиться дальше всего от города».

Как видим, основные условия среды: связанные с весом продукта—транспортные издержки, богатство почвы и издержки производства в той части, в какой они могут быть объективно даными, с достаточной ясностью устанавливаются Тюненем. Но, кроме этого, автор тщательно изучает и организационные возможности сочетания различных отраслей в тот или иной тип производства. Эта организационная увязка производства со средой является весьма характерной в методике Тюнена.

Мы положили только-что высказанное в основание изложения исследования Тюнена как системы научного познания и намечаем следующие пути рассмотрения ее:

1. Влияние местных цен и транспортных издержек.
2. Влияние богатства почвы и природных условий.
3. Влияние издержек производства.
4. Организационно-производственные сочетания отраслей.

Какие цели себе ставил при разрешении каждой из указанных проблем автор и как он их решал—раскрытие этого мы и считаем важнейшей задачей нашего изложения теории «Изолированного государства».

Но прежде чем перейти к изучению поставленных вопросов по существу, мы должны еще остановиться на рассмотрении некоторых основных проблем, весьма существенных для характеристики «Изолированного государства».

Изолированное государство Тюнена—это упрощенная система стихийного капиталистического народного хозяйства. Тюнен исследует интересующие его закономерности размещения сельскохозяйственного производства в рамках народно-хозяйственного общественного разделения труда и изучает закономерности размещения производства, как вытекающие из выгод такого общественного разделения труда в его географическом, пространственном выражении.

Тот или иной участок земли отводится Тюненем в его гипотетическом государстве под производство определенного продукта там, где «земля, обращенная на его производство, не могла быть использована более выгодно при производстве каких-либо других

продуктов»¹⁾, т.-е., где при минимальных издержках производства и транспортных расходах будет иметься наибольшая земельная рента с единицы земельной площади.

Для Тюнена весьма характерной является именно только-что указанная постановка. Выгоды, доставляемые производством, определяют его местоположение. Он в продолжение всего исследования изучает вопрос о том, «как должна будет изменяться земельная рента и способ ведения хозяйства»²⁾ в интересующем его сельскохозяйственном производстве под влиянием изменений условий природной и экономической среды; на основании таких выкладок и расчетов он делает выводы о том, где должно находиться то или иное сельскохозяйственное производство.

Это сопутствующее изменение показателей земельной ренты, а вместе с тем и направления производства, заставляет нас обратить особое внимание на то, какое содержание вкладывал Тюнен в понятие самой земельной ренты. В своем учении о законах размещения сельскохозяйственного производства («Изолированное государство», т. I) Тюнен так характеризует содержание понятия земельной ренты: «Земельная рента имения возникает из преимуществ, которые оно имеет благодаря своему положению или своей почве перед самым плохим имением, которое должно производить продукты для удовлетворения спроса». Тюнен знал, что его объяснение происхождения земельной ренты не исчерпывающее, но тем не менее в его систему изучения размещения сельскохозяйственного производства, за исключением некоторых случайных замечаний, не включено рассмотрение земельной ренты, связываемой с законом падающей производительности, а также абсолютной ренты³⁾. Опираясь на указанное понятие земельной ренты, Тюнен механизмом рентообразования регулирует целесообразное распределение участков земли под те или иные отрасли в пространстве. В таблице (см. стр. 44) видно, как по изменяющемуся уровню земельной ренты, характеризующей выгоды рыночного положения, а также определенных природных условий, получается возможность отграничивать различные пояса сельскохозяйственного производства.

Но помимо того, что автор пользуется показателем ренты для характеристики частно-хозяйственного интереса, обнаруживающегося при организации определенного сельскохозяйственного производства на известном месте, Тюнен в некоторых случаях использует рентный показатель в народно-хозяйственных целях при решении изучавшихся проблем.

¹⁾ Тюнен, стр. 20.

²⁾ Там же, стр. 34.

³⁾ Там же, стр. 187, 67.

Студенский, Г. А.—Проб. эк. и геогр. с.-х., стр. 112/113.
Гордеев, Г.—На аграрном фронте № 4. 1927 г.

Расстояние от города в милях.	Картофель на город- ском навозе ¹⁾ .	Л е с ²⁾ .	Рожь при урожае в 8 зе- рен ³⁾ .
0	29.808	4.548	1066
1	24.126	4.017	—
2	18.504	3.492	—
3	12.948	—	—
4	7.467	2.458	—
5	—	948	892
7	—	—	—
9,3	—	—	—
10	—	—	685
15	—	—	488
20	—	—	301
25	—	—	124
28,6	—	—	0

Тюнэн при исследовании интересовавшей его системы капиталистического хозяйства, как он сам говорит, раскладывал цену на продукты сельского хозяйства на три части: производственные расходы, транспортные расходы и земельную ренту. Это включение земельной ренты Тюненом в цену оказывалось ему особенно необходимым для ориентировки производства в пространстве, когда приходилось иметь дело с такими отраслями, как лес, лен, сведения которых к тем или иным, обычно, им употребляемым, ржаным показателям, сделать было невозможно. Но Тюнен придавал, очевидно, не только случайное значение таким вычислениям. В его работе мы находим следующее ценное замечание: «При одинаковых производственных расходах на 1 подводу то растение, на которое падает наибольшая земельная рента, должно разводиться дальше всего от города. При равной земельной ренте, падающей на 1 подводу, то растение, которое требует наибольших производственных расходов, должно возделываться дальше всего от города» ⁴⁾. Мы видим, что Тюнен в рассматривавшихся им условиях капиталистического хозяйства признает целесообразным приравнивать земельную ренту к издержкам производства, а следовательно, задачу хозяйства сводить в конечном счете к получению наиболее низкой себестоимости, продукта. В этой минимальной себестоимости продукта, наряду с экономией на издержках производства и транспорта, должна быть также экономия и на минимальных расходах на ренту на единицу продукта.

1) Тюнен, 172.
2) » 163.
3) » 50.
4) » 157.

Таким образом, переходя от частно-хозяйственной точки зрения рассмотрения размещения производства в пространстве к народно-хозяйственной, Тюнен в основу своей системы кладет изучение условий, при которых слагаются наиболее низкие себестоимости производимого на рынок продукта. Величина рентного показателя, входящая в цену при таком рассмотрении, будет зависеть при одних и тех же производственных и транспортных издержках и одном и том же плодородии почвы, от количества единиц продукта, получающихся с земельной площади, т.-е., главным образом, от направления организации производства.

Все сказанное снова подводит нас к целесообразности рассмотрения системы Тюнена путем изучения основных частей этого учения: транспортных издержек, производственных расходов, плодородия почвы и организации производства.

2. Влияние хлебных цен и транспортных издержек.

Первой своей задачей Тюнен ставит выяснение выгод рыночного положения, в каком находятся различные части его изолированного государства. Для того, чтобы вскрыть значение этого рыночного положения со всей ясностью, Тюнен в решении этого вопроса абстрагируется от всех остальных различных условий среды, в которой совершается производство. Абстракция его получает картинное выражение. Он берет один центральный рынок—город, помещает его посредине плодородной равнины, одинаково везде удобной для обработки. Его равнина не имеет иных путей сообщения, кроме гужевых. Вся промышленность страны, включая и горную, им помещается возле и внутри города.

При таких предпосылках Тюнен решает свою задачу—найти дифференцированную местную цену на хлеб так: он исходит из единой данной цены городского рынка и предполагает, что местные цены должны быть равны только-что указанной цене за вычетом издержек по транспорту.

Система изучения влияния цен на сел.-хоз. производство и построения ценообразования в тюненовском исследовании требует серьезных разъяснений. «Автор,—говорит про себя Тюнен,—испытывал непреодолимую внутреннюю потребность составить себе ясный взгляд о влиянии хлебных цен на земледелие и о законах, которыми регулируются хлебные цены».

Для решения этой задачи был необходим точный, почерпнутый из действительности расчет расходов, связанных с земледелием и с каждой отдельной его отраслью.

Для этой цели автору послужили очень подробные расчеты по имени Тюнена, проведенные им самим.

Как мы можем убедиться, Тюнен в первых же словах своих рассуждений о влиянии цен указывает, что изучение это он должен

вести, основываясь на учете расходов производства ¹⁾. Он не отказывается от своего методологического допущения самостоятельного воздействия цен городского рынка на производство. Мы встречаем у него следующие указания:

«Самой существенной задачей в наших дальнейших исследованиях будет установить—как должны будут изменяться земельная рента и способ ведения хозяйства в имении Тюнена, если мы постепенно будем вводить в расчет все более и более низкие цены на хлеб».

Но одно дело методологическое допущение и система построения исследования, иное—взгляд Тюнена на существо самого явления. В последнем отношении помимо общих частых указаний на то, как цены рынка в их влиянии на размещение парализуются уровнем издержек производства, мы имеем систематическое изложение учения Тюнена о том, «каким законом определяются цены на хлеб» в особой главе его труда. В этой главе мы находим следующее:

«Город только тогда может получить все потребное количество хлеба, когда он платит за него цену, достаточную для того, чтобы и наиболее далеко живущий производитель, в хлебе которого город нуждается, мог, по крайней мере, оправдывать производственные и транспортные расходы хлеба.

Не только в нашем Изолированном государстве, но и в действительности цена на хлеб определяется следующим законом:

Цена на хлеб должна быть так высока, чтобы земельная рента того имения, которому производство и доставка в город хлеба обходится всего дороже, но производство которого необходимо для удовлетворения потребности рынка,—не опускалась ниже ноля.

Следовательно, цена на хлеб не произвольна и не случайна, а связана определенными законами».

Автор желает и еще более уточнить свою мысль и далее показывает, что издержки производства не только влияют на уровень цен в статике, но что и при наличии динамических процессов мы видим, что во взаимодействии со спросом издержкам приписывается вполне самостоятельная роль.

«Повышение производства оказывает такое же влияние на хлебные цены, как и понижение потребления.

Если бы, например, урожайность земли в Изолированном государстве повысилась с 8 зерен до 10, а потребление города осталось бы такое же, то для обеспечения города жизненными припасами понадобилась бы значительно меньшая площадь земли; остальная часть равнины не была бы тогда для города

¹⁾ Тюнен признавал правильным разложение производственных и транспортных расходов на заработную плату и прибыль на капитал, но в своем исследовании он этого не делал.

необходимой; если при этой урожайности почвы для удовлетворения городских потребностей было бы достаточно пояса с радиусом в 23,5 миль, то цена на рожь опустилась бы до одного талера.

Если же усиление урожайности сопровождалось бы таким увеличением спроса, что цена на хлеб осталась бы на прежней высоте,—то это вызвало бы необычайный рост количества населения и национального богатства ¹⁾.

Таким образом, мы должны признать, что у Тюнена взаимодействие между рыночным спросом и высотой издержек производства решает вопрос об уровне цен. Но, однако, Тюнен ясно представлял себе, что его не может удовлетворить решение вопроса в том направлении, что взаимодействие, констатируемое им, создает какие-то колебания цен на рынке,—его интересовали законы, устанавливающие устойчивый уровень цен.

Тюнен говорит, что его интересуют не временные колебания, а средние цены на хлеб, получающиеся в среднем за большой промежуток времени. А если это так, то временные избытки или недостатки не должны приниматься во внимание. Размер потребления должен браться не за отдельный год, а за более продолжительный промежуток времени, должен приниматься не случайный урожай, должны быть приняты во внимание капиталы, длительно вложенные в земледелие и т. п.

При таком взгляде на средние цены делается ясным, что при стабильном спросе рынка предел местной цены, выше которого она не может подняться, будет равен цене города за исключением транспортных издержек. Такое отражение городской цены на месте сводится не больше как к установлению показателя экономического положения, т.-е. к учету влияния транспортных издержек. Обратное приходится сказать о роли издержек производства. Местное производство будет обслуживать рынок только тогда, когда хотя бы производственные издержки будут покрываться исчисленным показателем цены. Следовательно, пестрота сложения и уровней производственных расходов будет лежать в основе такой средней тюненовской цены.

Тюнен говорит, что при проводимых им исследованиях он всегда клал «в основу только среднюю цену хлеба, получающуюся в среднем за большой промежуток времени». Если это так, то вся его система изучения влияния местных цен на размещение сел.-хоз. производства должна быть трактуема, как изучение влияния равнозначных им, как мы установили, транспортных издержек.

На производимые на рынок сельскохозяйственные продукты при прочих равных условиях издержки транспорта (вычитаемые из цены на рынке)

¹⁾ Тюнен, стр. 184/6.

будут ложиться тем тяжелее, чем более значительный вес или объем будут иметь эти продукты по отношению к своей стоимости. В зависимости от этого качества будут размещаться и отрасли сельского хозяйства, производящие эти продукты.

Легкая сопоставляемость и соизмеримость таких показателей, как цены и транспортные издержки, позволили Тюнену (совершенно так же, как в позднейшее время Веберу в отношении транспортных издержек) принять первоначальной исходной сеткой размещения сельскохозяйственного производства то размещение, которое гипотетически слагается в его государстве под влиянием местных цен, или, что то же, в его построении—транспортных издержек. Эту схему он рисует так:

Вблизи города, где находится единственный рынок, должны производиться продукты с большим объемом и весом в единице стоимости и скоропортящиеся продукты, потребляемые в свежем виде ¹⁾. По мере удаления от города, земля будет все более и более отводиться под такие продукты, провоз которых дешевле по отношению к их стоимости.

На основании этих расчетов, вокруг города образуются более или менее резко разграниченные концентрические круги или пояса, в которых те или иные растения будут главными предметами производства.

Путем некоторого схематического приведения цен на продукты сельского хозяйства к хлебным ценам (лес, лен по ренте) и исчисления затем в отношении каждого продукта транспортных издержек, Тюнен устанавливает применительно к каждому типу сельскохозяйственного производства его изменение доходности в пространстве и на основании этих расчетов, как мы знаем, проводит границы специализированных поясов сел.-хоз. производства.

При цене на рожь в городе в 1,5 талер и при оплате доставки подводы с грузом в 2.400 фун., на расстоянии от города миль . . . 1 5 10 20 30 за 1 подводу падает талеров . . . 1,09 5,33 10,4 19,8 28,2

На основании этих расчетов Тюнен устанавливает пояса сел.-хоз. производства на следующих расстояниях от города:

Пояса.	Расстояние.
Вольное хоз-во	до 4 миль.
Лесное	4—7 миль.
Плодосменное	плодосменное хозяйство, не имеющее чистого пара и распространяющееся по всей территории имения не может иметь места в изолированном государстве.
Выгонное травопосевное	до 24,7 миль.
Трехпольное	24,7—31,5 »
Скотоводческое	31,5—50,0 »

¹⁾ Тюнен, стр. 20.

Графически полученная география сел.-хоз. производства в стране может быть представлена следующей схемой:

Табл I

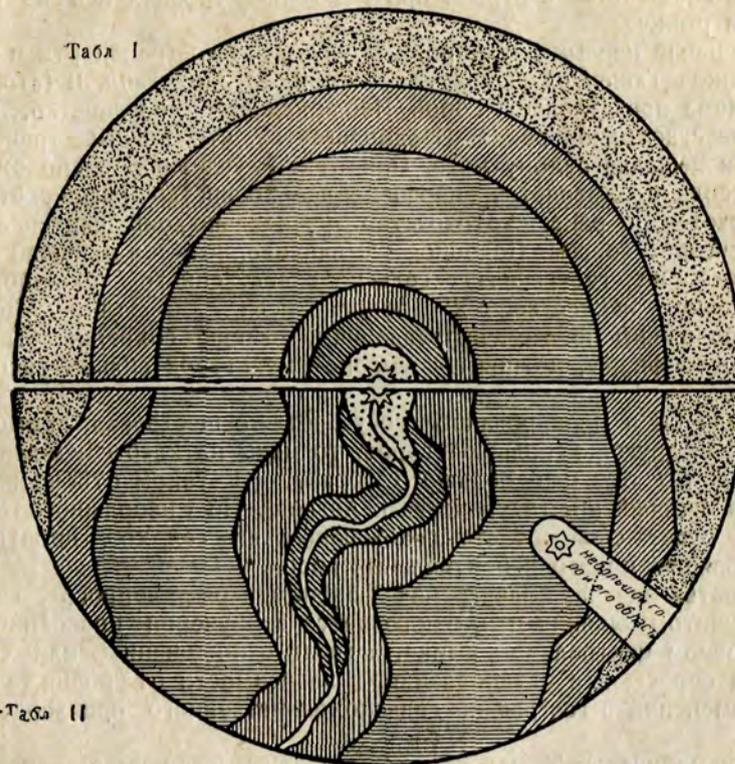

Табл II

Схема № 1—2.

Таким образом, при предположении, что транспортные издержки везде одинаковы и в полной мере пропорциональны расстоянию, а это и увязывается в гипотезе при посредстве гужевых путей, мы видим, что типы сельскохозяйственного производства, различно реагирующие на эти издержки, разместятся вокруг центра кольцами.

Но допуская такое упрощение, Тюнен вовсе не считал свою задачу, в отношении изучения влияния цен и транспорта исчерпанной. Тюнен далее делает указания о возможностях модификации во всех им допущенных ранее условиях. Он рассматривает, как изменяется Изолированное государство, когда будет проведен улучшенный транспорт. Он изучает, как меняется рыночное положение, когда, кроме

одного центрального рынка, имеются местные мелкие рынки. Он, наконец, подвергает изучению, как будет изменяться вся география сельского хозяйства в стране при различных уровнях цен на центральном рынке.

Решение первых двух проблем улучшенного транспорта и местных рынков Тюнен иллюстрирует схемой № 2 на табл. II (стр. 49).

Схема представляет собой Изолированное государство, пересеченное судоходной рекой. Предполагается, что водный транспорт в 10 раз дешевле сухопутного. При таких условиях расположение поясов сильно изменяется—плодосменное хозяйство расширяется и вытягивается по реке; скотоводство значительно сокращается, а близ реки исчезает совсем. Подобное же влияние, хотя и в меньшей мере, оказывает на географию сельскохозяйственного производства проложение искусственных дорог. Если бы такие дороги были проложены по всем направлениям, то пояса сохранили бы свою правильную форму, но пояса с высокой культурой сильно расширились бы.

Если бы в Изолированном государстве существовал, кроме центрального, другой небольшой город, то цены на хлеб в нем все-таки зависели бы от цен большого города. (В таком отношении находятся европейские государства к Англии). Но у небольшого города, однако, будет своя область, снабжающая его сел.-хоз. продуктами и не возящая ничего в центральный город.

Третья задача, выдвигаемая Тюненом в ряду вопросов, связанных с учетом влияния цен, заключается в изучении колебания цен на основном центральном рынке, в связи с повышением или сокращением спроса, и в установлении, в зависимости от уровня таковых цен, изменений в географии сельскохозяйственного производства в стране.

Схематически Тюнен так иллюстрирует свои выводы по разработке указанного вопроса (схема № 3).

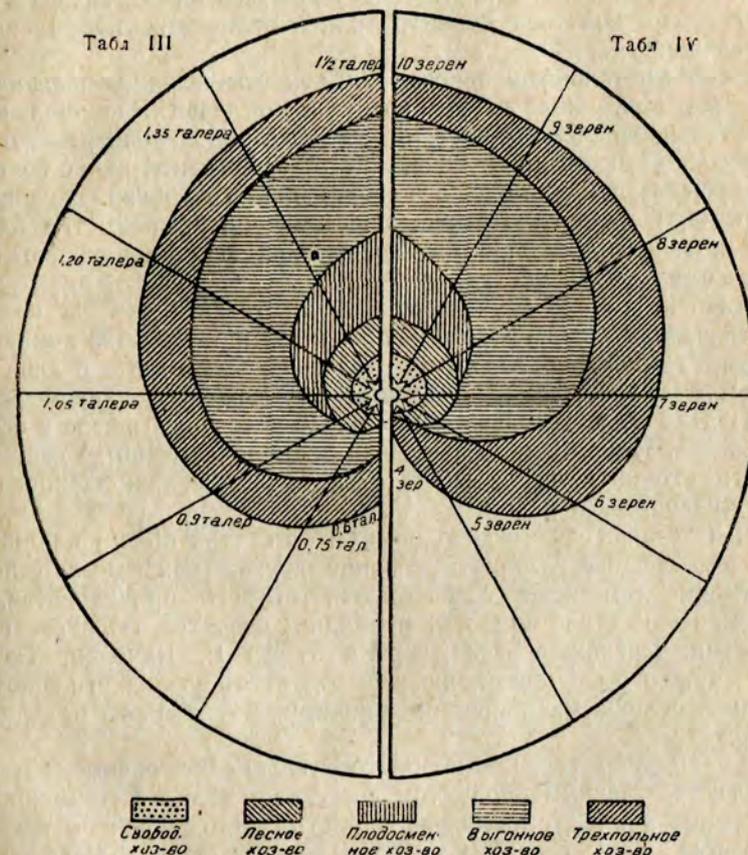
Площадь обрабатываемой в государстве земли, как исчисляет Тюнен, будет уменьшаться в связи с снижением цен:

Цены в городе (в талерах)	1,50	1,35	1,20	1,05	0,90	0,75	0,60
Радиус обраб. площади (в милях)	34,7	31,7	28,6	25,0	20,9	16,1	10,4.

Вместе с сокращением обрабатываемой площади еще в большей степени убывают размеры интенсивных поясов сельскохозяйственного производства страны.

Помимо указанных задач, связанных с транспортными издержками общей значимости, введенных Тюненом в систему, мы находим у него много еще частных указаний, направляющих исследование в сторону дальнейшего уточнения. Например, когда он исследует пояс скотоводства, он не только учитывает, что масло принадлежит к продуктам, легко поддающимся порче, но, кроме того, он в расчет берет условия отправки подводы с неполной нагрузкой и учитывает также стоимость упаковки.

Обобщая все сказанное, мы должны констатировать, что система изучения транспортных издержек и цен, выдвинутая Тюненом на первую очередь, развернута им для целей познания закономерностей размещения сел.-хоз. производства, с большой полнотой.

3. Влияние богатства почвы и природных условий.

Огромные трудности приходилось преодолевать Тюнену при его настойчивых стремлениях показать, как в пределах каждой, географически им увязанной с влиянием транспорта и цен, сельскохозяйственной системы производства будут происходить изменения и перемещения в зависимости от богатства почвы ¹⁾. Автор весьма

¹⁾ В понятие «богатство почвы» Тюнен согласно с современным ему (в настоящее время устаревшим) учением о статике земледелия вкладывает сле-

убедительно доказывает, что в районах с экономическими возможностями максимальных вложений удобрений естественное богатство почвы теряет свое влияние. Тюнен в отношении каждого ориентированного им в том или ином месте сельскохозяйственного производства прослеживает, как оно будет расширяться или сужаться в пространстве, перемещаться к центру или к периферии под влиянием богатства почвы.

Тюнен тщательно прорабатывал вопросы влияния плодородия земли. Для выяснения возможности в пределах Изолированного государства плодосменной системы, для которой необходимо плодородие земли в 10 зерен, он привлекает большой материал о бельгийском хозяйстве и именно на основании низкого уровня плодородия земли (8 зер.) в его гипотетической стране он решает, что плодосменное хозяйство, «распространяющееся на всю территорию имения, не может иметь места».

Тюнен не только изучал влияние богатства почвы на изменения размещения каждого отдельного сел.-хоз. производства конкретно путем учета урожайности, но он счел возможным дать и для всей своей системы общую картину таких перемещений в схеме № 4 (стр. 51). Эта схема, сводящая, как и вся методика Тюнена в основной ее части, качественные различия к количественным, дает возможность уточнить влияние богатства почвы на размещения сел.-хоз. производства в целом.

Он не ставил себе задачи помимо богатства почвы, в понимаемом им смысле, еще уточнять влияние других природных условий на изменение географии сельскохозяйственного производства, но тем не менее и такие вопросы, мы видим, вводятся Тюненом в его исследование (суглинки, пески, горы и т. п.)¹⁾. Наконец, Тюнену вовсе не чуждо было понимание необходимости увязки его гипотезы с так. наз. основными природными зонами. Вот что мы находим у него:

«В различных климатических условиях различные растения, являются главным продуктом сельского хозяйства, и именно те, которые приносят наибольший чистый доход. Если бы мы располагали точными цифрами об издержках производства отдельных культур и имели бы вместе с тем скалу понижающейся урожайности этих культур при переходе к северу, то мы могли бы, подобно тому как в первой части вычислена граница между семипольным и трехпольным хозяйством, наметить и обосновать границы производства основных продуктов сельского

дующее содержание: «Богатство почвы—не материя, а способность к производству. Навоз—не богатство, но делается таковым только благодаря воздействию почвы. Одинаковое количество навоза дает на разных родах почв различный градус богатства». Мы не можем поставить себе цели разобрать по существу принятый Тюненом показатель соизмерения влияния природных условий на земледеле.

¹⁾ Тюнен, стр. 144—5.

хозяйства. Можно было бы составить другую таблицу Изолированного государства, в которой области, обнимающие производство различных растений, были бы отмечены различными красками»¹⁾.

Мы сочли особенно необходимым остановиться на том внимательном отношении, которое мы находим у Тюнена к изучению природных условий в принятой им форме, потому что именно этот пункт его исследования всегда истолковывался чрезвычайно произвольно.

К сожалению, нередко лица, прочитавшие на первой странице Тюненовского исследования—«пусть эта равнина имеет совершенно одинаковую почву, везде одинаково удобную для обработки»..., считали себя в праве только с точки зрения этого гипотетического предположения Тюнена трактовать и все отношения его к влиянию природных условий.

4. Влияние издержек производства.

Третьим направлением, в котором мы считаем целесообразным рассмотреть систему Тюнена с точки зрения методики изучения закономерностей размещения сельского хозяйства, является изучение влияния издержек производства.

Изучение их у Тюнена построено по следующей системе: он исходит из того предположения, что в пределах его Изолированного государства сельское хозяйство всюду ведется рационально и труд везде одинаково производителен: «Реальную заработную плату или сумму необходимых для жизни предметов, которые рабочий может купить на свое жалование, мы представляем себе,—говорит Тюнен,—для всех местностей Изолированного государства одинаковыми²⁾. Также одинаковым представляет себе Тюнен и тот % на капитал (5%), который существует во всех частях его страны. Всюду Тюнен берет один масштаб хозяйства (цитируется по Студенскому) равный по площади имению Теллов³⁾. Также одинаковыми принимает Тюнен общие расходы производства.

При таких предпосылках ему приходится изучать изменения в структуре издержек производства в различных системах сельскохозяйственного производства, местоположение которых уже намечено в связи с влиянием рынка (цены—транспорт) и богатства почвы.

Помимо указаний, которые имеются у Тюнена о значимости тех или иных групп издержек производства для форм и места организации хозяйства в целом⁴⁾, Тюнен стремился учесть те изменения в самых показателях издержек, которые имеют пространственное

¹⁾ Т ѳ н е н, II, 2. 1875 г., 112 стр.

²⁾ Т ѳ н е н, I, стр. 255, 180.

³⁾ Т ѳ н е н, стр. 161.

⁴⁾ Особенный интерес представляет обособление издержек производства на расходы по обработке и расходы по уборке и анализ расходов внутрихозяйственного транспорта. Там же, 35/36 и 86/87.

выражение и влияют также на форму производства и его местонахождение.

Остановимся на затратах на труд. Гипотеза Тюнена, что реальная оплата труда в его государстве одинакова, не скрывает от него того обстоятельства, что денежное выражение этой заработной платы в пространстве будет весьма различное ¹⁾. Оно будет низким на периферии страны и будет, как и показывает Тюнен, толкать местное хозяйство к более широкому использованию труда. Только в первом поясе вольного хозяйства, где рента очень высока, Тюнен указывает, что увеличение затрат труда здесь мало принимается в расчет. Это тем более существенная оговорка, что по гипотезе Тюнена здесь труд дорог.

Мы считаем необходимым отметить, что Тюнен в своих построениях, характеризующих рынок труда, не исходил из предположения той или иной плотности населения в стране. Наоборот, мы имеем убедительнейшие доказательства, что взгляд его на вопрос о взаимодействии хозяйственной деятельности с плотностью населения, очевидно, был совершенно иной. «Население по количеству находится, по всей вероятности, если не в прямом, то в близком к прямому отношении с валовым доходом». Исходя из этих соображений, он, например, высчитывает, что бельгийско-плодосменное хозяйство может прокормить 6.900 жителей на 1 кв. милю, а выгонное—3.200 человек ²⁾. В других местах своей работы он указывает, что трехпольное хозяйство прокормит только 2.000 человек на 1 кв. милю и что имение, лежащее в скотоводческом поясе, равное по площади имению, лежащему близ города и кормящему там 30 семей, в скотоводческом поясе дает труд и пищу трем семьям ³⁾.

При анализе географии размещения капиталов в стране и выгоды их использования, мы прежде всего должны указать на два делаемых Тюненом допущения. Тюнен принимает, что капиталы в его Изолированном государстве должны давать в среднем 5% ⁴⁾. Кроме того, в отношении капиталов, создаваемых в сельском хозяйстве, он делает допущение, что они должны измеряться преимущественно хлебными ценами и, следовательно, они будут дороже около города и дешевле на периферии ⁵⁾. Но Тюнен не смешивает воедино географию всех капиталов и неоднократно в своей работе подчеркивает наличие некоторых богатых стран, где обычный процент

¹⁾ Тюнен, 180 и 189 стр.

²⁾ » 123 стр.

³⁾ » 116 и 212 стр.

⁴⁾ » 147, 161 стр.

⁵⁾ » 189 стр.

Расходы по возведению и поддержанию построек... определяются преимущественно хлебными ценами и должны быть значительно ниже там, где рожь стоит $\frac{1}{2}$ тал., чем там, где она стоит $1\frac{1}{2}$ тал.

гораздо ниже, чем в бедных. Такое местоположение капиталов в его представлении нередко связывается с развитием именно в этих местах

«фабрик и мануфактур, в которых проценты на капитал составляют главную составную часть годовых расходов; все эти фабрики должны будут находиться в более богатом государстве, хотя бы сырье и заработная плата обходились там дороже».

Заслуживает упоминания методика Тюнена в исчислении себестоимости навоза, произведенного в хозяйстве и подвозимого из города. Огромная нужда в навозном удобрении, как подчеркивает автор, заставляет хозяев организовать скотоводство в поясах, где оно само по себе невыгодно при наличии в Изолированном государстве специального скотоводческого пояса. Использование навоза в земледелии, дающем высокий доход, компенсирует в этих поясах убытки, получающиеся от скотоводства.

Указанную географию издержек с большей или меньшей систематичностью и полнотой Тюнен принимает, как условие, отклоняющее место производства от ранее намеченной его ориентации в пространстве по транспортным издержкам, а также и как условие, меняющее форму производства.

Что именно методом отклонения от первоначальной транспортной установки Тюнен ведет изучение дальнейшего влияния издержек производства, это можно доказать многими иллюстрациями из его работы.

Возьмем некоторые из них. В шестом скотоводческом поясе Тюнен путем расчета доказал, что транспортные издержки на масло ничтожны и преимущества производства масла на ближнем расстоянии от города очень не велики. А далее, установив, таким образом, показатель транспортных издержек, он указывает: «эти преимущества, заключающиеся для ближних местностей в сокращении транспортных расходов, компенсируются в отдаленных местностях уменьшением производственных расходов, связанных с выработкой животных продуктов».

Расходы по содержанию рабочих, занятых в скотоводстве, расходы по возведению и поддержанию построек, необходимых для скота, так же, как и большинство других расходов по скотоводству, определяются преимущественно хлебными ценами и должны быть значительно ниже там, где рожь стоит $\frac{1}{2}$ талера, чем там, где она стоит 1,5 талера.

Но покрывает ли, или перевешивает сокращение производственных расходов в отдаленных местностях увеличенные транспортные расходы»¹⁾—это Тюнен показывает подробным расчетом.

¹⁾ Тюнен, 189.

Мы не будем приводить здесь этот расчет, но интересна формулировка его выводов. Руководствуясь принятой им формулой, можно высчитать, «что продукт, который в смысле производственных расходов относится к ржи как 14:1, а в смысле транспортных — как 2:1 (а именно в таком соотношении находятся производства масла и хлеба), может доставляться в город из ближайших окрестностей по 9,2 зл., а из местности за 30 миль по 5,3 зл. за фунт. Если весь спрос может быть удовлетворен, как здесь, этой отдаленной местностью, то цена, по которой она может доставлять этот продукт в город, определит среднюю цену на него в городе, а из этого следует, что производство этого продукта вблизи города должно быть связано с убытком»¹⁾.

Помимо изменений и поправок в формах производства и их местоположении, которые Тюнен делает от первоначальной транспортной установки, в зависимости от природных условий и издержек производства по его поясам, он исследует это еще в главе, трактующей о сравнении Изолированного государства с действительностью.

Остановимся на рассуждениях Тюнена о месте торговых растрений в его Изолированном государстве, так как вопрос этот разработан им с большой полнотой.

При выяснении места, где должны разводиться торговые растения в его Изолированном государстве, Тюнен исходит из общего указанного нами выше положения.

В этих правилах, как и всюду у Тюнена, как видим, рядом с влиянием веса и связанных с ним транспортных издержек мы находим учет влияния природных условий и производственных издержек.

Применяя эти правила, напр., ко льну, Тюнен исчисляет, что лен вдвое сильнее истощает землю, сравнительно с ячменем, издержки его в 7,5 раз выше, чем ржи. Урожай льна в весовом отношении равен $\frac{1}{4}$ урожая ржи.

Все эти показатели, по мнению Тюнена, соединяются вместе, чтобы оттеснить лен за пределы культуры хлебов в его Изолированном государстве, где реальная заработная плата всюду одного уровня и где природные условия одинаковы.

Лен, в действительности, как указывает Тюнен, разводится не на окраинах мира, а «в Восточной Фландрии, в этом саду Европы», где выгодно вкладывать в него огромное количество труда²⁾ и где благодаря богатству почвы производство его обходится дешевле.

¹⁾ Тюнен, 198.

²⁾ Объяснение этого явления мы считаем возможным искать в следующем: Тюнен во многих местах разбирает условия сел.-хоз. производства в Бельгии. Как можно понять из некоторых его указаний, одним из существенных моментов выгод ведения местного с.-х. производства Тюнен считает высокую производительность труда: «В Бельгии..., где люди лучше знакомы с приемами работ... эти работы обходятся дешевле, чем у нас» (стр. 177).

Приведенные иллюстрации показывают, что Тюнен, хотя принял условные показатели издержек производства (зар. пл., % на капитал), но тем не менее он стремился учесть их местные различия и при помощи таковых уточнял формы производства и места их нахождения.

5. Организационно-производственные сочетания отраслей.

В системе исследования Тюнена есть еще одна чрезвычайно важная черта методики, которая заслуживает особенного к себе внимания. Как мы видели, Тюнен допускал очень много всяких упрощений и, конечно, было бы вполне законно, если бы он (как мы нередко находим в настоящее время, напр., у Энглендера), изучая размещение сел.-хоз. производства, брал за основу своего рассмотрения не увязанную внутри себя ту или иную систему земледелия или даже систему сельского хозяйства, а просто рассматривал гипотетическое изолированное положение производства ржи, свеклы, масла и т. п. Тюнен этого не сделал. Он слишком хорошо знал условия организации сельского хозяйства, чтобы игнорировать выгоды плодосмена для использования плодородия земли; ему хорошо были знакомы затруднения с нагрузкой в критические моменты труда и инвентаря, чтобы он мог игнорировать отмечаемую нами проблему.

Те сочетания, в которые он объединяет в каждом с.-х. производстве отрасли земледелия и скотоводства, отличаются не только устойчивостью, но они своей совокупностью обеспечивают особые выгоды производства.

Выгоды эти основываются на повышении производительности затрат по использованию плодородия земли, на тех или иных сбережениях издержек на труд и капиталы.

Остановимся в связи с этим на некоторых чертах намеченной Тюненом смены систем сел.-хоз. производства в его Изолированном государстве.

Первый пояс—вольное хозяйство.

Хозяйство строится под непосредственным сильным воздействием выгод обслуживания соседнего городского рынка. Земледелие этого пояса производит на рынок не выдерживающие дальней перевозки нежные сорта огородных растений—цветную капусту, салат, клубнику и дешевые овощи, перевозка которых издалека обходилась бы слишком дорого: капусту, картофель, репу.

Высокая оплата продуктов огородного хозяйства, как указывает Тюнен, нередко ведет хозяйство по пути к значительным капитальным вложениям в хозяйство в форме устройства оранжерей, парников и др. подобных оборудований.

В первом поясе широко распространено клеверосеяние, которое поставляет на рынок сено и зеленый клевер. Зерновые культуры дают на рынок солому.

Основной рыночной продукцией скотоводства является свежее молоко, которое, как скоропортящийся продукт, доставляется только из ближайшего пояса в город. Местный скот содержится, главным образом, в стойлах. На корм ему используется свежий клевер, сено и отбросы огородного хозяйства.

При существующем стремлении использовать всю землю в первом поясе под наиболее выгодные культуры и возможности приобретать навоз в городе в части пояса, примыкающей к городу, здесь мы не находим чистого пара; чередование культур совершается в согласовании с выгодами сбыта на рынок.

Здесь имеет место вольное хозяйство, которое в смене культур не подчиняется никаким заранее определенным планам.

Второй пояс—лесное хозяйство.

Город Изолированного государства помимо продуктов сельского хозяйства, а также и пояс вольного хозяйства нуждаются в топливе, строевом лесе, поделочном лесе, угольях и др. продуктах, даваемых поясом лесного хозяйства, благодаря малой транспортабельности продуктов лесного хозяйства, таковое помещается во втором поясе Изолированного государства. Ориентируясь на необходимость получения принятого в стране 5% дохода от капиталов, на быстроту прироста леса и изменении его качеств при этом, Тюнен устанавливает, что дровяной лес будет иметь более быстрый оборот рубки и расположится ближе к городу, чем строевой лес, особенно нуждающийся в высоких качествах крепости, в медленном обороте рубки и дающий более ценную в единице веса древесину. Отбросы строевого леса, обращенные в уголья, как более ценный в единице веса продукт, будут в таком виде также сбываться в город.

Третий пояс—плодосменное хозяйство.

Плодосменным хозяйством Тюнен называет такую систему земледелия, в которой, вместе со сменой злаков и кормовых, мы имеем также и уничтожение чистого пара.

Судя по приведенному Тюненом примеру Бельгийского плодосменного хозяйства, имевшего состав культур: 1) картофель, 2) рожь и репу по жнивью, 3) овес, 4) клевер, 5) пшеницу и репу по жнивью, направление плодосменного земледелия в значительной мере является зерновым. При наличии высокого уровня богатства почвы Тюнен допускает возможность внедрения в плодосменное хозяйство промышленных культур.

В плодосменном поясе идет, надо полагать, также и окончательный откорм скота, подгоняемого из пояса скотоводства на продажу к городу.

Осуществление всех указанных хозяйственных задач возможно вообще при условии поддержания богатства почвы на более высоком уровне, чем обычный уровень, принятый в Изолированном государстве. Помимо смены культур поддержание такого уровня

требует значительного внесения удобрения. Это последнее обеспечивается получением большего количества кормов в полеводстве, с одной стороны, и переходом от выпаса к стойловому содержанию скота.

По мнению Тюнена, плодосменное хозяйство не может в Изолированном государстве распространиться в соответствующем поясе на всю площадь имения. Основным препятствием этому является то, что уровень богатства почвы, принятый Тюненом в государстве слишком низок, и, кроме того, наличие в стране развитого пояса пастбищного животноводства и, следовательно, дешевых продуктов скотоводства, снижает выгоды выращивания кормовых культур в полеводстве плодосменного хозяйства.

Четвертый район—выгонное семипольное хозяйство.

Основной задачей семипольного хозяйства является производство зерна. В выгонном хозяйстве первое из полей занято паром, второе—рожью, третье—ячменем, четвертое—овсом и последние три—выгоном. Доход хозяйства, помимо полеводства, получается также и от продуктов скотоводства. В выгонном поясе идет также использование имеющихся здесь кормов крупным рогатым скотоводством с целью получения масла. Так как молодняк здесь выращивать не выгодно, то потребность в нем выгонный пояс удовлетворяет покупкою в поясе скотоводства.

Кроме площади земли, отведенной под пашню, здесь мы находим, как особое угодье, луг, который дает основной корм (сено) скоту в период зимнего кормления.

Накопленный в хозяйстве навоз свозится на пар. Выгонное хозяйство использует также и навоз, получающийся на месте пастбы скота. Вследствие такого обеспечения пашни удобрением, хозяйство может использовать под посев хлебов до $\frac{3}{7}$ всей площади имения, сохраняя принятый исследованием уровень плодородия земли.

Пятый пояс—трехпольное хозяйство.

Земледелие здесь организовано для получения зерна. Порядок чередования культур: пар, рожь и ячмень. Хозяйство для обеспечения скота кормами должно иметь еще особое угодье—луг и выгон. Зимнее кормление скота обеспечивается сеном, получаемым с лугов. Навоз вывозится в паровое поле. Половина того навоза, который дает (нераспахиваемый) выгон, пропадает для пашни. Благодаря незначительному накоплению навоза хозяйство может сохранить принятый уровень урожайности только при условии засева хлебом 24% всей площади имения.

Шестой пояс—скотоводство.

Продуктами, производимыми в поясе, являются—масло, мясо, шерсть и пр. Земледелие здесь распространено только в меру удовлетворения местных потребностей людей, занятых в скотоводстве. Зимнее кормление обеспечивается сеном с необработанных природных лугов и незначительным количеством соломы от посева зерна.

Включение в посев кормовых трав и корнеплодов нецелесообразно, так как расходы не покрываются незначительными доходами от скота. Летние пастбища здесь очень обильны, и скот не может поесть всей имеющейся на пастбище травы.

Однако, откорм скота в скотоводческом районе лишь начинается, а заканчивается он в более близкой к городу области. Это целесообразно делать потому, что перегон очень жирного скота на далекие расстояния связан с отощанием его. Тюнен не уточняет, где должен производиться такой окончательный откорм, но судя по состоянию кормовых ресурсов и по экономическому положению, есть основание предполагать, что это должно делаться в плодосменном поясе.

При проработке вопроса о месте разведения торговых растений и месте организации винокурения, Тюнен снова возвращается к поясу скотоводства и доказывает, что этим отраслям при некоторых условиях должно быть дано место в скотоводческом поясе.

«За пределами пояса скотоводства могут жить только отшельники, разбросанные в лесах охотники, которые усваивают вместе с занятиями и образом жизни дикарей также и их нравы. Единственное сообщение, которое эти охотники поддерживают с городом, заключается в том, что они выменивают на шкуры диких зверей то немного, что им требуется.

Это будет здесь единственным влиянием города на равнину, которая дальше превращается в безлюдные дебри¹⁾».

Приведенная характеристика нам интересна во многих отношениях. В каждом поясе Тюнен, выделяя его специализацию и проверяя целесообразность таковой на основании рыночного положения, прежде всего, затем тщательно увязывает возможность ее осуществления с другими условиями. Возможность эта обусловлена богатством почвы и теми издержками производства, которые, с одной стороны, зависят от места положения пояса (оплата труда, размеры эксплуатируемой площади), а с другой, могут повышаться и понижаться в зависимости от того, с какими отраслями и как произойдет сочетание основного направления хозяйства. Это-то последнее и было нами продемонстрировано путем характеристики всех поясов Изолированного государства. Мы старались в них дать описательную характеристику (у Тюнена даны расчеты) сочетания отраслей полеводства и скотоводства, мы указывали на состав кормовых ресурсов и выясняли пути обеспечения пашни удобрением. Но Тюнен принимает также во внимание и потребности в труде и в инвентаре (его сравнения плодосменного, выгонного трехпольного хозяйства, указания о поясе скотоводства), и, таким образом, географические изменения всех условий им увязываются с определенными разновидностями форм организации производства в целом.

¹⁾ Тюнен, стр. 212.

6. Промышленность, перерабатывающая сел.-хоз. сырье.

Местонахождение всей промышленности, как известно, Тюненом было предварительно намечено в городском центре. В дальнейшем Тюнен не однажды пытается, отходя от своего допущения, уточнить место переработки сельскохозяйственного сырья.

«Хлеб не может доставляться в город из пояса скотоводства»,—говорит Тюнен,—потому что транспортные расходы обходятся слишком дорого; но, если превращать хлеб в фабрикат, транспортные расходы которого ниже, то земледелие может в передней части этого пояса быть еще выгодным. Таким фабрикатом является вино, при чем спирт, полученный из 100 шепелей ржи, по весу не превосходит 25 шепелей.

Отбросы винокурения, или барда, целесообразно может быть использована на корм скоту. Так как этот пояс и без того предназначен для откармливания скота и так как там хлеб и дрова имеют наименьшую цену, то там оказываются налицо все условия, которые делают винокурение выгодным.

Вино, поэтому, может, доставляться отсюда настолько дешево, что ни один пояс изолированного государства, а тем более город, не могут с ним конкурировать (при полной свободе промысла); легко понять, что в городе, где зерно и дрова стоят втрое дороже, а номинальная заработная плата также значительно выше, вино должно стоить также вдвое или втрое дороже той цены, по которой упомянутая местность может продавать его¹⁾.

Самое интересное в этом рассуждении Тюнена будет то, что показателями ориентировки на место добывания сырья он берет отношение 100 шепелей ржи к 25 шеп. (спирт), т.-е. тот самый показатель, который затем Вебер будет считать, как увидим, основным в его транспортной ориентации. Не забывает Тюнен, кроме того, учесть и выгоды использования побочного продукта для откорма скота, а также и выгоды эксплуатации труда.

Еще больший интерес представляют рассуждения Тюнена о месте выработки полотна в его Изолированном государстве. Денежная стоимость работы, затрачиваемой на переработку льна в полотно, весьма различна в разных местах Изолированного государства, смотря по разнице цен на хлеб и другие продукты.

«Превращение 2.400 ф. льна в полотно вблизи города стоит 745 тал., а в 28 милях от города—только 363 тал., т.-е. немного меньше половины.

При превращении льна в беленое полотно теряется почти 25% веса льна; иначе полотно весит на 25% меньше, чем весил лен, из которого оно сделано.

¹⁾ Тюнен, стр. 225/26.

Если мы хотим определить цену, по которой полотно может доставляться в город из различных местностей Изолированного государства, то мы должны сложить расходы на производство льна и расходы на выработку полотна.

Расстояние.	Цена полотна, сделан. из 2400 ф. льна.	За 1 ф. льна.
0 миль	1052 тал.	21,0 зл.
10 »	838 »	16,8 »
28 »	505 »	10,1 »

Обитателям города пришлось бы, таким образом, платить за полотно вдвое дороже, если бы разведение льна и производство полотна происходили вблизи города, а не в местности за 28 миль от города.

Применение формулы, выведенной для определения цен сельскохозяйственных продуктов, для определения расходов по выработке полотна и установления его цены, приводит нас к вопросу, нельзя ли определить местность для различных фабрик и промыслов, где они могут работать с наибольшей выгодой и откуда фабрикаты могут дешевле всего доставляться.

Тот, кто знаком со всеми тайнами фабрики, кто в совершенстве знает все промысла и может определить для каждого из них долю капитала, заработной платы и производственной прибыли, падающую на определенное количество товаров,—тот мог бы составить подобную таблицу.

Из этой таблицы выяснилось бы, что не все фабрики и мануфактуры должны тесниться в главном городе, но, что значительная часть их должна находиться там, где можно производить сырье всего дешевле, что, следовательно, Изолированное государство должно было бы иметь не один большой город, но еще и несколько маленьких ¹⁾.

Приведенная выписка показывает, что Тюнен не только в частном случайном порядке считал необходимым ставить вопрос о размещении промышленности ²⁾. Его искания в этой области хотя и не дали стройных выводов, но методы, которыми они осуществлялись, свидетельствуют, что и здесь он имеет большие научные достижения, сильно облегчившие дальнейшую проработку проблемы размещения промышленности.

7. Система Тюнена, как орудие исследования.

Таковой является система исследования Тюненом закономерностей размещения сельскохозяйственного производства. К сожалению, благодаря тому, что великий исследователь был чрезвычайно обстоятелен в изложении своих расчетов, производимых

¹⁾ Тюнен, стр. 256/257.

²⁾ Thünen.—Isolierte Staat, т. II, стр. 426.

многие десятки раз в работе, а также и благодаря нередко стремлению путем вводных экскурсов увеличить доказательность своих построений—основные пути его изысканий оказывались нередко недостаточно подчеркнутыми в его изложении. Кроме того, надо признать, что научные искания Тюнена настолько опережали взгляды и понятия его современников и некоторых его последователей за истекшие 100 лет, что многие из последних просто находились под обаянием поражающей своей стройностью картины исходного построения Тюнена о влиянии цен и транспорта на размещение сельского хозяйства, а разработка, углубление, понимание влияния богатства почвы и издержек производства и увязка всех этих условий в организационных формах производства—оставались благодаря этому забытыми.

Нарисованная Тюненом система размещения сельскохозяйственного производства для нас ценна не только потому, что она причинно обусловлена хозяйственным расчетом во всех своих частях и вся в целом, в статическом положении народного хозяйства, но она, кроме того, как справедливо указывает сам автор, может быть принята и как некоторая схема эволюционной смены одних сел.-хоз. производств другими ¹⁾.

«Путешественник, проезжая по Изолированному государству, увидел бы в течение нескольких дней практическое применение всех известных теперь систем хозяйств. Правильный порядок, в котором он ознакомился бы с различными системами хозяйства, оберег бы его от заблуждения, что культура отдаленных от города местностей не так высока, как вблизи, только благодаря невежеству тамошних сельских хозяев.

Высшие системы хозяйства имеют для глаза обманчивый блеск благодаря тому, что они искусственнее, сложнее и требуют большего знания и развития.

Так как эти высшие системы в тех местах, где они установились, несомненно, приносят большую прибыль и лучше используют почву, то очень простительно, но тем не менее очень опасно заблуждение, заключающееся в том, «что нужны только соответствующие знания, чтобы ввести более высокую систему хозяйства в малокультурную местность» ²⁾.

Так ярко и категорически подчеркивает Тюнен одну из основных идей своего исследования, что нет и не может быть абсолютно наилучших форм производства, всюду и везде одинаково пригодных. Каждая форма может быть наилучшей только в определенных соответствующих условиях.

¹⁾ Сам Тюнен считал целесообразным использование его теоретических построений не только для изучения, но даже и для некоторого учета их в системе экономической политики,—это видно из последней главы его работы о влиянии налогов на земледелие. Несомненно, эта глава занимается не только изучением влияния налогов на земледелие, но и дает ценные указания для построения самой системы налогов.

²⁾ Тюнен, стр. 212.

Тюнен не только не представляет себе, как видим, описанное им Изолированное государство, как застывшую статику, но и помимо тех перемен, которые могут происходить в связи с ростом города и промышленности, улучшенных путей сообщения и т. п., он во многих частях своей работы подчеркивает, что большое влияние на изменение размещения будет иметь прогресс самой техники сел.-хоз. производства¹⁾.

Конечно, мы не можем относить на счет великого исследователя неудобство того, что данный им и наиболее популярный исходный вариант схемы (№ 1) не может быть нами просто наложен на действительность, как это некоторые делают. Мы знаем, что этого нельзя будет сделать во всей полноте даже и тогда, когда мы учтем все указанные самим Тюненом модификации этой схемы в сторону природных условий и географии издержек производства. Нельзя этого сделать с точностью потому, что замкнуть полностью в какую-либо схему все многообразие мира просто невозможно и претендовать на это не может научное знание. Но делать из этого какие-либо пессимистического характера выводы о Тюненовской системе совершенно незаконно и тем более при условии ее дальнейшей проработки и приближении к современной действительности.

Как сам Тюнен далек от предположения, что при изучении конкретной хозяйственной действительности данные им в схемах пояса во всей неприкосновенности так кольцами и расположатся в какой-либо стране, это видно из следующих его слов:

«Так как в Изолированном государстве возможно определить местоположение отдельного имения, согласующегося с его условиями, то возможно (не считаясь, конечно, с трудностями исполнения) начертить карту для целой страны, на которой красками будут обозначены пояса, к которым относятся отдельные местности. Такая карта представила бы очень интересное и поучительное зрелище. На ней пояса, конечно, не шли бы один за другим в правильном порядке, как в нашем Изолированном государстве, но были расположены вперемежку; например, имение, лежащее в 100 милях от города, но расположенное на реке и обладающее очень плодородной почвой, принадлежало бы к третьему поясу, а лежащее в 10 милях от города и с песчаной почвой—к шестому»²⁾.

Мы думаем, указанный здесь Тюненом пример экономико-географического исследования совершенно не похож на примитивный подход к использованию и (нередко опорочиванию) его теории путем элементарного, некритического наложения.

¹⁾ Тюнен, стр. 151, 229, 240. 127—128.
²⁾ » » стр. 225.

Из указаний Тюнена ясно, что реально созданными и высокоценными научными достижениями он, конечно, считает не те весьма показательные и популярные схемы, которые имеются в его работе.

«Эти наглядные изображения, сделанные одним из моих друзей,—говорит Тюнен,—правда, не являются необходимым для понимания предметом, о котором идет речь в этом сочинении, и я нигде на них не ссылаюсь, но они дают возможность легкого и удобного обозрения результатов нашего исследования»¹⁾.

Такой разрыв со схемами, приведенными для иллюстрации, не мог смущать великого исследователя, потому что основной целью, к которой он стремился, было сделать из Изолированного государства познания.

Величайшими достижениями Тюнена являются критическое построение методики и осуществление на ее основе исследования влияния транспортных издержек, богатства почвы и издержек производства на формы и размещения земледелия.

Мы должны признать, что огромное содержимое работы Тюнена, несмотря на всю устарелость его конкретных агрикультурных примеров и аргументов, стало, несомненно, раскрываться только в связи и после того, как появились более современные работы по штандорту Вебера, Энглендера и других. Но появление этих работ еще не означает, что наследство Тюнена уже исчерпано. Сопоставляя методику Вебера и Тюнена, мы видим в них много родственного, и критическое сопоставление таковых было бы очень плодотворным и, надо думать, могло бы много дать ценного для усовершенствования построения методики штандорта сельского хозяйства.

На очереди стоит, наконец, проблема общего штандорта. Попытки Энглендера построить такой штандорт, как мы покажем в следующей главе, нельзя признать совершенными, и надо думать, что наследие Тюнена и в этой части заслуживает также внимания.

«Если наша наука когда-либо придет в упадок, то произведения Тюнена будут из числа тех, которые помогут ей вновь подняться»,—сказал когда-то Рошер²⁾. Мы думаем, что опасения в упадке науки сейчас нет, но есть огромный, небывалый ранее запрос на познание закономерностей размещения хозяйства в пространстве, и при разрешении этой научной задачи мы уверены, что тюненовское наследство окажет еще огромную помощь.

¹⁾ Тюнен, стр. 313.

²⁾ Там же.—Предисловие Warentig'a, стр. 8.

III. ТЕОРИЯ А. ВЕБЕРА О ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

1. Методологические предпосылки.

В 1909 г. немецкий экономист А. Вебер выпустил работу под названием «Über den Standort der Industrien». Указанная работа оказала огромное влияние на современную постановку задач экономико-географических исследований. Несмотря на многочисленные критические замечания, сделанные по поводу нее, а также некоторые внесенные поправки (Энгландер, Ритчел и др.), все же теория Вебера до сего времени является наиболее совершенной системой научного познания размещения хозяйственно-производственных явлений в пространстве.

«При всякой форме хозяйства и на всякой ступени технического и экономического развития для производства, обращения и потребления должна быть проблема не только «как», но и «где»; должны существовать некоторые правила, определяющие не только первое, но и последнее»¹⁾.

Так начинает Вебер свое исследование. Он констатирует, что политическая экономия до сего времени вопросами размещения хозяйства не занималась. Задача эта была предоставлена экономической географии.

«Но последняя, в качестве одной из наук о природе, могла овладеть предоставленным в ее ведение объектом лишь в той мере, поскольку этот объект в своих проявлениях может быть выяснен из фактов чисто естественного порядка, а не экономического. Это то же самое, как если бы анализ хозяйственных форм был передан наукам техническим».

Несмотря на наблюдаемые нами в современности грандиозные перемещения хозяйственных сил и средств в пространстве, — указывает Вебер, — мы не в состоянии в них разобраться и до сего времени мало подвинулись в изучении закономерностей размещения хозяйства в пространстве.

Вебер считает необходимым постановку изучения общей проблемы хозяйственного размещения, но полагает, что методологически наиболее целесообразным путем к решению такой задачи будет ограничение постановки исследования только размещением производства. Он подчеркивает, что в хозяйственной действительности

¹⁾ Цитируется здесь и далее по изложению Вебера Н. Морозовым. — «Теория размещения промышленности». М. 1926.

производство, обращение и потребление находятся в постоянном взаимодействии, и поэтому исследование размещения производства, несомненно, углубит также и наши познания в географии обращения и потребления.

Работа Вебера является в основе продолжением и дальнейшим развитием идей, высказанных Тюненем, что выгоды, получаемые от размещения производства, должны быть положены в основу научного познания географии хозяйства. Если в учении Тюнена мы имеем теорию размещения сельскохозяйственного производства, то свою гипотезу Вебер построил для изучения закономерностей размещения промышленности.

Пространственным полем своего исследования Вебер берет так же, как и Тюнен, хозяйственно-обособленную территориальную единицу. Хозяйственный организм такой страны Вебер рассматривает как бы «очищенным» от некоторых из тех наслоений, которые накладываются в различные исторические эпохи различными социально-экономическими системами; обычно он ведет свой анализ, базируясь на условиях капиталистического строя, внося в систему такового некоторые упрощения. В основной части своей теории он отстраняет от себя задачи по познанию географического размещения мест добывания сырья, центров потребления, рынков труда; все это им берется, как данное. Он упрощает свои расчеты транспортных издержек и ориентирует таковые только на железнодорожный транспорт.

В отношении рынков труда Вебер, кроме того, допускает еще значительные упрощения. Он считает их географически перемещающимися и в то же время вменяет им неограниченные возможности по снабжению производства трудом при стабильности производительных издержек на заработную плату.

Наконец, Вебер ставит своей задачей изучение размещения не производственных предприятий (не составляющих никакой локальной единицы), а производственных единиц, и при своих основных расчетах он ориентируется на производство, дающее только один продукт и охватывающее в одном производстве все стадии производственного процесса.

2. Анализ факторов размещения и их классификация.

Фактором размещения производства Вебер считает, как мы говорили, ту экономическую выгоду, которая получается в результате приурочения хозяйственной деятельности к тому или иному месту. Эта выгода получается благодаря сокращению в указанном месте, в сравнении с другим, издержек по изготовлению данного продукта, а также по обеспечению промышленности средствами производства и выгодами по сбыту изготовляемых товаров.

Все *штандортные* факторы Вебер делит на региональные, размещающие промышленность в определенных географических пунктах, и агломерационные, т.е. концентрирующие эту промышленность в некоторых из указанных пунктов. Законы размещения производства мы можем познать только тогда, говорит Вебер, когда в нашем изучении будем опираться на познание таких элементов производственных издержек, которые изменяются в зависимости от изменения местоположения.

Из всех производственных издержек, входящих в себестоимость продукта, Вебер полагает, что следующие имеют дифференцированное в пространстве выражение:

1. Издержки земельной ренты.
2. Издержки на основной капитал, на здания, машины и оборудование.
3. Издержки на сырье и топливо.
4. » на рабочую силу.
5. Транспортные издержки.
6. Процент на заемный капитал.
7. Амортизационные отчисления на основной капитал.

Анализируя каждую из указанных категорий издержек, Вебер устанавливает далее, что амортизационные отчисления не находятся в закономерной причинной связи с местом производства; % на заемный капитал хотя и различается фактически по странам в зависимости от их капиталообеспеченности, но при построении теории можно принять этот процент в исследуемой изолированной области одинаковым. Он доказывает, что высота земельной ренты не может объяснить нам, почему промышленность осела в том или ином месте; и, следовательно, падающие на оплату ренты издержки являются не региональными факторами, но они воздействуют на процессы агломерации (скопления производства в одном месте).

Наконец, Вебер считает, что издержки на основной капитал, на здания, машины и оборудование, как получаемые в предварительной и вспомогательной стадии отраслей обрабатывающей промышленности, не заключают в себе никаких принципиально-новых издержек и не могут поэтому выступать в качестве особых *штандортных* факторов. Таким образом, к факторам региональным, дифференцированным в пространстве Вебер относит только издержки на сырье, рабочую силу и транспорт.

Вебер считает возможным эти факторы, в целях упрощения своих теоретических построений, свести к двум основным. Он объединяет издержки на сырье с транспортными издержками, сводя первые к последним и предполагая, что высокая оплата единицы материалов как бы удорожает транспортные расходы, а низкая сокращает таковые.

После этих методологических построений Вебер приступает к исследованию региональных факторов и начинает с изучения

транспортных расходов, предполагая, что пункты оптимальных транспортных издержек создают основную сеть гнезд промышленности.

В дальнейшем изложении Вебер противопоставляет фактор издержек на рабочую силу установленной основной транспортно-ориентированной сети промышленности и изучает, при каких условиях производство перемещается к пунктам оптимальных рабочих издержек. Оба указанных фактора вместе создают первоначальный промышленный рельеф страны, который в дальнейшем является предпосылкой и объектом действия третьего фактора—агломерации, который стягивает производство к определенным пунктам и вызывает еще новое изменение в *штандорте* промышленности. Такова система основной части работы Вебера о *штандорте* промышленности.

3. Транспортная ориентация.

Транспортные издержки определяются весом перевозимого продукта и длиной преодолеваемого расстояния. Всякие изменения в тарифных ставках могут быть условно сведены или к изменению веса продукта, или к изменению расстояния. При учете транспортных издержек Вебер выясняет размеры таковых по транспортированию материалов к месту переработки и исчисляет затем издержки по перевозке готовых продуктов до пунктов потребления от места производства.

Как выше сказано, Вебер берет в своем исследовании географию пунктов потребления и места добывания сырья данными. Если предположить, что *штандорт* промышленности поместится или в каком-либо из этих пунктов, или на прямой между ними, то при таком допущении мы будем иметь один из элементов транспортных издержек—длину расстояния постоянной величиной; переменной же, от условия и места сложения которой будут меняться транспортные издержки, будет вес всей транспортируемой массы.

Вебер устанавливает, что характер распределения материалов по территории и особенности производственного использования материалов должны быть приняты во внимание при изучении влияния транспортных издержек на размещение. Анализируя характер распределения материалов по территории, он выделяет группу повсеместных материалов, т.е. более или менее одинаково представленных всюду в пределах изучаемой области (вода, глина, дерево), и группу локализованных, добывание которых по природным или по хозяйственным условиям производится в строго определенных местах.

Рассматривая далее особенности производственного использования материалов, Вебер указывает, что при отыскании *штандорта* по транспортным издержкам важно различать два случая: 1) когда материал при переработке входит целиком без остатка в продукт—«чистые материалы» (хлопковое волокно, железо); 2) когда

при обработке получают отбросы, не используемые в основном производстве—«весотеряющие или грубые материалы» (уголь, руда железная).

Оба указанные подразделения материалов по характеру их размещения и по особенностям производственного использования имеют в теории Вебера большое значение вообще и особенно при изучении транспортной ориентации штандорта.

Указанные качества сырья вместе с весом перевозимого продукта и длиной преодолеваемого расстояния влияют на величину транспортных издержек и сдвигают штандорт промышленности к пунктам минимальных транспортных затрат.

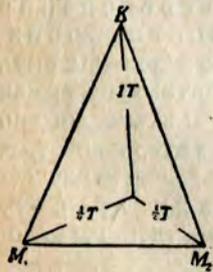
Изучая расходы по перемещению материалов и готовых продуктов, Вебер показывает, что на основании соотношения транспортных издержек на подвозимые к производству локализованные материалы с транспортными издержками на отправляемые к месту потребления готовые продукты, мы имеем право делать заключения о штандорте, т.-е. о месте, где наиболее выгодно было бы организовать производство.

Отношение веса локализованных материалов к весу продукта Вебер называет материальным индексом. Весь совокупный вес передвигаемых от материальных складов к центру производства и от такового к месту потребления товаров (материалы + готовые продукты) он называет штандортным весом.

Если для производства 100 тонн какого-либо продукта будет требоваться 300 тонн одного локализованного материала и 200 тонн другого локализованного материала, то материальный индекс данной отрасли промышленности будет равен

$$\frac{300 + 200}{100} = 5.$$

По тем же данным легко определить и величину штандортного веса; относя таковую к продукции в 1 тонну, мы будем иметь штандортный вес, равный 6.

Черт. 1.

Своим рассуждениям, доказывающим закономерности размещения промышленности, Вебер придает математическую форму. В отношении каждого вида продукта, говорит он, должна быть какая-то геометрическая фигура, образованная соединением пунктов потребления с оптимальными материальными складами. Это изображение он называет штандортной фигурой. Конкретно Вебер следующим образом ведет свои доказательства.

«Положим, мы имеем перед собою производство, работающее с двумя локализованными материалами, при чем на выработку 1 тонны продукта требуется $\frac{3}{4}$ тонны одного материала и $\frac{1}{2}$ тонны другого. В таком случае мы получаем штандортную фигуру, на

«материальных компонентах» ¹⁾ которой передвигаются веса в $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$, в то время как «потребительская компонента» отягощена единицей (черт. № 1).

«Отсюда, исходя из того, принятого выше, допущения, что единственными факторами, определяющими транспортные расходы, являются вес и расстояние, мы приходим к следующему выводу: веса, соответствующие различным компонентам, и представляют собой те силы, с которыми различные угловые вершины штандортной фигуры притягивают к себе производственный штандорт» ²⁾.

Разобрав, помимо указанного простейшего случая, некоторые более сложные, Вебер делает выводы о закономерностях размещения промышленности, связанных с транспортной ориентацией. Все встречающиеся в действительности сочетания материалов, а вместе с тем и влияния их на транспортные издержки, а в конечном счете на штандорт, в различных производствах могут быть сведены к следующим:

1. При использовании одного или нескольких повсеместных материалов производство ориентируется на потребительский пункт.

2. При использовании одного чистого локализованного материала штандорт может находиться в любом месте между материальным складом и потребительским пунктом. При добавлении к чистому локализованному материалу повсеместного штандорт перемещается к пункту потребления.

3. Наиболее часто встречающиеся случаи, когда использование весотеряющих локализованных материалов идет в соединении с повсеместным, решаются так:

а) использование одного весотеряющего локализованного материала ведет к совпадению центра производства с материальным складом;

б) при соединении использования весотеряющего локализованного материала с повсеместным штандорт будет оставаться в материальном складе, пока материальный индекс будет больше единицы, и он перемещается к потребительскому пункту, если материальный индекс будет менее единицы.

Обобщая все разобранные случаи, Вебер устанавливает, что единственным фактором транспортной ориентации, т.-е. тяготения производства или к материальным складам, или к потребительским пунктам, надо считать материальный индекс промышленности. Высота этого индекса зависит от степени весовых потерь локализованных материалов,

¹⁾ Компонентами Вебер называет линии, соединяющие штандорт с материальными складами.

²⁾ А. Вебер—Теория размещения промышленности. 1926., стр. 32.

с одной стороны, и от размеров потребления повсеместных материалов — с другой ¹⁾.

Обосновав так закономерности транспортной ориентации, Вебер далее анализирует современные тенденции экономического развития, меняющие условия добывания сырья. С одной стороны, он отмечает сужение пространств добывания многих хозяйственных благ, превращения, таким образом, таких материалов из повсеместных в локализованные (лес и проч.), а с другой — подчеркивает то, что вместе с развитием техники увеличивается масса сырья и топлива, которые требуют предварительной переработки, а это последнее повышает коэффициенты весопотери. Оба указанных процесса производят в географии промышленности непрерывный сдвиг от потребительской ориентации к материальной.

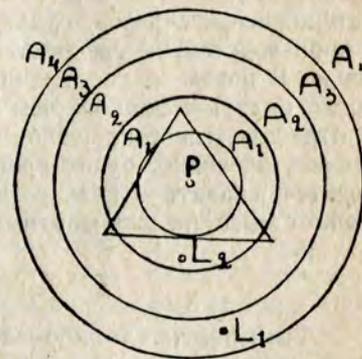
4. Рабочая ориентация.

Экономическим выражением «рабочих издержек» в капиталистическом хозяйстве служит заработная плата; реальное значение этих издержек в пространстве меняется в зависимости от различной высоты заработной платы и производительности труда в части, являющейся следствием личных качеств рабочих, а не технического оборудования производства. Трудовые навыки, получающиеся в результате долгого исторического развития, бывают неравномерно распределены по территории, и наличие их в определенных местностях дает при определенных условиях оплаты труда особые выгоды при использовании таких навыков в производстве. Местности, где по высоте заработной платы и по уровню производительности труда имеются наиболее низкие рабочие издержки, Вебер называет рабочими пунктами.

Поскольку Вебер предполагает дешевые рабочие пункты стабильными и локализованными только в определенных географических центрах, перемещение штандорта в рабочие пункты может совершаться или полностью в данный центр, или, при отсутствии к тому стимулов, останется в пункте минимальных транспортных расходов. Рабочие пункты будут перетягивать к себе штандорт промышленности от пунктов минимальных транспортных издержек, установленных выше, только в тех случаях, когда сбережение на рабочих издержках превысит перерасход в транспортных издержках, получающийся в результате перемещения производства.

¹⁾ Предположим, что из 200 тонн локализованных материалов и из 200 тонн повсеместных материалов с одинаковой потерей в весе при переработке в 50% получается 200 тонн продуктов; следовательно, материальный индекс будет равен $200:200=1$. При увеличении количества повсеместных материалов до 400 тонн и оставлении локализованных материалов в том же количестве при прежней же потере в весе при переработке, продукция будет составлять 300 тонн, а материальный индекс — $200:300=2/3$.

Графически Вебер изображает соизмерения сбережений на рабочих издержках и на отклонениях в транспортных расходах при помощи проведения вокруг пункта транспортного минимума замкнутых кривых линий, соединяющих пункты одинаковых отклонений в транспортных издержках (изодапаны). При перенесении производства к рабочим пунктам ¹⁾. Изодапана, проходящая через точки, в которых отклонения транспортных издержек и сбережения рабочих издержек равны, называется Вебером критической изодапаной. Величина сбережений на рабочих издержках зависит: 1) от абсолютной величины рабочих издержек на тонну продукта — «индекса рабочих издержек», и 2) от % сокращения этих издержек в рабочем пункте по сравнению с транспортными пунктами. Условия, влияющие на характер и направление рабочей ориентации, Вебер разделяет на две группы: 1) условия, связанные с характером отдельных отраслей промышленности, и 2) общие условия среды. К первой группе он относит штандортный вес, материальный индекс и индекс рабочих издержек. Чем ниже штандортный вес, тем шире может происходить отклонение штандорта от пункта транспортного минимума к рабочим пунктам, и наоборот. Притягивающая сила рабочих пунктов растет или слабеет параллельно индексу рабочих издержек. Сопоставляя оба указанные показателя рабочей ориентации, Вебер выражает связь между ними формулой $\frac{\text{величина рабочих издержек}}{\text{штандортный вес}}$ и получает показатель та-

Черт. 2.

кой ориентации, названный им «рабочим коэффициентом».

«Поясним значение рабочего коэффициента на некоторых примерах: корсетное производство имеет рабочий коэффициент в 1500 марок; керамическое производство — 55 м., изготовление сырого сахара — 1,3 м. Сбережение рабочих издержек в каком-либо рабочем пункте, выражающееся в 10% по сравнению с пунктом транспортного минимума, составит: 150 м. для первого производства, 5,5 м. для второго и 0,13 м. для третьего (на штандортную тонну). При тонно-километрической ставке в 5 пфенигов эти сбережения дают возможность отклонения: на 3000 км. для корсетного производства, 100 км. — для керамического и 2,6 км. — для сахарного ²⁾.

При изучении общественной среды, в которой помещаются рабочие пункты, Вебер считает особенно важным подчеркивать то,

¹⁾ А. Вебер. — Теория размещения промышленности, стр. 75—76.

²⁾ Там же, — стр. 80.

что издержки на отклонения от транспортного минимума и величина сбережений на рабочих издержках зависят от густоты сети самих рабочих пунктов. Вебер полагает, что густота рабочих пунктов в конкретных условиях находится в связи с плотностью населения и культурным уровнем страны.

В культурных и плотнонаселенных странах будет преобладать рабочая ориентация, а в отсталых и редко населенных—транспортная ориентация. Будет, кроме того, влиять на активность рабочей ориентации и существующая система транспортных тарифов. При низких тарифах рабочие пункты становятся особенно активно притягательными. Поскольку при нормальных условиях плотность населения растет, культурность увеличивается и понижаются транспортные ставки, постольку надо признать усиливающимся влияние рабочей ориентации; но таковой, помимо ранее указанного усиления влияния материальных складов, будет противостоять внедрение механизации в производство, и, следовательно, сокращение в применении живого труда. В целом надо признать, что удешевление транспорта идет более быстрым темпом, чем усиление механизации в производстве. В отраслях, где сокращение живого труда слабо затронуто механизацией, очевидно, будет преобладать рабочая ориентация; иное приходится сказать о сильно механизированном производстве и особенно с высоким штандортным весом.

5. Агломерация.

Транспортная и рабочая ориентации являются основными и единственными, по мнению Вебера, видами регионального размещения промышленности. Масштабы, в которых промышленность сосредоточивается в тех или иных пунктах, в значительной мере определяются агломерационными процессами. Агломерацией называется скопление промышленного производства в каком-либо месте. Такое скопление промышленности в определенном пункте может происходить или вследствие простого расширения и укрупнения отдельных производственных единиц или вследствие соединения в одном месте некоторого числа таких единиц, раньше рассеянных по территории.

Выгоды такого скопления получаются в результате снижения издержек производства, создаваемых самим скоплением промышленности, и не связаны ни с какими географическими пунктами. Выгоды, получающиеся от такого скопления и форсирующие его, могут происходить или от известных общих преимуществ крупного производства, удешевляющего продукцию, или от сбережений, получающихся по организации обслуживания отдельных производственных единиц, стягивающихся к определенному пункту.

Последняя форма агломерации, обусловленная технической и экономической структурой производства, может быть весьма много-

образной; она может быть в виде организованного обслуживания трудом, кредитом, рыночными связями по снабжению материалами и сбыту изделий, складами, под'ездными путями, вспомогательными производствами (выделившимися в самостоятельные производства части процесса, ремонт, силовые установки, водопровод и проч.) и другими способами, снижающими издержки производства.

Описываемое нами обслуживание скопляющихся в определенном пункте производственных единиц нередко переходит из формы простой технической связи с производством в форму общественных связей.

Вебер называет простое укрупнение производственных единиц низшей ступенью агломерации, а пространственное сближение производства без слияния их в одну единицу называет высшей ступенью агломерации.

В своей работе Вебер не углубляется в анализ указанных многообразных факторов агломерации, которые приводят к созданию промышленных скоплений, так как считает, что таковая задача должна решаться эмпирическими исследованиями.

Процессам агломерации, снижающим издержки производства, обычно в пунктах скопления промышленности начинают противодействовать дегломеративные процессы, выявляющиеся в форме повышения цен на земельные участки, вздорожания жизни, повышения заработной платы, роста цен на материалы и т. п. Теория штандорта не исследует процессов дегломерации; она интересуется только тем результатом—сальдо, который получается как равнодействующая указанных противоположных агломеративных и дегломеративных сил, и этим сальдо она определяет степень влияния агломерации.

Задачи теории в исследовании процессов агломерации Вебер ограничивает изучением взаимоотношений агломерации с транспортной и рабочей ориентацией, т.-е. исследует те изменения в ранее установленной картине размещения, которые производят агломерационные факторы.

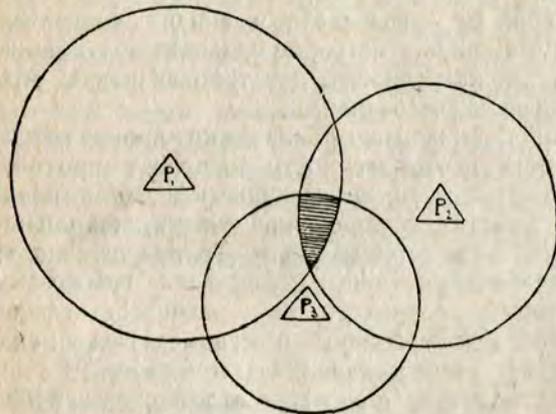
Относя выгоды агломерации к количеству агломерированной производственной массы (весовой суммы продукции), мы получаем возможность учитывать степень ее воздействия и соизмерять с выгодами транспортной и рабочей ориентации. Величина сбережения от агломерации, отнесенная к единице продукта, называется «индексом сбережений» при агломерации. Поскольку в индексе сбережений обычно наблюдается тенденция к снижению вместе с ростом агломерированной массы,—зависимость между величиной сбережений и агломерированной массой можно рассматривать как функцию этой массы. При таком допущении индекс сбережений может быть включен в более общее понятие—функцию сбережения.

Получающиеся при осуществлении агломерации сбережения ведут к отклонению центров производства от рабочих пунктов и пунктов транспортных оптимумов в тех случаях, когда эти сбережения покрывают дополнительные рабоче-транспортные

издержки, возросшие вследствие перемещения промышленности в пункты агломерации.

Влияние индекса сбережения от агломерации на перемещение штандорта от пунктов транспортного минимума учитывается Вебером теми же методами, как и в рабочей ориентации. Основное различие здесь только в том, что рабочие пункты в методике Вебера являются данными, а центры агломерации, в которые выгодно было бы переместить промышленность с нескольких пунктов, должны быть найдены исследованием.

Графически эта задача при изучении агломерации в условиях транспортной ориентации Вебером решается при помощи проведения изодапан (линий одинаковых издержек отклонения) вокруг ранее

Черт. 3.

найденных пунктов транспортного минимума. Местом, где издержки отклонения для каждого производства не превышают той выгоды, которая получается от соединения, и где, следовательно, агломерация наиболее выгодна, будет площадь общего сегмента¹⁾.

Это будет первым условием осуществления агломерации. Вторым условием осуществления агломерации в указанном

пункте будет густота производств на исследуемой нами площади и размер их производственной массы (производственная плотность), которые вместе дают основания для того, чтобы в агломерационном пункте соединяющиеся производства составили достаточную для агломерационных сбережений производственную массу.

В пределах указанного сегмента агломерационный центр устанавливается в части, ближайшей к транспортному пункту производства, обладающего наибольшей производственной весовой массой.

Так выводит Вебер при неизменяющемся индексе сбережений масштаб влияния агломерации. Эти правила сохраняют свое значение и для случаев, когда мы имеем дело с последовательно повышающимся индексом или с функцией сбережения.

В целом Вебер так формулирует все условия агломерации при транспортной ориентации: таковая зависит от условий, лежащих в самой промышленности (функция сбережений данной отрасли и штандортный вес), и от условий среды (тарифные ставки транспорта и производственная плотность). Высокая функция сбереже-

¹⁾ А. Вебер.—Теория размещения промышленности, стр. 98—99.

ний, низкий штандортный вес, низкие транспортные ставки и высокая производительная плотность формируют агломерационные процессы, а противоположные условия подавляют их.

В дальнейшем исследовании влияния агломерации, в связи с рабочей ориентацией, автор рассматривает борьбу между агломерационными и рабочими пунктами, стремящимися отклонить штандорт от пунктов транспортного минимума. Шансы этих борющихся сил учитываются путем сравнения сбережений, даваемых каждой из них. Так как нередко в рабочих пунктах промышленность скопляется по другим, не зависящим от чистой агломерации основаниям (случайная агломерация¹⁾, то это ведет часто к усилению влияния рабочих пунктов и притяжению к ним и чистых агломерационных процессов.

Различия в структуре производственно-технического аппарата и в организации промышленного труда должны создавать для каждой отрасли различную функцию сбережения при одинаковых агломерационных единицах. Применительно к указанным особенностям Вебер несколько уточняет свои выводы об условиях агломерации. Относя уровень рабочих издержек, а также и расходы на здание, — машины и оборудование — к единице продукта, Вебер строит понятие «индекса стоимости формирования». Входящие в состав этого индекса «рабочая стоимость формирования» и «стоимость машинного формирования» в их соотношении между собой имеют большое значение для размеров и направления агломерации. Так как, помимо стоимости формирования, на условия агломерации имеет большое влияние, как выше сказано, штандортный вес, то автор создает для них объединенный показатель, исчисляемый путем выведения отношения между стоимостью формирования и количеством передвижаемого груза в штандортной фигуре. Это соотношение Вебер называет «коэффициентом формирования».

После сказанного выводы Вебера получают следующую формулировку: производства с высоким коэффициентом формирования обладают сильной способностью к агломерированию производства, с низким коэффициентом — характеризуются слабой способностью к агломерации. Такой высокий общий коэффициент получается только при превалировании высокого рабочего коэффициента, который и будет вести к сильной агломерации с ориентировкой таковой на рабочие пункты. Иное приходится сказать об отраслях с низким общим коэффициентом, структура которых нередко определяется яркой выраженностью стоимости машинного формирования, а вместе с тем и значительным потреблением материалов и топлива. Проявление агломерации в таких отраслях будет наблюдаться в центрах, не далеко отстоящих от пунктов транспортного минимума этих отраслей.

¹⁾ Напр., скопления промышленности в особенно дешевых рабочих пунктах, в пунктах дешевого транспорта, дешевого сырья и т. п.

Указанные тенденции борьбы за агломерацию рабочих пунктов и материальных (главным образом, угольных) складов являются основными тенденциями, определяющими процессы формирования агломерационных единиц промышленности за XVIII и XIX вв.

6. Общая ориентация.

При переходе от теоретических построений к современной действительности мы должны отказаться от принятого допущения, что весь производственный процесс от добывания сырья до выработки готового изделия завершается в одном производстве и что взятое нами гипотетическое производство является обособленным, самодовлеющим, независимым от всех других производств страны. В действительности, производственный процесс в каждой отрасли не только распадается на отдельные, часто независимые стадии, но таковые нередко отделены друг от друга значительным пространством. В то же самое время надо признать, что между перемещениями, происходящими в изучаемых нами частях какого-либо производственного процесса, и общей штандортной динамикой производства всей страны имеется постоянное взаимодействие, которое влияет на размещение и в изучаемой нами части производства.

Изучение процессов расчленения производства по ступеням в связи с транспортной ориентацией ставит две задачи: 1) будут ли транспортные издержки меньше при распадении производства на частичные, пространственно разделенные штандорты или при неразделимом, едином штандорте? и 2) в случае распадения единого штандорта на частичные, где будут лежать эти частичные штандорты? Вебер указывает, что на разложение производственного процесса не влияет «среда» — уровень транспортных ставок и плотность населения, а влияет техническая природа производственного процесса и способы его ведения. Чем разнообразнее применяемые в производстве материалы и чем больше число технически самостоятельных производственных ступеней, через которые проходят эти материалы, тем больше раздробляется производство.

При анализе возможностей помещения пунктов производства частей расчлененного производственного процесса Вебер устанавливает следующее: совпадение штандорта первой и второй ступени расчлененного производства возможно тогда, когда в первой ступени перерабатываются чистые материалы и штандорт этой ступени лежит в пункте потребления продуктов первой ступени, т.е. в складе полуфабрикатов; или когда вторая заключительная стадия перерабатывает весотеряющие материалы и при таком весовом соотношении штандорт также должен быть в указанном складе полуфабрикатов (материалов). Но действительность обычно не дает нам таких условий; в большинстве расчлененных производственных процессов первая стадия связана с обработкой не чистых, а весотеряющих материалов, и, следовательно,

она тяготеет к материальным складам. Во второй заключительной стадии, наоборот, обычно перерабатываются не весотеряющие, а чистые материалы (полуфабрикаты), и штандорт этой стадии тяготеет к потребительским пунктам штандортной фигуры.

Только в тех случаях, когда промышленность второй стадии производственного процесса сильно нуждается в угле или когда на размещение производства первой стадии влияет привлечение повсеместных материалов, уравнивающих весопотери материалов, — ориентировка штандорта обеих стадий может совпасть.

Таким образом, наиболее распространенным случаем размещения производства при транспортной ориентации при расчленении производственного процесса будет тяготение первой или первых ступеней обработки к материальным складам, а последней — к потребительскому пункту.

Рабочая ориентация проявляет свое воздействие в каждой частичной соответствующей стадии производственного процесса, отклоняя штандорт при наличии достаточных сбережений на рабочих издержках. Эти отклонения производят соответствующие перемещения не только в тех ступенях производственного процесса, на которые они непосредственно влияют, но и на последующие и предшествующие, так как эти штандорты не фиксированы неизменно, а определяются взаимодействием всего ряда частичных штандортов.

Основные соображения, изложенные в отношении значения рабочей ориентации для расчлененного производства, остаются в силе и в отношении агломерации, которая может производить те или иные смещения частичных штандортов ступеней производственного процесса.

При ориентации на хозяйственную действительность Вебер считает необходимым раскрытие исторической среды, в которой такая деятельность совершается.

Проследивая историю хозяйственного развития, мы наблюдаем, что в средневековье, когда степень внедрения локализованных материалов (в частности, тепловых и силовых) была слабая, а повсеместных (дерево) большая, обработка сосредоточивалась в центрах потребления — в городах. Происходившее в этих городах дробление производственного процесса не вынуждало к географическому распадению различных ступеней производства. Появление домашней текстильной промышленности в XV и XVI вв. представляет собой локальный разрыв между определенными производственными ступенями и потребительскими центрами. Производство перемещается к оптимальным рабочим пунктам, которые создавались ростом плотности населения и образованием в определенных местах избыточного рабочего труда.

Третий период промышленного переворота усиливает разрыв производственных ступеней, так как обычно одни стадии механизированного производственного процесса оказываются значительным пространством отделенными от других.

Последний современный период характеризуется тем, что разорванные части производственного процесса начинают объединяться в некоторые единства. Рост гигантских капиталистических производственных концентраций приводит не только к хозяйственному объединению отдельных производственных единиц (тресты), но также и к локальному соединению прежде расчлененных производственных единиц, и нередко наиболее мощные и активные производственные ядра становятся центрами, к которым начинают стягиваться производства других ступеней. Следствием этого являются крупные перемещения промышленности в стране, которые сопровождаются иногда частичным или даже совершенным опустошением целых промышленных районов. В силу колоссальности основного капитала, который требуется для современных фабрично-заводских сооружений и который придает большой вес историческим штандортам, эта новая ориентация идет замедленным темпом, но экономические основания ее уже достаточно обнаружили и, несмотря на все препятствия, перемещения штандорта к соответствующим новым центрам (целостно организованной крупной промышленности) будут происходить.

Как указано было выше, рассмотрение отдельного производства или производственного процесса вне связи его с производствами других отраслей промышленности является методологическим допущением. Вебер останавливается на изучении таких реальных связей и существующее в этой области хозяйственное многообразие обобщает в следующих положениях.

Взаимосвязность самостоятельных производств может выявиться в трех различных формах: 1) производство различных предметов может быть объединено в одной производственной единице по техническим или хозяйственным основаниям; 2) производства, перерабатывающие один материал в различных стадиях, могут быть связаны на предварительных ступенях производства; эту связь можно назвать материальной связностью; 3) вид связи заключается в использовании в одном производстве каких-либо готовых продуктов в виде основных или вспомогательных средств производства (чаны, котлы, бутылки и пр.), приобретаемых путем покупки; это — связь по линии сбыта.

Наибольший интерес представляет связность материальная. Она может быть технической и экономической. При наличии материально-технической и экономической связности вопрос о штандорте различных отраслей решается в связи с тем, какой из продуктов, получаемых в производстве, надо считать главным и какой побочным. Главный продукт играет дирижирующую роль в штандортном отношении, и по нему ориентируется соответствующая ступень производства. Штандорт этой ступени в отношении отраслей, утилизирующих побочные продукты, выступает в качестве материального склада этих отраслей.

Случаи материально-хозяйственной связности, а также и случаи простого локального объединения и связи по линии сбыта представляют собой не что иное, как лишь некоторые модификации в основной промышленной ориентации.

7. Промышленность в системе народного хозяйства.

Теория штандорта построена на ряде определенных допущений, условностей. Те из принятых условностей, на основе которых при том или ином уровне транспортных ставок или таком-то штандортном весе устанавливался штандорт производства, хотя и являются произвольными, но для общего обоснования теории штандорта они достаточны. Иное приходится сказать об условных допущениях, относящихся к местоположению и емкости потребительских пунктов, материальных складов и рабочих пунктов. Теория должна раскрыть эти допущения, а следовательно, и условия и причины их образования в действительности. Сложность хозяйственных сцеплений и связей сильно затрудняет объяснение интересующих нас явлений. Одним из наиболее целесообразных путей объяснения является изображение данного размещения промышленности, как модификации исторически предшествующего, «рационалистически» преобразующегося. Однако, этот исторический путь, не дающий анализа хозяйственного организма страны, как целостной системы, нельзя признать достаточным.

Связь между частями хозяйственного организма страны Вебер изображает путем характеристики хозяйственных наслоений, создающихся по мере хозяйственного освоения страны. Основным слоем он считает аграрный, который дает возможность населению при данном уровне техники, организации хозяйства и природных условиях удовлетворять свои потребности. Аграрный слой служит далее базой для ориентации той части промышленности, которая работает на этот слой. Промышленность, находя соответствующие материальные склады и конкретные потребительские пункты, по тем и другим ориентирует свой штандорт. Так создается аграрно-ориентирующийся, индустриальный слой.

Третий слой промышленно-ориентирующийся, промышленный слой, в котором индустриальное население работает на удовлетворение потребностей самой индустрии в промышленных продуктах, является следующим из основных слоев хозяйственного организма.

Кроме указанных трех основных слоев, Вебер отмечает наличие группы населения, обслуживающей торговлю и транспорт, которая локально вклинивается в основные слои, и затем признает необходимым еще выделить две группы: центрально-организаторскую и центрально-зависящую (промышленную). Население, входящее в организаторскую группу, объединяется тем общим признаком, что

основой его хозяйственного бытия служит исполнение руководительских и организаторских функций в сфере распределения благ. Последняя, центрально-зависящая, промышленная группа обслуживает промышленные нужды перечисленных только-что двух групп.

Между всеми перечисленными слоями и группами существует взаимодействие. Несельскохозяйственные слои создают центры потребления сельскохозяйственных продуктов и выступают в качестве центров, вокруг которых происходит кольцеобразное сложение тюненовских зон. Создавшееся различие в интенсивности систем сельского хозяйства и плотности населения воздействует на перестройку всей системы взаимодействия между слоями и на географическое размещение хозяйства. Выделение слоев дает нам возможность установить в конкретной форме географию потребления и определенную емкость такого в отношении одного слоя к другому.

При стремлении отыскать в конкретной действительности местонахождение материальных складов, данными природой являются только горно-добывающие материальные склады. При выяснении географии сельскохозяйственных материальных складов мы убеждаемся, что мы не можем базироваться только на данных о наиболее выгодных природных условиях производства, хотя промышленная ориентация на сырье и воздействует в таком направлении на сельское хозяйство. Но эта выравнивающая тенденция сталкивается с самостоятельной динамикой сельскохозяйственных штандортов, направляемой обще-экономическими условиями. Эти условия ведут к образованию тюненовских колец, а они, как мы знаем, являются следствием размещения промышленности. Такая взаимообусловленность между сельским хозяйством и промышленностью выдвигает необходимость решать вопрос о сел.-хоз. материальных складах путем конкретного анализа.

Для каждой отрасли промышленности обычно имеется столько много возможных складов с.-х. сырья, сколь велика продуктивная земельная площадь, приспособленная для производства соответствующих материалов. Складские цены на это сырье, по Тюнену, должны быть достаточно высоки, чтобы производство необходимого сырья было рентабельнее других способов использования земли. На основании уровня таких цен указанные склады и будут привлекаться промышленностью к использованию по общим установленным штандортным правилам.

Если бы промышленность в своей ориентации была независима от рабочих издержек и определялась бы только транспортной ориентацией и агломерацией, то можно было бы в отношении каждой страны для каждой ступени экономического и технического развития представить в численном выражении, как должна сложиться картина промышленного размещения. При таких условиях характер хозяйственной системы—капиталистический и социалистический или

какой другой—не влиял бы на размещение промышленности. Но большое влияние рабочих издержек на штандорт промышленности не позволяет устранять их из рассмотрения.

Для установления географии рабочих пунктов мы не имеем никаких теоретически обоснованных данных; это очень сильно осложняет научную работу, и такой пробел общей теории может быть заполнен лишь эмпирической теорией. Образование рабочих пунктов, находящееся под непосредственным воздействием исторически-преходящей хозяйственной системы, должно являться объектом реалистического исследования. При таком изучении особенное внимание должно быть обращено на то положение, в которое ставится рабочая сила данной хозяйственной системой.

IV. УЧЕНИЕ О ШТАНДОРТЕ, КАК БАЗА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ.

1. Экономическая география и учение о штандорте.

В первой главе мы ставили себе целью показать и доказать необходимость и законность экономического рассмотрения распределения хозяйственных явлений в пространстве. Мы знаем, что такое экономическое рассмотрение не может быть нами распространено на все проявления хозяйства человека; такая методика может быть применена только к явлениям, объединенным меновым оборотом и связанным общественным разделением труда. Однако, такое якобы сужение объекта нашей науки не может быть преградой для постановки и разработки проблемы. Ведь политическая экономия классиков оперировала в конце XVIII и в начале XIX в. с несравненно меньшим еще реальным объектом изучения и тем не менее путь, которым она направилась в новую научную область, оказался чрезвычайно плодотворным. Несомненно, дело не в масштабе объекта, а в том, что на очереди дня выдвинулись уже давно задачи осознания размещения современного менового хозяйства в пространстве, и они должны стать предметом научного познания. Мы старались доказать, что эти явления не могут быть научно раскрыты методом натуралистическим без ясного учета хозяйственной значимости наблюдаемых географических предметов и явлений.

Несмотря на стремления высших авторитетов натуралистической школы отмежеваться от экономических наук, лучшие ее представители вводят в рамки своего рассмотрения не только размещения хозяйственных явлений в пространстве, но нередко применяют к познанию таковых метод хозяйственного расчета. Такой путь прокламирования натуралистического метода и пользования от случая к случаю методов хозяйственного расчета за последние десятилетия стал наиболее распространенным в экономической географии.

Поскольку такая позиция нередко обосновывается тем, что чисто экономический подход поведет к устранению из экономической географии изучения природной среды,—надо решительно возражать против таких опасений. Политическая экономия, экономия торговли, экономия промышленности, сельского хозяйства, транспорта,

как науки об обороте благ или об их производстве, не должны всюду и везде конкретизировать географическую среду, в которой они ведут изучение, но, как известно, нередко они—это делают и, судя по экономике сельского хозяйства, делают достаточно серьезно. Но нам могут возразить и указать, что постановка и решения задач, стоящих перед экономической географией в области познания природной среды шире, глубже и требуют к себе особого внимания. Мы не возражаем против этого указания, но думаем, что утверждение, предполагающее, что экономическая география, как экономическая наука, будет игнорировать природную среду, это столь же голословно, как утверждение, что история хозяйственного быта всегда плохая история. Нельзя отрицать, что история хозяйственного быта систематически игнорирует многие исторические явления, которым историки прежнего времени не только уделяли внимание, но нередко загромождали свое изложение. Но разве такая выявленная историей хозяйственного быта позиция может в какой-либо мере опорочивать историзм этой науки? Разве нельзя сказать обратного даже, что со времени развития историко-хозяйственных исканий пришлось самим историкам от стиля Иегера и Карамзина перейти к другим построениям?

Почему же, в таком случае, высказываемые опасения остаются столь упорными и натуралисты-географы не желают от них отказываться?

Мы думаем, что здесь причин много. Нельзя отрицать, что естествознание далеко опередило гуманитарные науки и в каждой почти частной науке о природе мы имеем развитую географическую дисциплину. Вполне естественно, что таковая создалась и в виде антропогеографии с частью экономической географии. Но было бы ошибочно рассматривать такое усвоение экономической географии антропогеографией в форме какого-то незаконного захвата. Ошибочно было бы это трактовать так уже и потому, что представители экономических наук, как мы видели, за редким исключением, не интересовались до последнего времени экономико-географическими знаниями.

Так было, но мы уже приводили данные, говорящие за то, что так не должно быть. Экономисты-географы должны научиться разбираться в явлениях природы, влияющих на хозяйство, и учитывать их хозяйственную значимость. Но экономисты-географы не должны останавливаться на полдороге и вместо экономического объяснения явлений (чему мы имеем уже сейчас хорошие образцы—Энгельбрехт, школа Вебера) давать мало связанные между собою части—природы, статистические обзоры отраслей и спорадические попытки дать экономические объяснения.

После трудов Тюнена, Вебера, Бринкмана, Энглендера и многих других, проработавших с достаточной полнотой методы изучения размещения хозяйства в пространстве, мы полагаем, экономисты-географы могут считать себя несколько вооруженными, чтобы начинать систематически разрабатывать область своего знания.

Но остается еще одно и весьма существенное соображение, требующее разъяснения. Могут быть приведены справки о том, что Тюнен, Эребо, Бринкман—теоретики штандорта сельского хозяйства—сельскохозяйственные экономисты и что Энгельбрехт, Челинцев и др., работающие над вопросами географии сельского хозяйства,—тоже сел.-хоз. экономисты. Далее Вебер, Шлиеер, Линк и др.—это все, скажут нам, экономисты, работающие над промышленностью. Энглендер даже директор железных дорог, т.е. экономист-транспортник.

А если такова практика экономических наук, то нужна ли экономическим наукам экономическая география. Несмотря на странность такого возражения, ясно вскрывающего остроту нужды в географическом познании, выявившуюся в частных экономических науках, такое указание иногда делается.

Ответить на это можно было бы лучше всего тем, что, начиная с Тюнена, мы видим, как исследования, начатые в пределах одной специальности, со строгой логической последовательностью переходят и на другие. Тюнен изучал, как известно, географию сельского хозяйства, но разве он игнорировал и мог игнорировать переработку продуктов сельского хозяйства или вообще влияния промышленных центров или транспорта на размещение сельского хозяйства.

То же самое мы находим у Вебера. Вебер, накладывая свою гипотезу на действительность, постоянно ссылается на Тюнена, а Энглендер—может быть и не достаточно обосновано—но решается строить общий штандорт.

Таким образом, хотя и верно, что практика штандортных теорий и экономико-географических исследований начата была частными экономическими дисциплинами, но поскольку увязать в пространстве одну отрасль без учета взаимодействия с другими невозможно,—уже встал на очередь со времен Тюнена вопрос об общем штандорте.

Так обстоит дело с научными предпосылками. Еще более обострился вопрос о синтетическом изучении экономико-географических явлений в действительности. Ведь здесь наша плодотворная научная специализация, основываясь на которой мы изучаем отдельно промышленность, отдельно сельское хозяйство, торговлю, транспорт,—эта специализация давно уже стала досадной. При изучении хозяйства какой-либо страны или области, заполненных определенным комплексом—промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли,—в центре изучения стоят целое и части в их взаимной пространственной обусловленности. Законность этого подхода не будут отрицать экономисты-промышленники, ни какие-либо другие специалисты. А кто по современному состоянию знаний подготовлен к производству такой научной работы? Политическая экономия в обычном изложении давно усвоила себе практику изучения

оборота благ, социальных отношений, и общественным разделением труда в целом в пространстве не интересуется. Не могут решить этой проблемы и специальные экономические дисциплины. При частно-хозяйственном подходе существовавшая специализация привела к ошибкам, к недоучету; при стремлении понять и далее регулировать хозяйство, в порядке организации всего народного хозяйства в целом, мы считаем существующую специализацию сугубо недостаточной.

Мы полагаем, что рядом с работой экономистов-специалистов должна вестись еще особая научная работа экономико-географического порядка, изучающая условия размещения хозяйства и взаимодействия промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта и т. п. в пространстве. Как агроном-землеустроитель не заменяет и не отменяет необходимости агронома-полевода, животновода, мелиоратора и в некоторые моменты даже необходимо, чтобы все они работали совместно, также, мы полагаем, лишено оснований указание, что каждый полевод и мелиоратор может с успехом исполнять обязанности агронома-землеустроителя. Размещение усадьбы, пашни, луга, выгона в целом, а далее тех или иных частей пашни, требует достаточно ясного представления о полеводстве, скотоводстве и об их взаимодействии в индивидуальном хозяйстве или хозяйстве всего селения. Полагаем, так же должны мы себе мыслить и задачи экономиста-географа в ряду задач других специалистов. Он должен под определенным углом зрения уметь рассматривать одновременно существующие промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговлю и пр., но это не значит, что он должен быть таким универсальным экономистом, который с успехом устранил бы необходимость в указанных выше специалистах. Знание природной и общественно-экономической среды, умение с ней увязать те или иные хозяйственные задачи, понимание того взаимодействия, которое существует внутри области, страны между отраслями и между областью и народным, мировым хозяйством,—вот те специфические задачи, на которых экономист-географ концентрирует свое внимание и которые нередко остаются вне поля зрения других экономистов.

После сделанных предпосылок мы считаем себя в праве ставить задачи по систематическому освоению экономической географией тех научных достижений, которые мы имеем в учении о штандорте, изложенном в предшествующих главах. Учение о штандорте нами должно быть взято, как база, как исходное положение для построения методики изучения экономико-географических явлений. Мы уже говорили, что учение о штандорте само по себе даже и тогда, когда это учение будет не только охватывать отдельно промышленность и сельское хозяйство, но когда оно будет учением об общем штандорте, все же и тогда не будет однозначным с экономической

географией. Как в основе сел.-хоз. экономии лежат общие теоретические основания в виде учения о ренте, о рыночном обороте, о формах производства и др. и эти все предпосылки облекаются особым сел.-хоз. экономическим содержанием, так и только так мы должны и можем смотреть на связь между учением о штандорте и экономической географией.

Изложение теории штандорта в системах Тюнена и Вебера дают уже достаточное представление о сумме тех вопросов, которые содержит учение о размещении хозяйства. Однако, это учение о штандорте, данное нами в определенных системах и представляющее, как нам кажется, именно в этом систематическом изложении особую ценность, мы считаем необходимым сопроводить некоторыми критическими замечаниями, дополнениями, выявленными современной экономической литературой и облегчающими, как нам кажется, использование изложенных систем в экономико-географической практике.

Но кроме этого мы знаем, что упрощено, механически мы не можем перенести выводы учения о штандорте на исследование действительности. В этой действительности хозяйственная значимость природных условий, выгоды рабочих пунктов, пунктов потребления являются не гипотетическими допущениями, какими мы их встречали в теоретических построениях Тюнена и Вебера, а реальными фактами, с определенным географическим положением. Очевидно, одновременно с углублением познания учения о штандорте мы должны продумывать такое построение методики нашей науки, чтобы не очутиться в бесконечном многообразии указанных фактов. Для этого мы прежде всего должны выяснить, изучение каких фактов и в каком сочетании, при использовании теории штандорта для исследования географии хозяйства должно быть включено в систему методики нашей науки.

Решение указанных вопросов обеспечит экономической географии широкое и систематическое использование достижений учения о штандорте.

2. О штандорте сельскохозяйственного производства Тюнена.

Наши критические замечания и дополнения к изложенным ранее учениям о штандорте мы начнем с системы Тюнена. Несмотря на столетнюю давность, теория Тюнена и до сего времени пользуется огромным авторитетом. Под непосредственным воздействием этой теории сложилось не только современное учение о размещении сельскохозяйственного производства, но в значительной мере и экономика сельского хозяйства. «До настоящего времени,—говорит

Р. Крцимовский¹⁾,—не существует другого такого же учения, которое позволяло бы так же хорошо объяснять и обзирать сельское хозяйство в его основах, как теория Тюнена. Тюненовская теория интенсивности является для сельского хозяйства тем же, чем была теория тяготения Ньютона для астрономии, атомная теория—для химии или дарвинизм—для биологических наук».

Достаточно прочитать работы крупнейших экономистов-сельскохозяйственников Германии нашего времени Эребо и Бринкмана, чтобы убедиться в том, что учение Тюнена лежит в основе современных теоретических построений.

Но теория Тюнена, преломляясь в современных учениях, получает несколько иную окраску, некоторые коррективы и дополнения.

В учениях Эребо-Бринкмана, наиболее авторитетных современных германских экономистов-сельскохозяйственников, дающих нам штандорт сельского хозяйства, мы находим значительно более ярко, чем у Тюнена, подчеркнутую индивидуалистическую, частнохозяйственную точку зрения, во-первых, а во-вторых, все их построения систематически, последовательно разворачиваются на принципах падающей производительности.

Тогда как у Тюнена мы имеем предпосылку о том, что все хозяйства в стране ведутся достаточно рационально, у новейших экономистов-сельскохозяйственников мы находим особые отделы, изучающие личные свойства предпринимателя.

Подчеркнутый только-что индивидуалистический уклон построения теории разворачивается и далее в учении Эребо-Бринкмана в части, касающейся влияния рынка на штандорт сельскохозяйственного производства. В системе Тюнена мы имеем, на ряду с гипотезой влияния априорно-взятых рыночных цен, развернутую систему исчисления издержек производства. Последнее тюненовское построение, дающее возможность подойти к выяснению вопроса, где будет наиболее низкая себестоимость продукта, является прочной основой для построения штандорта в народно-хозяйственном смысле. В исследованиях Эребо-Бринкмана рыночные цены кладутся в основу всех объяснений географии сел.-хоз. производства.

Таким образом, частнохозяйственная точка зрения, превалирующая в построениях Эребо-Бринкмана, отклоняет нас от традиции Тюненовской системы.

При построении народно-хозяйственной теории штандорта сельскохозяйственного производства мы считаем необходимым отказаться от того уклона, который в противоположность системе Изолированного государства мы находим у Эребо и Бринкмана. Ни личность предпринимателя, ни рыночные цены сами по себе, как данные, ни, наконец, столь распространительно толкуемый закон

¹⁾ Р. Крцимовский.—Развитие основных принципов науки в сельском х-ве, стр. 345.

убывающей производительности не могут быть нами взяты, как основные факторы размещения сельскохозяйственного производства.

Основными штандортными факторами мы должны считать издержки производства, транспортные расходы и земельную ренту в изложенной нами тюненовской установке.

На ряду с только-что указанной особой современной окраской теории сел.-хоз. штандорта, мы находим в некоторых новейших исследованиях ценные попытки уточнить, а иногда и корректировать учение о размещении сел.-хоз. производства.

Как мы знаем из изложенной выше системы Вебера, им в число региональных факторов не включается земельная рента. Поскольку он рассматривает земельную ренту главным образом для промышленных предприятий, он в праве был утверждать, что земельная рента может вести к дегломеративным процессам и не является районообразующим фактором. Иное приходится сказать о значении ренты в сельском хозяйстве. Здесь, прежде всего, рента играет вообще большую роль, чем в промышленности. Кроме того, в указанном Тюненом процессе отбора мест и форм сельскохозяйственного производства, связанном с достижением минимальных расходов на ренту, мы имеем в лице ренты влиятельный фактор организации хозяйства и его размещения¹⁾. Механизм этого размещения в современной экономической литературе изображается в следующих чертах.

Как мы оговаривали при изложении Тюнена, он считает, что «при одинаковых истощающих свойствах и одинаковых производственных расходах то растение, которое с данной площади дает по весу наименьший урожай, должно разводиться дальше всего от города».

Это положение Тюнена находится в тесной связи как с транспортными издержками, которые увеличиваются пропорционально весовому количеству продуктов, собранных с единицы земельной площади, так и с масштабом извлечения рентного дохода с той же площади. Бринкман придает этим выводам основное значение и показывает, что именно они оказывают большое влияние на размещение сел.-хоз. производства и что обычно принимаемый показатель, характеризующий накладные расходы по транспорту, так называемая транспортная способность или простое соотношение накладных расходов по транспорту к цене продукта за единицу веса—является не причиной, а следствием вышеустановленного положения.

«Поскольку речь идет о влиянии рыночных условий, то по мере приближения к рынку решающим фактором для организации хозяйства или форм предприятия является излишек в экономии издержек производства и транспорта, высчитанные не по отношению к весовой единице, а к единице площади».

¹⁾ Лященко, П. И.—На аграрном фронте. № 4, 1919 г., стр. 52.

При одинаковых издержках производства и одинаковой площади такой излишек в экономии транспортных расходов должен быть пропорциональным количеству весовых единиц продуктов с единицы земельной площади. Такой излишек экономии в издержках Бринкман называет рентным показателем. Чем выше этот показатель, тем большую притягательную силу оказывает рынок на производство. Бринкман следующим образом иллюстрирует свою мысль.

При средней производительности земли¹⁾:

Продукты.	Урожай на 1 гектар посевн. площади в центнерах.	На 1 центнер приходится посевн. площади.
Картофель	250—300 цент.	1/300—1/250 гек.
Сено	120—160 „	1/160—1/120 „
Зерновые	40—60 „	1/60—1/40 „
Молоко	25—40 „	1/40—1/25 „
Масло	1 ¹ / ₃ —2 „	1/2—3/4 „
Шерсть	2 ¹ / ₂ —3 „	1/4—1/3 „

Несмотря на то, что в примере мы имеем неодинаковые издержки производства во всех перечисленных отраслях на 1 гектар—они будут больше на картофель и меньше на шерсть,—все же иллюстрация получается яркая и убедительная.

Заслуживает внимания в современной трактовке вопрос влияния транспортных издержек в связи с развитием парового транспорта. Это находит отражение в работе Бринкмана, но особенно ярко, как мы указывали уже, развито в исследовании нашего русского экономиста А. И. Скворцова. Паровой железнодорожный и морской транспорт снизил издержки по доставке продуктов раз в 25—50 сравнительно с гужевым транспортом. Он ввел в хозяйственное использование совершенно новые территории и направил дальнейшую эволюцию сельского хозяйства главным образом в сторону рассеяния его по окраинным территориям. Это географическое изменение привело сельское хозяйство старых зерновых скотоводческих

¹⁾ Бринкман.—Экономические основы организации сел.-хоз. предприятий, стр. 102.

районов к острому кризису, но главное, что заслуживает быть отмеченным, это то, что снижение и нивелировка транспортных издержек должны были усилить дифференцированность сельского хозяйства под влиянием природного многообразия. Это положение даже в несколько преувеличенной форме является основным выводом исследования А. И. Скворцова.

Последнее указание приводит нас к вопросу об изучении влияния природных условий. Несмотря на то, что влияние климатических и почвенных условий на выбор места и типа хозяйства, несомненно, огромно, мы не можем идти вслед за Тюненом и путем учета урожайности в 8 или 10 зерен определять интересующую нас зависимость. Мы должны брать те природные ресурсы, которыми располагаем в сельском хозяйстве, в такой же мере данными, как берем данными богатства каменноугольных копей и нефтеносных земель¹⁾. Как в пределах этих пространств, имеющих горные богатства, мы организуем тот или иной тип производства, так и в границах умеренного, субтропического пояса мы имеем возможность с большей или меньшей выгодой организовать различные типы производства. С конкретными природными условиями мы связываем возможность организации определенного ассортимента отраслей производства в тех или других сочетаниях. Природные ландшафты нас, как экономистов-географов, интересуют потому, что в определенной корреляции с изменением этих ландшафтов, но не на основе натуралистических зависимостей, а вследствие выгод, получаемых от ведения хозяйства, каждому ландшафту соответствует определенный ассортимент сельскохозяйственных отраслей и их производственных сочетаний.

Мы, как экономисты-географы, должны представлять себе ту природную обстановку, которая необходима для выгодного выращивания сахарного тростника, хлопка, чая, льна, но тогда как для естественника-ботаника, агронома сами природные условия являются целью исследования, для нас изучение их есть только описание одного из средств производства, с качественной и количественной стороны интересного для нас не самой своей натуралистической сущностью, а с точки зрения представляемых человеку хозяйственных возможностей.

Экономист для своего описания природного ландшафта, определяющего в известной части направление и масштаб хозяйства, будет брать нередко и иные краски и иной рисунок, чем просто географ. Конечно, сделать это возможно только при хорошем знании природы и хозяйства описываемой территории. Под иным углом зрения он будет рассматривать климат, рельеф, орографию, флору,

¹⁾ П. И. Лященко. — К теории штандорта сельского хозяйства (На аграрном фронте, № 4, 1929 г.), стр. 47.

фауну интересующего края. Его не будет интересовать, как ботаника или зоолога, редкие уцелевшие экземпляры, он будет равнодушно проходить мимо ценных памятников геологического прошлого, ничего пока не дающих хозяйству человека.

Наш экономический интерес позволяет нам часто с полным пренебрежением отнестись к бесконечному разнообразию насекомых, рыб, птиц, млекопитающих, проживающих в нашем соседстве, и из всех этих разновидностей требовать, чтобы естественники с особым вниманием занялись изучением выдвинутых хозяйством только двух зоологических разновидностей, а именно, вредителей и полезных представителей животного мира.

Так хозяйственная перспектива искажает объективный, если только можно так выразиться, природный ландшафт. Но изложенного не достаточно. И агроном, и лесовод, и почвовед тоже, можно сказать, занимаются изучением полезных и вредных природных явлений. Но разница между экономистами и указанными техниками все же существенная. Если животновод описывает холмогорскую корову, он изучает ее прародителей, ее экстерьер (рога, особенности развития частей тела), говорит о весе, о молочности и т. п. Экономист-географ, в зависимости от детальности изучения вопроса, многое может совершенно упустить в этой характеристике, но не все. Его хозяйственная перспектива заставляет включить упоминание о ярославской, холмогорской корове в экономический ландшафт, потому что она является особым хозяйственным средством производства и все, что характеризует особые свойства производительности этой коровы, должно быть дано.

То же самое приходится сказать об описании леса, о рыбных богатствах, о реках Туркестана, о черноморских табаках, о пшеницах Сев. Америки и т. п.

После сделанной характеристики изучения влияния природных условий на хозяйство мы должны сказать, что система экономико-географического изучения требует познания возможностей хозяйственного использования их, необходимого для объяснения реальной эксплуатации этих возможностей в существующем географическом общественном разделении труда.

С точки зрения выбора хозяйственного задания, его оформления и местоположения, мы и рассматриваем в меру их реальной хозяйственной значимости природные условия. Какова же, наконец, мера хозяйственной значимости природных условий, на которые воздействует человек?

С частно-хозяйственной точки зрения, эта мера будет определяться особыми выгодами приложения труда и средств производства, прилагаемыми к эксплуатации природных богатств, т.-е. рентой плодородия земли в широком смысле.

В народно-хозяйственном смысле нас будет интересовать возможность снижения издержек производства и возможно более низкого расхода на ренту на единицу добываемого продукта.

С какими природными условиями и в какой мере мы должны связывать снижение себестоимости добываемого нами продукта,—вот в конечном счете та проблема, которую должны мы научиться решать при экономико-географическом изучении природных условий¹⁾.

Вопросу о географии издержек производства в новейших работах о сельскохозяйственном штандорте уделено значительное внимание, но, как мы увидим, современные взгляды не вносят каких-либо особенных убедительных принципиальных поправок в указания Тюнена. В работах Эребо и Бринкмана мы находим попытку разделить сельскохозяйственные капиталы на капиталы сел.-хоз. происхождения и индустриального. В отношении географии первого вида капиталов единодушно поддерживается взгляд, высказанный в свое время Тюненом, что капиталы сельскохозяйственного происхождения дорожают с приближением к рынкам сбыта и дешевет на окраинах. Действительно, затраты на выращивание скота, на собственные посевные семена и пр.,—все это, вполне законно можно предположить, имеет такую географию.

В отношении капиталов индустриального происхождения Бринкман и Эребо указывают, что они дешевет по направлению к центральным рынкам. Мы полагаем, что, ориентируясь на хозяйственную действительность, есть основание утверждать, что затраты на эти капиталы имеют иное географическое выражение, чем на капиталы сел.-хоз. происхождения. Но если в число таких капиталов мы должны включить машины, искусственное удобрение, концентрированные корма, а, может-быть, в некоторой доле и строительные материалы, то география этих капиталов, как указывает в своей работе и Энглендер, не может быть уложена в намеченную Эребо-Бринкманом схему. Если взять, например, такую страну, как Германия, то оказывается следующее: национальное машиностроение ориентируется главным образом на Саксонию и Нижне-Рейнскую область, добывание калийных удобрений производится между Эльбой и Везером, аммиачные удобрения добываются в Нижне-Рейнской области, добывание фосфатов в стране чрезвычайно рассеяно, а потому география его пестра. К сказанному приходится добавить, что значительное количество концентрированных кормов подвозится из-за границы. Строительные материалы, шедшие на сельскохозяйственные постройки, частью производятся в промышленных центрах, частью вырабатываются из повсеместных материалов. Приведенный пример достаточно убедительно показывает, что шаблонизировать

¹⁾ Мы не даем в нашем исследовании анализа географии земельной ренты в целом, но полагаем, что при изучении условий добывания сырья, географии пунктов потребления, систем транспортных связей и т. п. мы по частям будем усваивать самое существенное из того, что необходимо было бы нам иметь в результате изучения географии рентных явлений.

географию затраты на капиталы индустриального происхождения едва ли целесообразно. Такая география должна, очевидно, изучаться применительно к особенностям размещения хозяйства каждой страны.

Некоторый интерес представляют попытки Бринкмана уточнить географию заработной платы, ориентируясь на географию цен на продукты сельского хозяйства и индустрию. Имея в виду, что цены на продукты индустрии дорожают к периферии, а на продукты сельского хозяйства обратно—эти цены растут по направлению к рынку, Бринкман делает следующее заключение о заработной плате: «Заработная плата растет по мере приближения к рынку лишь абсолютно; относительно же, т.-е. по сравнению с ценами сельскохозяйственных продуктов, она падает. Этот характер движения уровня заработной платы объясняется тем обстоятельством, что заработная плата складывается из двух элементов издержек, которые изменяются в зависимости от рыночного положения, но в противоположных направлениях»¹⁾.

Дорожающая по направлению к рынку сельскохозяйственная часть заработной платы, в виду ее большого значения, не будет компенсироваться, по мнению Бринкмана, некоторым снижением расценки индустриальной доли. При таких условиях, по мнению Бринкмана, получится то, что заработная плата, по сравнению с ценами сельскохозяйственных продуктов, по мере приближения к рынку, будет падать. Как мы помним, Тюнен не намечал какой-либо реальной гипотезы географии заработной платы. Он указывал, что в его системе реальная заработная плата всюду одинакова. И если оказывалось при этом, что в Изолированном государстве уровень денежного выражения заработной платы на окраине способствовал эксплуатации там труда, то в этих указаниях нет оснований искать у Тюнена стремления приблизиться к действительности. Тюнен реальной географии заработной платы не дал. Свою попытку уточнить географию заработной платы Бринкман сопровождает оговоркой, что намеченный им «результат должен получиться только при предположении, что расстояние от рынка не оказывает влияния на уровень реальной заработной платы, как таковой»²⁾.

Как мы знаем, вопрос о географии заработной платы—или, точнее, по терминологии Вебера, рабочих издержек—является одним из наиболее сложных вопросов и слабо поддающихся теоретическим обоснованиям. Мы считаем гипотезу Бринкмана не менее условным построением, чем предположение Тюнена. География заработной платы нуждается в конкретном историко-социальном обосновании, что и должно входить в дальнейшем в одну из задач нашего экономико-географического исследования.

¹⁾ Бринкман, стр. 17.

²⁾ » 17—18.

Бринкман, заканчивая свое исследование издержек производства и транспорта, устанавливает, что издержки на индустриальный капитал и расходы по транспорту, возрастающие по мере удаления от рынка, являются факторами, притягивающими производство к рынку. В качестве сил, отталкивающих хозяйство от рынка, действуют элементы издержек производства, падающие на заработную плату и на получающиеся в собственном хозяйстве средства производства. Определять местоположение производства и его форму будет разница между указанными двумя группами затрат, исчисления на одну весовую единицу расстояния. Эту величину избытка экономии затрат Бринкман называет «показателем экономии затрат на фрахтовую единицу»¹⁾.

Как указывалось нами в изложении системы Тюнена, одним из способов снижения себестоимости получающихся в сел.-хоз. производстве продуктов автор «Изолированного государства» считал определенное сочетание отраслей. Издержки производства продуктов сел.-хоз. производства снижались под влиянием определенного сочетания различных культур в полевом хозяйстве, определенного соотношения угодий, путем объединения полеводства со скотоводством и т. п. Тюнен в форме описания сел.-хоз. производства в своих поясах Изолированного государства дает нам обильный материал, характеризующий пути и средства решения организационно-хозяйственных задач. В работах современных экономистов-сельскохозяйственников мы встречаемся с дальнейшей проработкой задач организации производства. Так, например, у Бринкмана мы находим обоснование необходимой многосторонности сел.-хоз. производства и целесообразности узкой специализации его вследствие таких соображений:

многосторонность сел.-хоз. производства ведет:

- «1. к более полному использованию рабочих сил и материальных средств производства (принцип распределения работ);
2. к тщательному использованию всех производительных сил почвы (принцип плодосмена);
3. к рациональной организации удобрения (принцип статики);
4. к рациональной организации кормодобывания (принцип распределения кормовых средств);
5. к устойчивости урожая (принцип распределения риска);
6. к возможно дешевому удовлетворению собственных потребностей продуктами своего хозяйства (принцип самообслуживания)²⁾.

Здесь в наши задачи не входит детальный анализ даваемой Бринкманом системы условий организации производства. На некоторых чертах характеристики задач организации производства нам придется еще останавливаться в дальнейшем. При внимательном

¹⁾ Бринкман, — Экономические основы, стр. 98—100.

²⁾ » » » стр. 190.

чтении Тюнена можно убедиться, что современные взгляды расходятся с его взглядами по существу главным образом только в понимании статики хозяйства, о чем мы уже говорили выше.

В работе Вебера мы имеем весьма ценное подчеркивание большого значения взаимодействия между промышленностью и сельским хозяйством, что отмечал в своем исследовании и Тюнен.

Указанное соображение получает большое значение в современности, по сравнению с эпохой Тюнена, потому что в настоящее время индустриальная переработка продуктов сельского хозяйства стала настолько широким явлением, что без учета таковой трудно заниматься изучением штандорта. Тюнен в своей работе дал нам две иллюстрации переработки продуктов сельского хозяйства. Характеризуя винокурение, он говорит главным образом о выгодах, связанных с переработкой весотеряющего сырья на месте. Переработка льняного волокна дает ему возможность продемонстрировать не только переработку весотеряющего сырья, но и ориентацию производства на низкие рабочие издержки, а также при дальнейших рассуждениях и на богатство почвы. К сказанному Тюненом, мы полагаем, следует добавить еще одно существенное обстоятельство: отрасли, дающие значительное количество весотеряющего сырья, являются в то же самое время большею частью весьма интенсивными отраслями земледелия; достаточно перечислить такие продукты, как картофель, свекла, виноград, табак, хлопок и т. п., чтобы убедиться в этом. Уже и в системе Тюнена интенсивные отрасли могут удалиться от рынка только при условии переработки получающегося сырья на месте. Тюнен сам подчеркнул, что такой сдвиг может происходить в направлении районов с дешевыми рабочими издержками. Мы полагаем, что рядом с этим влиянием рабочих издержек на основании соображений Тюнена (лен), мы имеем право утверждать, что большинство этих интенсивных отраслей, сильно реагирующих на высокое плодородие земли, будет ориентироваться также и на соответствующие лучшие природные условия. Последние два указания имеют большое значение в современной хозяйственной действительности и ведут к очень большому пространственному разрыву между районами производства интенсивных отраслей и центральными рынками сбыта.

Перечисленными замечаниями мы ограничиваем наши дополнения к системе Тюнена. Мы должны были убедиться, что основания построенного Тюненом научного здания оказались достаточно прочными и выдержавшими вековое испытание. Особенно ярко выделяется значение Тюнена при сопоставлении условий создания его теории с теми условиями, в которых приходилось вести свое исследование о штандорте промышленности Веберу. В распоряжении Вебера, помимо завоеваний теоретической экономии за весь XIX век, богатых статистических материалов, обильных исторических сведений о развитии хозяйства, была еще возможность учиться у Тюнена и

совершенствоваться, исправляя ошибки Рошера и других. Автор «Изолированного государства», хотя и многим обязан классикам-экономистам, однако его теория явилась первой главой такого научного труда, в котором остальные части стали посильными для проработки только через сто лет.

3. О штандорте индустрии Вебера.

Наша критика построений Вебера будет вестись главным образом с точки зрения возможности и целесообразности использования данной системы для изучения хозяйственной действительности. При проработке теории Вебера в указанном направлении мы будем привлекать к обсуждению наиболее ценные указания Энглендера и других исследователей штандорта, сделанные в связи с критикой системы Вебера за последние годы.

Учение о транспортной ориентации Вебера мы считаем в теоретическом отношении большим достижением, но тем не менее это учение, благодаря тем упрощениям, которыми оно было обставлено, при использовании его для изучения действительности, требует некоторых дополнений и расширений. Во-первых, надо согласиться с Энглендером, что соединение в одну систему изучения издержек на сырье и на транспорт, принятое Вебером, если и допустимо для абстрактного построения, то для изучения конкретной действительности, в которой география сырьевых складов имеет свои особые издержки и независимые от транспорта условия размещения, неудобно и требует расчленения.

Второе замечание, основательно выдвигаемое Энглендером, касается деления Вебером материалов на локальные и повсеместные. Хотя Вебер и не отрицает значения хозяйственных выгод для образования локальных гнезд добывания сырья, Энглендер, тем не менее, в своем стремлении отказаться от натурализма ставит этот вопрос резче и повсеместными материалами считает те материалы, которые производятся всюду с равной стоимостью, а в отношении локальных материалов он предполагает, что их надо делить на безусловные локальные и такие, добывание которых будет давать различную стоимость в различных местах—условно локальные. Практически последняя группа будет наиболее часто встречаться в хозяйственной действительности и при конкретных экономико-географических исследованиях это необходимо иметь в виду.

Вебер ради упрощения всюду берет при исчислении издержек, в том числе и транспортных, один продукт. Правда, он допускает возможность переработки теряющего и чистого сырья, повсеместного и локального, но тем не менее у него не проводится сопоставления расходов по перевозке продуктов с различным весом, и вследствие этого в теории Вебера не дается указаний на один из существенных признаков величины транспортных издержек, часто

пользуемых в хозяйственной практике. Хозяйственная практика, сопоставляя провозную плату с ценой в единице веса, установила понятие транспортабельности. Можно ли из теории Вебера заключить, что это понятие не нужное и вполне заменимое другими, им данными. Чтобы ответить на это, разберемся в некоторых частных случаях. Возьмем ряд товаров, различных по качеству, но способных заменять друг друга, например, дрова, уголь и нефть, или сено и жмыхи, или, наконец, готовые продукты—посуду глиняную и жестяную. Устраним пока вопрос о некоторых различиях в их качествах и будем считать таковые качества пропорциональными весу-цене и рассматривать, при каких условиях (транспортные расходы равны расстоянию-весу) использование одних будет заменяться другими в производстве и потреблении. Совершенно ясно, что круг влияния каждого из этих заменяющих друг друга товаров будет прямо пропорционален их транспортабельности. Это положение нам особенно существенно установить, потому что только-что мы выяснили выше, что добыча и выработка условно локальных продуктов—явление, наиболее часто встречающееся. Если это так, то можно утверждать, что сеть мест условно локального производства будет более густой для малотранспортабельного продукта и, обратно, весьма редкой для такого продукта, на который издержки транспорта падают слабо. Последние соображения имеют большое практическое значение, напр., в [сельском хозяйстве ¹⁾]. Указанным мы вовсе не устраним все остальные ценнейшие построения Вебера, которые он установил в своем учении о транспорте, но в то же время было бы ошибочным считать, что принятый в практике показатель—отношение транспортных издержек к цене за единицу веса—может быть игнорируемым.

Наши замечания о рабочей ориентации касаются главным образом вопроса, в какой мере допущения Вебера о стабильности рабочих издержек в рабочих пунктах и их неисчерпаемости пригодны для каких-либо конкретных исследований. Правда, есть доводы и за схему Вебера. Мы знаем большой консерватизм старых скоплений труда (стабильность); мы знаем, что при капиталистическом строе как эти, так и другие рынки труда, всегда имеют некоторый резервный фонд в виде безработицы (неисчерпаемость). Но тем не менее, нельзя совершенно помириться с допущением стабильности рабочих пунктов и, особенно, в период свободного рыночного оборота труда и значительного роста молодых горнопромышленных или колонизируемых сельскохозяйственных районов, притягивающих труд. Нельзя, вместе с тем, оставить без возражений и неисчерпаемость трудовых ресурсов, когда не только в указанных молодых районах недостаток в труде часто форсирует переоборудование производства, но и в других промышленных районах организованный пролетариат стремится парализовать рыночную стихию в спросе на труд и добиться лучшей его оплаты.

¹⁾ Engländer.—Theorie des Güterverkehrs, стр. 113.

К сказанному следует добавить еще несколько слов о попытке Энглендера найти пути объединения штандорта сельского хозяйства и промышленности. Вебер имеет дело, по мнению Энглендера, с пунктовыми размещениями промышленности и с подвижностью большинства элементов, на основе которых идет выбор штандорта.

«Два признака отличают рассматриваемый Тюненом вопрос—неподвижность средства производства, земли, и плоскостное размещение производства вокруг потребительского пункта. Оба эти признака таковы, что общая теория штандорта не может их исключить; они выражаются в учении о штандорте промышленности в том, что на какой-то грани материалы, служащие для промышленной переработки, становятся как бы «неподвижными» и привязывают переработку к месту своего нахождения; так, например, абсолютный вес материалов и соотношения этого веса к весу готового продукта могут быть таковы, что промышленная отрасль расположится в месте залегающего сырья или, например, размещение промышленности может ориентироваться на рабочую силу, являющуюся также, в целом, мало подвижной, или на энергетические источники—водные силы и т. д. Что же касается плоскостного размещения вокруг потребительского пункта, то можно и в отношении промышленности рассматривать ее в границах области, зоны производства, снабжающей один пункт потребления, или в виде одного производственного пункта, снабжающего зону потребления»¹⁾.

Так пытаются объединить Энглендер штандорт промышленности и сельского хозяйства. Мы думаем, что указанный Энглендером путь, направленный в сторону некоторой внешней увязки расположения обеих отраслей, нельзя признать вполне убедительным, не потому, что он не верен, нет, основания для таких утверждений могут быть и еще увеличены. Но не следует этим утверждениям придавать большее значение, чем они его заслуживают. Мы вообще полагаем, что ошибочно настаивать на том, что сельское хозяйство, как соединенное с неподвижной землей, отличается неподвижностью в смысле географического перемещения отраслей производства. Если, может быть, сельскохозяйственные предприятия и могут весьма длительно использовать один и тот же участок земли, то стабильность сел.-хоз. производства, к которому мы и интересуемся, на одном и том же месте вовсе не так велика. Мы знаем, что некоторые культуры, как семенной лен, пшеница и др., в экстенсивной, переложной системе полеводства имеют способность быстро приходить в хозяйство и уходить из него.

С другой стороны, не отрицая экономико-географического значения пунктового и плоскостного размещения производства, нет

¹⁾ Теория штандорта по О. Энглендеру—Е. Гура ри. (Социал. хоз.-во, кн. II, 1928 г.).

основания категорически подчеркивать плоскостное, сплошное размещение сельского хозяйства. Достаточно вспомнить земледелие севера, тянущееся лентами вдоль рек, и оазисное поливное земледелие полупустынь, сидящее также по рекам, чтобы несколько уменьшить шаблонное представление. Но мы возражаем не против идеи общего штандорта, а только против излишней внешней шаблонизации и полагаем, что не эти пути являются наиболее надежными в исканиях возможностей построить общий штандорт; суть дела не в них¹⁾.

Мы убеждены, что основные пути к разрешению проблемы общего штандорта должны идти в том направлении, как это было указано Тюненом и Вебером.

Еще у Тюнена мы находим попытку увязать штандорт сельского хозяйства с переработкой продуктов сельского хозяйства на основе экономики транспортных и рабочих издержек. Вебер дает для таких построений значительно больше, но, конечно, требуется и серьезная дополнительная работа. Мы не сомневаемся, что основным прочным фундаментом штандорта индустрии и сельского хозяйства должны быть те же штандортные факторы, исходящие из издержек производства и транспортных расходов. Но не надо думать, что это обязательно поведет нас к какой-то шаблонизации, к внешнему сходству явлений. Этого не может быть уже потому, что в ряду расчлененного производственного процесса сельскохозяйственное добывание будет первым членом, а индустрия будет заполнять все остальные места ряда.

Энглендеру, по основным его методологическим посылкам, были чужды интересы к организационно-хозяйственным особенностям сельского хозяйства и индустрии. В полемике с Вебером он решительно протестовал против всякого техницизма и натурализма. Такая постановка вопроса, конечно, облегчила ему возможность подхода к общему штандорту, так как в аспекте географии оборота благ, которым он занимался, организационные особенности сельского хозяйства и промышленности могли не давать себя чувствовать. Такое абстрагирование от организации производства, которое допускает Энглендер, для нас является неприемлемым. Нам нужна не схематизация, а такое построение теории общего штандорта, которое позволяло бы экономистам-географам плодотворно вести свою научную исследовательскую работу. Как мы указывали выше, основными задачами в такой работе будущего должны быть: анализ себестоимости производства, анализ расчленения производственного процесса и, наконец, изучение взаимодействия между сельским хозяйством и индустрией, как отраслей, обслуживающих друг друга производимыми ими продуктами.

Последние замечания, которые мы считаем нужным сделать по поводу штандортных теорий, заключаются в том, что они имеют

¹⁾ Мы считаем также интересными исследования Энглендера в части влияния различных видов интенсивности (количественной, качественной, технической, весовой) на размещение производства вообще.

дело с размещением прежде всего и больше всего не предприятий, а производственных единиц. Иногда эти единицы узко специализированы, иногда оказываются теми или иными сочетаниями, но это в основе всего производства. Как мы знаем, Вебер критически это установил в предпосылках но считал такой подход к изучению не только целесообразным, но и весьма плодотворным. Мы особенно считаем необходимым, кроме того, напомнить его указания, что между производством, обращением и потреблением существует такая органическая связь, что познание первого ставящегося на очередь исследования члена этой цепи—производства—неминуемо будет раскрывать также познание обращения и потребления. Хотя, Энглендер, перенесший внимание своего исследования на оборот благ, и защищает усиленно свою позицию, но мы полагаем, что в центре внимания и нашей работы все же должно остаться производство в виде веберовской производственной единицы, или тюеновской производственной комбинации. Такое упрощение для нас совершенно необходимо, так как иначе мы часто не в состоянии будем уловить наиболее устойчивые основные и существеннейшие черты интересующего нас общественного разделения труда.

4. География хозяйственной действительности и штандорт.

Спускаясь с вершин чистых теоретических построений к изучению хозяйственного многообразия в действительности, мы прежде всего должны ясно себе представлять, на явления какой исторической и социальной среды мы будем ориентироваться в своих построениях.

Мы полагаем, что совершенно необходимой средой, в которой мы должны мыслить наши построения, является меновой оборот с большим или меньшим проявлением стихийности в таковом. Без менового оборота благ не может быть и стихийно или планомерно организуемого общественного разделения труда. Чем больше превалирует регулирующее начало, тем больше может экономическая политика сама становиться самостоятельным фактором размещения хозяйственных явлений.

Но внутри менового строя мы можем оперировать различными социальными отношениями. В меновом обороте могут принимать участие и простые товаропроизводители, как отдельные частные хозяева и как объединенные в цехи или кооперативные организации. В капиталистическом развитом строе будут превалировать интересы владельцев средств производства. Общий стихийный оборот благ в указанных условиях может несколько искажаться проявлением монополистических тенденций трестов и синдикатов. В современном западноевропейского типа народном хозяйстве, мы, на ряду с частно-хозяйственными интересами господствующих классов, наблюдаем, что в том или ином виде организатором и исполнителем их воли выступает

еще государственная политика. Наконец, в нашем Союзе мы имеем развертывающееся стремление направлять хозяйственную жизнь страны в сторону социализма на плановых началах. Конечно, при детальном рассмотрении, на размещение хозяйства будет оказывать существенное влияние также и все разнообразие указанных нами социальных отношений. Они будут иначе формировать издержки производства, особыми путями и способами организовать капиталонакопление и вложение, иначе, наконец,—организовывать оборот благ в стране. Но, при современном состоянии экономико-географических познаний, едва ли мы имеем право претендовать на такой охват многообразия действительности.

В центре нашего внимания мы ставим изучение размещения производства в условиях капиталистического строя с некоторым наличием участия в обороте простых товаропроизводителей и с незначительными влияниями регулирующих начал. Влияние соседних исторических формаций мы только оговариваем в соответствующих местах работы.

Мы полагаем, что, работая в такой последовательности, мы в дальнейшем создадим и более твердую опору для разрешения научных и практических задач экономической политики и планирования рационального размещения хозяйственных явлений.

Как указывалось уже выше, мы считаем вполне целесообразным пользоваться теориями Тюнена и Вебера с некоторыми отмеченными поправками и дополнениями для объяснения хозяйственной действительности. Основным и общим вопросом, который нам придется постоянно себе ставить при изучении географического общественного разделения труда, будет вопрос о выгодах такого разделения труда. Для разрешения вопросов о влиянии на это разделение труда транспортных издержек, рабочих издержек, агломерации и т. п. мы должны будем привлекать соответствующие указания Тюнена и Вебера и учитывать всю сумму выгод географического общественного разделения труда, являющихся следствием сложения всех издержек производства и транспортных расходов, дающих наинизшую себестоимость. Это слагаемое является для нас первым основным искомым в наших исследованиях. Вебер, так же, как и Тюнен, не считал возможным отрывать эту часть своего исследования от увязки с пунктами потребления, на которые будут доставляться добываемое сырье и вырабатываемые изделия. Только тогда, когда мы имеем увязанными по обороту благ пункты потребления и переработки с материальными складами и центрами выработки готовых изделий,—только тогда наше изучение себестоимости и транспортных издержек будет давать обоснования для экономико-географических построений.

Так построено изучение размещения производства у Тюнена и Вебера в той части, которая исследует вопрос о месте производства

отдельных отраслей обособленно от рассмотрения проблемы конкуренции вместо штандорта других отраслей.

Исследование Вебера большею частью за рамки указанного построения не выходит. Но хозяйственная действительность не может быть охвачена познанием с достаточной полнотой одной системой рассмотрения хозяйства по отраслям. В действительности мы большею частью находим возможность использования сырьевых баз, рабочих пунктов для нескольких видов производства. Мы уже подчеркивали выше, что наиболее распространенным типом расположения сырья будет условно-локальное. Наиболее широко эта условная локальность выявляется в организации земледелия.

Все это должно вести и действительно часто ведет в реальной хозяйственной деятельности к столкновению и сочетанию штандортов различных отраслей. Это столкновение и сочетание штандортов приносит в указанные выше хозяйственные расчеты, основанные на минимальных издержках, особое существенное дополнение. Когда мы изучаем Изолированное государство Тюнена мы постоянно встречаемся в каждом поясе с сочетанием нескольких отраслей и, кроме того, знаем, что при известных условиях может происходить или расширение интенсивных отраслей за счет экстенсивных, или, наоборот, сужение поясов интенсивного хозяйства. У Тюнена вопрос о размещении какой-либо отрасли производства решается не только на основе учета минимальных издержек производства на единицу добываемого продукта, но также и на основании учета сравнительно большей выгоды этой отрасли производства перед другими.

Этот вопрос о сравнительной выгоде одних видов производства перед другими в определенных местностях имеет серьезное значение не только в сельском хозяйстве, но и в индустрии. В учении Вебера об агломерации мы, несомненно, должны искать путей решения этой сложной проблемы, проявление процессов дегломерации, связанное с ограниченными ресурсами сырья, рабочего рынка и т. п., ставят промышленное производство нередко перед теми же задачами, которые должен был решать Тюнен, изучая конкуренцию вместо штандорта различных отраслей сельского хозяйства.

Производства, расширяющие территорию своего местоположения, делают это не только благодаря низкому уровню издержек производства, но и вследствие того, что они обеспечивают сравнительно с другими отраслями, имеющими также в данном пункте достаточно низкий уровень издержек производства, более высокую производительность затрат труда и капитала.

Так формулируем мы второе основное теоретическое положение, на котором должно базироваться экономико-географическое изучение хозяйственной действительности.

Наше обозрение теоретических учений о штандорте пока велось в плоскости уточнения значимости каждого из них в целом и составных частей их для изучения общественного географического разделения труда. Но теория штандорта предоставляет нам возможность критически разобраться и в самой системе и характере задач, которые должны войти в программу нашей работы. Сделать это возможно только после того, как мы проанализируем систему включенных в учение о штандорте вопросов, выясним характер взаимодействия между изучаемыми явлениями и уточним полноту познания по отношению к каждому из явлений, даваемого абстрактными теориями.

Огромное многообразие хозяйственной действительности, вполне понятно, не давало возможности Тюнену и Веберу обосновывать свои теоретические положения индуктивным путем. Только абстрагируясь от конкретной действительности, путем изолирования влияния общих факторов от других и затем уже систематического их комбинирования, могли они осуществить свою сложную задачу.

Прорабатывая такие системы по частям, мы имели возможность показать, что каждая из частей этих систем, как бы она ни была важна и широко разработана (транспортная ориентация у обоих), не является доминирующей и исключаящей все остальное. Мы не отрицаем и не можем отрицать того, что не все части у Тюнена и у Вебера оказываются одинаково детально разработанными, но тем не менее мы категорически настаиваем на отсутствии у каждого из них односторонности, какой-то монистичности подхода к изучению хозяйственной действительности.

Оба теоретика штандорта, и Тюнен и Вебер, как мы могли убедиться, считали свои гипотезы полезными не только для того, чтобы устанавливать должное, рациональное размещение хозяйственных явлений, но также и для того, чтобы анализировать существующую реальную хозяйственную действительность.

Помимо того, что они высказывали такие пожелания, они стремились дать в дополнение к теории некоторые «реальные тенденции», «приближения к действительности». Школа Вебера, опираясь на учение о штандорте индустрии, имеет уже большое количество конкретных исследований размещения отдельных отраслей.

Но, к сожалению, ни пожелания основоположников, ни их советы и указания, как надо увязывать теорию с действительностью, ни даже конкретные штандортные исследования не задавались целью создать методическую систему изучения экономико-географических явлений в целом. Накопленные научные ценности должны быть еще дополнительно проработаны применительно к стоящим перед нами проблемам.

При решении этого вопроса мы должны помнить, что целью нашей работы является не столько дополнительное углубление штандортных построений, сколько систематическое и критическое использование имеющихся уже научных завоеваний, как предпосылка

и орудий, с помощью которых мы хотим разобраться в наших экономико-географических заданиях.

Наше стремление преодолеть с помощью учения о штандорте то реальное многообразие, которое мы наблюдаем в стихийном размещении хозяйственных явлений в пространстве, обязывает нас, с одной стороны, значительно усложнять множественную обусловленность размещения хозяйства, сравнительно с тем, что делается в теории штандорта, с другой же стороны, мы, конечно, не имеем права делать наши выводы в столь заостренных математических вычислениях, как это мы имеем в учении о штандорте.

После указанных общих соображений о методике работы вернемся к учению о штандорте, данным Тюненом и Вебером, и попытаемся оголить в них: систему пользуемой каждым из них множественной обусловленности размещения хозяйства, а также полноту раскрытия каждого из входящих в нее элементов и их взаимосвязность.

Тюнен изучает влияние транспортных издержек, земельной ренты и сочетания отраслей на размещение систем сел.-хоз. производства. Он увязывает изучение указанных явлений с определенными пунктами сбыта, с ценами на продукты сельского хозяйства на таковых; он принимает во внимание уровень рабочих издержек, выражаясь веберовским языком; он не только в отдельных случаях, но и в определенной системе (урожаи), пытался увязать найденную им гипотетическую экономическую географию сельского хозяйства с природными условиями; он считал необходимым учитывать различия капиталообеспеченности в изучаемой им области и, наконец, за основу рассмотрения им принято производство определенного масштаба (имение Теллов).

Такова система Тюнена. В ней, как видим, мы не имеем географического раскрытия: пунктов потребления, рабочих издержек, капиталообеспеченности; конечно, не раскрыто и природное многообразие.

Система Вебера иная. В основе системы Вебера стоит изучение влияния транспортных издержек; в увязке с таковыми изучается влияние рабочих издержек и агломерационных сбережений на размещение промышленности. Исследование далее углубляется изучением расчленения производственного процесса, взаимосвязности отраслей. География рабочих пунктов, материальных складов и пунктов потребления берется Вебером как нечто данное в начале работы. Но и то углубление географии пунктов потребления и пунктов сырья, которое в конце дает автор, нельзя признать сколько-либо достаточным. Пункты рабочих издержек остаются в теории Вебера совершенно без раскрытия. Не уделяет он внимания и географии капиталовложения.

Объединяя все только-что сказанное, мы должны признать, что между системой Тюнена и Вебера имеется не случайно очень большое совпадение. У обоих в центре внимания оказались транспортные

издержки. Этой проблеме посчастливилось и далее — в работе Энглендера она становится еще более центральной задачей.

Обоих их интересовала структура тех производственных аппаратов, размещением которых они занимались. Тюнен дал описание их в своих системах сельскохозяйственного производства, а Вебер — в анализе производственного процесса, во взаимной связности отраслей и высшей ступени агломерации. Но эта проблема требует значительно большей конкретизации и нуждается в дополнительной проработке.

У Вебера, а также хотя и в меньшей мере у Тюнена, мы находим изучение не только транспортной ориентации, но и постановку и проработку проблемы влияния рабочих издержек.

Затем весьма характерно то, что у обоих авторов мы находим отказ от проработки или гипотетическое представление о географии пунктов потребления, географии рабочих издержек и географии капиталовложения.

Наконец, Тюнен почти оставляет за пределами изучения географическую увязку влияния природных условий на выгодность ведения сельского хозяйства, а Вебер единственным конкретным указанием о географии сырьевой базы делает тюненовские кольца, что явно недостаточно.

Целью экономической географии, даже и в теоретическом ее построении, должно быть приближение научной системы к познанию действительности. Она должна не только слепо использовать то наследство, которое дает нам учение о штандорте, — экономическая география обязана в тех частях раскрытой нами системы познания размещения хозяйства, в которых Тюнен и Вебер считали своим законным правом или отказываться от ответа, или дать его в мало расчлененном в пространстве виде, попытаться дать географическое изображение явлений. *Использование достижений учения о штандорте в области влияния транспорта, рабочих издержек, тех или иных производственных связей только тогда станет орудием экономико-географических исследований, когда география потребления, рабочих издержек, капиталовложения, материальных складов будет введена в систему исследования.* Вебер в самом начале своего труда, как мы отмечали, лозунгом своей работы выставил необходимость разрешить проблему — «где» совершаются хозяйственные явления; этот ответ можно дать только при условии, когда пункты потребления, материальные склады и пункты рабочих издержек и капитальных вложений будут найдены исследованием. Для уточнения наших выводов мы должны будем, кроме того, конкретнее представлять себе и систему транспортных связей, обслуживающих изучаемое нами географическое общественное разделение труда.

Намеченная нами система экономико-географического познания не может претендовать на сколько-либо исчерпывающий характер, да этого, как нам кажется, в теперешней стадии оформления нашей науки и не требуется. Но несмотря на значительные

допускаемые нами упрощения в системе, она является очень трудно выполнимой и требующей напряженной работы и не одних только экономистов-географов. Под углом зрения, устанавливаемым нами, мы должны обострить наши требования к натуралистам, к историкам хозяйства, к организаторам хозяйства и техникам.

Изучая географию природных условий, влияющих на выгоды сельского хозяйства, или на географию добывающей индустрии, мы должны ясно и отчетливо представлять себе, какими природными условиями обеспечиваются выгоды производства. Исследуя географию потребительских пунктов, пунктов рабочих издержек и капиталовложения, мы, конечно, должны знать, какими историческими и социальными обстоятельствами и где созданы эти пункты. Наконец, углубляясь в изучение расчленения производственного процесса, сочетания отраслей производства и их взаимодействия, мы должны выяснять значение для хозяйственной деятельности и их организационно-технической конструкции.

Для освоения имеющихся уже в этих областях знаний материалов экономисты-географы сами должны, очевидно, соответственно повысить свою научную квалификацию. Но если приходится настаивать на том, чтобы экономисты-географы умели критически использовать естественно-исторические, историко-хозяйственные и организационно-технические данные, то прежде всего и в основе всех их исканий должна лежать, как мы старались доказать, экономическая точка зрения. Только преломляя понимание всех указанных природных, исторических, технических явлений через призму хозяйственной их значимости для размещения интересующих нас хозяйственных явлений, мы найдем верный и надежный путь к осуществлению намечаемой нами системы работы.

V. ФОРМЫ И ВИДЫ ПРОИЗВОДСТВА И ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИХ РАЗМЕЩЕНИЯ.

1. Эволюционные формы производства.

При изучении географического общественного разделения труда, как мы установили выше, в центре нашего внимания будет исследование размещения производства. В нашем исследовании мы будем оперировать не понятием производственных предприятий, а производственных единиц, так как только такие явления можно уточнять в их расположении в пространстве.

Приближая, по возможности, к хозяйственной действительности наше изучение, мы не можем остаться на такой высоте абстракции, которую допускает Вебер, уделяющий мало внимания изучению сложения форм и видов производства. Мы должны конкретизировать и углубить те отделы его работы, которые трактуют об агломерации в низшей ее степени, говорят о разложении производственного процесса. Сделать это необходимо потому, что сложение средств производства, а вместе с тем и удельный вес их в сложении себестоимости продукта, будет в значительной степени меняться в зависимости от форм и видов производства. *Нашу характеристику форм производства мы считаем необходимым сделать с точки зрения той стадии эволюции, на которой они находятся. Виды производства мы характеризуем по направлению хозяйства, т.-е. по той специализации, которую они представляют. Такая специализация нами определяется как по признаку основного материала, входящего в переработку, так и по той стадии производственного процесса, которая в производстве осуществляется.*

Помимо перечисленных признаков, существенным является указание на назначение вырабатываемого изделия, т. к. производства, выделяющие средства производства и потребительские товары имеют иные пункты сбыта, на которые они ориентируются ¹⁾.

Под эволюционными формами производства мы понимаем те обычные установившиеся в экономической литературе явления, которые применительно к индустрии получили название ремесла, кустарной промышленности, мануфактуры и фабрики, а применительно к сельскому хозяйству пользуются пока терминологией мелкого и крупного хозяйства. Но наше рассмотрение всех перечисленных

¹⁾ Очень ценные соображения о классификации форм индустриального производства дает в своей работе В. Е. В а р з а р.—Очерк основ пром. стат., II, 1927 г.

аппаратов будет происходить прежде всего и больше всего не с точки зрения тех социальных отношений, которые сопутствуют им, а с точки зрения сложения в этих формах определенной структуры средств производства. Учение о штандорте нас должно было убедить, что география издержек на сырье, на рабочие руки, на капиталы, вложенные в производство,— вот те моменты, которые, сочетаясь с влиянием транспортных издержек, воздействует на размещение производства в пространстве. Если бы мы приняли постоянными влияния транспортных издержек, то вполне понятно, что издержки производства или выгоды использования средств производства и сложение их в организационные формы должны были бы определять местонахождения этих типов производства.

Признавая необходимость изучения форм производства по структуре их издержек производства, мы вовсе не имеем в виду отказываться от научных достижений Вебера и возвращаться к Рошеру, но полагаем только, что рассмотрение производства с указанной нами точки зрения может значительно упорядочить нам разрешение экономико-географических проблем и облегчить применение методов Вебера при дальнейшем уточнении.

Возвращаясь после сказанного к формам индустриального производства, мы ремесло и кустарную промышленность должны зачислить в формы мелкого производства ¹⁾, а мануфактуру и фабрику— в формы крупного производства, но этого, мы полагаем, недостаточно. При анализе структуры средств производства мы считаем особенно необходимым различать в них вложение труда, использование сырья, оборудование предприятия помещениями, двигателями и рабочими машинами. Нет надобности доказывать, что география сырья или материалов, которыми пользуется производство, может совсем не совпадать с географией рабочих издержек. То же приходится сказать и обо всех основных капиталах, которые мы перечислили. Постройки в очень большой мере создаются на основе повсеместных материалов, рабочие машины производятся в промышленных центрах часто там же, где и механические двигатели, но наличие двигателя в хозяйстве не только свидетельствует о большей или меньшей мощности самого производства, но требует еще особого вида сырья—топлива.

Рассматривая под таким углом зрения мелкие и крупные формы промышленности, мы должны изучать их с точки зрения удельного веса в них различных издержек производства.

В большинстве мелких форм промышленности—в ремесле и кустарной промышленности (исключение составляют мельницы, маслобойки, смолокурни и гончарные печи и т. п.)—мы находим

¹⁾ Мы знаем, что кустарная промышленность является домашней системой крупной промышленности, если ее квалифицировать как предприятие. Но мы уже говорили, что наше рассмотрение ведется в плоскости анализа производственных единиц.

такое преобладающее значение труда и материала в производстве, что говорить о вхождении в себестоимость затрат на инструменты и помещение почти не приходится. Вполне понятно, что при такой конструкции издержек производства ремесло и кустарная промышленность базируются, большей частью, на повсеместном сырье (глина, дерево), или же на чистых материалах, часто фабричного происхождения. В тех случаях, когда мелкое производство в виде ремесла стремится поместиться рядом с потребителем, указанные штандортные условия по сырью являются особенно существенными.

На размещение ремесла в пространстве, вследствие рассеянного состояния этой формы промышленности, география рабочих издержек влияет мало. Иное приходится сказать о влиянии географии рабочих издержек на кустарную промышленность, как это отмечал уже и Вебер.

Благодаря тому, что эта форма промышленности распределяется в пространстве довольно крупными гнездами, для образования таких гнезд имеют большое значение исторические процессы, которыми в определенных местностях идет накопление трудовых ресурсов определенной квалификации.

В мануфактурной форме производства, по установившимся в экономике традиционным взглядам, мы не находим ни рабочих машин, ни двигателей. Производительность труда здесь базируется на разделении труда среди большого количества работающих, объединенных ради этой цели в одно помещение. Рассматриваемая нами форма производства должна будет, очевидно, внести в издержки, помимо затраты труда и сырья, еще и амортизацию здания. Мы уже говорили, что капиталы, вкладываемые в постройки, поскольку они зависят от стоимости леса, кирпича и т. п., не имеют обычно сколько-либо ярко выраженного локального характера. Сезонность строительных работ и связанная с этим постоянная подвижность строительных рабочих, заставляют нас полагать, что и затраты на рабочую силу при постройке не будут иметь выраженного локального характера. Поскольку указанные издержки на основной строительный материал и рабочие руки мы можем принять в пространстве однообразными, остальные издержки на постройку, состоящие из покупки кровельного железа и т. п., мы полагаем, не могут играть подавляющей роли. Все сказанное говорит нам за то, что структура средств производства, а вместе с тем и издержек, слагающих себестоимость в мануфактурном типе производства мало отличается от форм мелкого производства. Следовательно, штандортная ориентировка здесь, по сравнению с кустарной промышленностью, которая большей частью локализуется в исторически-сложившихся гнездах, незначительна.

В фабрично-заводском производстве мы находим резко меняющуюся картину. Значение труда человека в себестоимости изделия сильно сокращается, а вместе с этим, выражаясь термином

Вебера, снижается коэффициент формирования. Кроме огромного помещения, производство оборудуется двигателями и рабочими машинами. Значительно увеличивается общее количество потребляемого сырья и, особенно, в связи с наличием двигателя,—топлива, главным представителем которого обычно является каменный уголь. Как указал уже Вебер, все перечисленные изменения ведут к снижению роли рабочих издержек и к значительному повышению влияния топливных складов. Парализовать это влияние лишь в малой мере могут рабочие машины и двигатели, вошедшие в структуру производства, выработка которых может не совпадать с топливными складами.

Приведенные нами иллюстрации показывают, что в связи с эволюцией форм производства будет меняться и сложение себестоимости индустриальных продуктов. Те же изменения, но в значительно менее яркой форме, мы наблюдаем и в сельскохозяйственном производстве. Но благодаря медленности эволюции форм этого производства, мы должны сказать, что тип сельскохозяйственного производства, аналогичный фабрике или заводу, начал формироваться только за последние десятилетия. В этом типе неменьшую роль, чем на фабрике, начинают играть двигатели и рабочие машины. Указанные перемены ведут к сильному ослаблению связи крупного с.-х. производства с географией рабочих издержек. Наиболее распространённый пока тип мелкого и даже крупного сельского хозяйства довольствовался, большей частью, примитивными двигателями и незначительным количеством рабочих машин. Ориентация мелкого с.-х. производства большинства стран мира на низкие рабочие издержки общеизвестна. Второй особенностью сельского хозяйства является то, что, независимо от размеров производства, здесь всюду постройки играют существенную роль. Наконец, третьей особенностью издержек сельского хозяйства оказывается включение в эти издержки земельной ренты¹⁾.

Таковы особенности структуры средств и издержек производства в различных эволюционных формах производства. Мы знаем, что эти формы не могут быть случайно представлены в той или иной стране. Вполне закономерно в условиях капиталистического хозяйства аграрно-перенаселенных Китая и Индии будут преобладать мелкие формы сельскохозяйственной индустрии и, обратно, в равной же мере закономерно в С.-А. С. Ш. доминирующую роль будут играть производства, широко снабженные усовершенствованными двигателями и рабочими машинами как в сельском хозяйстве, так в индустрии.

¹⁾ В некоторых случаях реальное выражение земельной ренты оказывается не одинаковым в капиталистических хозяйствах и в мелких некапиталистических крестьянских. Ярким выражением этого является то, что в русской экономической литературе получило название продовольственной аренды (Маслов, П. Л.—Аграр. вопр., т. I. 1906 г., стр. 117—143) и что вело к поглощению арендной платой в пользу сдающего землю хозяйства не только прибыли на капитал, но и части заработной платы.

2. Стадии производственного процесса и виды производства.

Но многообразие типов производства не исчерпывается перечисленными выше эволюционными формами. Огромное количество видов производства мы получаем в связи с тем, что каждый из них является специализированным производством. Уточнение характеристики специализации производства имеет большое значение для объяснения географического размещения их. Та или другая задача, которую берет на себя производство, обязательно характеризуется всегда с двух сторон: какое основное сырье перерабатывается и до какой степени хозяйственной готовности оно доводится. Когда мы говорим о производствах: хлопчатобумажном, прядильном или ткацком, сапоговаляльном, мельничном, булочном, лесопильном, столярно-мебельном,—то во все эти понятия мы обязательно включаем упоминание об основном материале, входящем в продукт и о степени его готовности. То же самое мы можем отнести и к сельскому хозяйству: когда говорим о зерновом производстве, табачной плантации, винограднике, мы всегда указываем на первичную стадию получения определенного вида сырья. Мы не настаиваем на том, что в каждом производстве обязательно был только один основной материал. Как мы знаем, далеко не всегда из перерабатываемых материалов получается только один продукт в определенной стадии производства. Но при изучении многообразия специализации обострение нашего внимания к материалу и к стадиям производственного процесса мы считаем совершенно необходимым.

Для того, чтобы придать нашему изложению изучения специализации производства и значения таковой для экономической географии более наглядную форму, мы начнем его с некоторых допущений. Представим себе, что мы анализируем то гипотетическое, никогда реально не существовавшее хозяйство, которое экономисты называют, вследствие отсутствия у него связи с меновым оборотом, замкнутым. Такое натуральное хозяйство использует для удовлетворения нужд семьи предоставляемые ему природой возможности и, в меру своих сил и потребностей, организует производство. Благодаря отсутствию менового оборота и наличию только внутрисельскохозяйственного разделения труда, мы будем иметь в нашем производстве все отрасли, которые необходимы для обслуживания пищи, одежды и жилищем семьи хозяйства. Эти отрасли будут использоваться доступное им сырье и доводить это сырье до степени, необходимой в хозяйстве готовности.

Ориентируясь на размер потребительской нужды крестьянской семьи в шесть человек, мы попытались подсчитать, пользуясь данными о производительности труда домашней промышленности, ремесленников и кустарей, во сколько дней обойдется

крестьянскому хозяйству обслуживание его потребностей, если оно будет с начала до конца все стадии производства, от добычания до выработки готового изделия, производить у себя дома. Результат нашего подсчета мы даем в следующей диаграмме.

Хотя мы и не взяли всех отраслей хозяйства и не включили в наши затраты обычные домашние работы по кухне, по уборке помещения, по уходу за детьми, тем не менее даже в тех узких рамках потребностей семьи в год, которые мы захватили, требуется 622 дня. Если сравнить обычную нагрузку трудом, даваемую в нашем крестьянском хозяйстве на одного работника в год, то таковая исчислялась в 90—100 дней, и, следовательно, при расчете на трех работников в семье, исчисленная нами затрата в примитивном хозяйстве была в 3 раза большей.

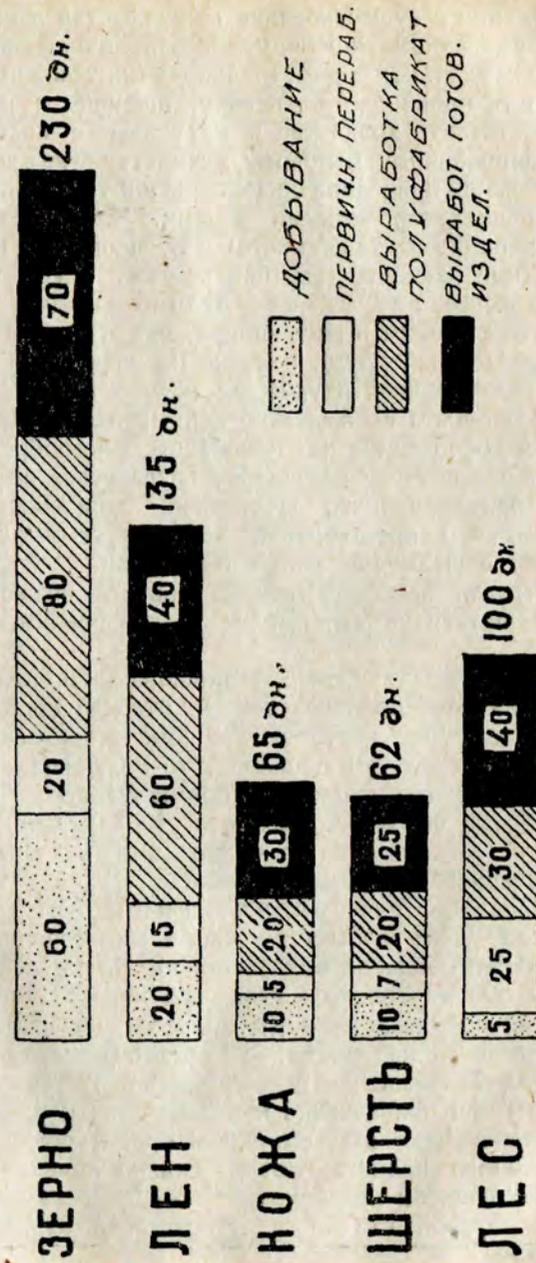
Приведенная иллюстрация характеризует то, что заслуживает изучения и что так трудно поддается учету—как низка была производительность труда в примитивном строе производства. Но нас в настоящий момент она интересует не с этой стороны. В фокусе нашего внимания находятся те виды сырья, которые добываются в нашем хозяйстве, и те стадии производственного процесса, которые они проходят. Если мы, характеризуя раскрывшееся перед нами производство во всем его многообразии, имеем все основания назвать его универсальным, то эту универсальность мы должны рассматривать в двух плоскостях: мы видим, что она является следствием включения в производство комбинаций добывания и переработки различного вида сырья (горизонтальное деление), во-первых, и, во-вторых, что в пределах каждого вида сырья производственный процесс проходит все стадии (вертикальное деление).

Вся описанная нами система универсального производства нужна нам только для методологического упрощения изучения многообразия специализации. Это многообразие мы можем себе представить в виде разложения нашего универсального производства на части. Как мы указывали, наше сложное производство является комбинированным: в него входят операции, касающиеся зерна, леса, льна и других материалов. Одновременно с этим мы видим, что в пределах каждого вида материала, производство проходит весь процесс от добывания сырья до выработки готовых изделий. В обоих указанных направлениях мы будем вести наше изучение разложения универсального производства. Обособленность изучения разложения производственного процесса и расчленения производства по материалам в методологическом отношении совершенно необходимо, но, конечно, в реальной действительности оба эти процесса идут, переплетаясь друг с другом.

Начнем с характеристики разложения универсального производства по горизонталям в связи с различием материалов. Специализация в этом направлении имеет вполне реальное значение, и мы можем легко себе представить в холодном

УНИВЕРСАЛЬНОЕ, НАТУРАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

(Затраты труда в днях)

умеренном поясе существование производства льна, дерева и ржи, а в теплом умеренном—пшеницы, подсолнуха и пеньки. Такая специализация, зависящая, как видим, от природных условий, отграничивающих возможность производства пеньки, пшеницы и подсолнуха, может, однако, оставлять хозяйство в натуральном состоянии. Переход к специализированному меновому хозяйству будет происходить в условиях зональной природной специализации только при наличии обмена между специализированными зонами. Чем ниже могут оказаться издержки производства какого-либо продукта и чем ниже будут транспортные расходы, тем шире может осуществляться географическое разделение труда между такими зонами.

Как мы увидим в дальнейшем, при изучении генезиса общественного разделения труда, наличие на небольшом пространстве природного разнообразия и удобных водных путей сообщения в историческом прошлом чрезвычайно форсировало общественное разделение труда, основанное на природном многообразии. Но развитие такого общественного разделения труда вовсе не вызывало необходимости одновременного разложения производственного процесса. Мы знаем, что крестьянский холст в семнадцатом веке шел в Астрахань, а шелковые ткани из Персии—в Москву. И в той и в другой отрасли производственный процесс по изготовлению ткани мог совершаться и, действительно, совершался в пределах одного хозяйства.

Дальнейшее углубление специализации по природным зонам отражается на типе производства. Те отрасли производства, с продуктами которых зоны выступают на рынок, привлекают к себе больше средств производства, и производство из универсального все больше превращается в одностороннее, организуемое, главным образом, для выработки основного продукта. Как указанные процессы специализации увязываются с природными условиями—входит в задачу следующей главы нашей работы.

Основанием для расчленения производственного процесса, как указывает в своем исследовании Вебер, являются выгоды приближения первых стадий обработки, использующих обычно весотеряющие материалы, к сырьевым базам и, обратно, заключительных стадий производственного процесса, перерабатывающих чистые, невосотеряющие материалы,—к потребительским пунктам. Вебер, кроме того, указывает, что при введении в производство второй стадии угля и при привлечении в первой стадии повсеместных материалов, уравновешивающих весопотери, ориентировка обеих стадий производственного процесса может сильно измениться или даже совпасть. Наконец, он подчеркивает возможность изменения географии первой и второй стадий в зависимости от рабочих издержек и агломерации.

Указания Вебера заставляют нас с особой тщательностью ориентироваться в той степени весопотери, которая наблюдается в различных стадиях производственного процесса.

Фиксируя наше внимание на стадиях производственного процесса, мы не забываем того, что имеется такое сырье, как фрукты, молоко и т. п., которое в необработанном виде может идти на потребление. Мы знаем, что число стадий производственного процесса может меняться в зависимости от хозяйственной цели, которую мы себе ставим. Но в настоящий момент не это нас интересует. Нам необходимо учесть тенденции размещения производства различных стадий производственного процесса, и эту задачу мы полагаем возможным разрешить, ориентируясь на изучение типической формы разложения производственного процесса. Приведенное нами выше расчленение производственного процесса не претендует на большее, чем на типическое обобщение.

Если под добыванием мы понимаем те операции, которые производит человек, выделяя из горных пород руду или снимая с поля зерно и солому, т.-е. отделение какой-то физической части массы, которая его интересует в хозяйственном отношении, то первичная переработка занимается выделением из железной руды чугуна, из хлеба в снопах—зерна, из льна в соломе—волокну и т. п., т.-е. первичная переработка является операцией, имеющей дело с сильно восотеряющим сырьем. Одним из наиболее распространенных видов первичной переработки является продуктивное животноводство, связанное, большей частью, органически с земледелием. Можно сказать, что хлеб и лен в соломе, и в большинстве случаев, руда, грубые корма—не являются в широком смысле, товарными продуктами.оборот их, вследствие малой цены в единице веса, совершается только в узких местных пределах. Обратное, надо сказать, что хлопок, очищенный на джинах, трепаное волокно, чугун, зерно и др. виды сырья являются уже широко товарными продуктами, участвующими иногда в мировом обороте. Перечисленные нами товары в то же самое время являются чистыми материалами, так как при переработке этих видов сырья в дальнейшем в полуфабрикаты потеря будет незначительная. Но не все виды товарного сырья, прошедшие в том или другом виде первичную переработку, оказываются уже далее чистыми материалами. Мы должны сказать, что такой вид сырья, как бревна, идущие в распиловку, как подсолнух, или семья хлопка, поступающее на маслобойный завод, как зерно и кукуруза на спирт и т. п., теряет в весе при переработке два раза; первый раз—в той стадии производственного процесса, которую мы назвали первичной переработкой, и второй раз—в последующей стадии, которую мы называем выработкой полуфабрикатов.

После всего сказанного наши соображения о размещении производства в связи с первичной переработкой или выработкой полуфабрикатов могут быть представлены в следующем виде. Первичная переработка во всех случаях имеет тенденцию ориентироваться на место добывания грубого сырья. Если даже она отрывается от добывающего сырья производства (чугун, джинование хлопка, трепка льна), то все

же обычно географически это производство находится в пределах той же самой территории, где организовано сырьевое хозяйство и часто вблизи от него. Нередко этому обстоятельству приближения первичной переработки к сырьевой базе весьма содействует то, что отбросы, получающиеся в этой переработке, целесообразно используются в добывающем сырье сельскохозяйственном производстве в виде дешевых кормов (солома и т. п.).

Если в отношении первичной переработки выводы получаются довольно четкие, то этого нельзя сказать о выработке полуфабрикатов, так как из изложенного уже ясно, что география хлопко-прядения, железоделательных заводов и других производств, имеющих дело с чистым сырьем, и лесопильных, маслобойных заводов, перерабатывающих весотеряющее сырье, будет совершенно иначе складываться. Не может быть никаких сомнений, что лесопильные заводы, винокуренные, маслодельные будут ориентироваться на места добывания сырья. Но они почти всегда будут производством, выделившимся из хозяйства, добывающего сырье и ведущего первичную переработку в обособившемся производстве. Радиус их действия обычно будет довольно большим, а при удобных путях сообщения даже весьма значительным, но все же их ориентировка на сырье остается обычно достаточно выраженной.

Наше подразделение операций на выработку полуфабрикатов и первичную переработку, как мы говорили, схватывает только типические черты, но в некоторых случаях, как, напр., в лице свекло-сахарного производства, или переработки картофеля в спирт, мы имеем функции выработки полуфабрикатов, минуя какую-либо первичную переработку. Производства эти, оперирующие сильно весотеряющим сырьем, имеют тенденции размещаться также вблизи мест добывания сырья.

Иное приходится сказать о предприятиях, вырабатывающих полуфабрикаты из чистого, не теряющего в весе сырья, как мы имеем, например, во всех текстильных отраслях. Поскольку сырье само не притягивает к себе штандорта производства, вступают в силу выгоды приближения к пунктам потребления и, главным образом, к рабочим пунктам.

Условия организации производства по выработке металлических полуфабрикатов сортового железа и стали иные. Эти виды производства нуждаются в огромном количестве каменно-угольного топлива и тяготеют поэтому к горным каменно-угольным районам. Таким образом, оказывается, что география выработки полуфабрикатов складывается далеко не однообразно и требует особенно внимательного к себе отношения.

Не углубляясь в детали разложения производственного процесса и переходя прямо к последней его стадии—выработке готовых изделий, мы должны сказать, что обычно выработка готовых изделий пользуется чистыми материалами, но имеет еще некоторые особенности в сырьевом обеспечении. Мука, идущая на хлеб,

соединяется в тесте с водой, т.-е. с повсеместным материалом. В столярной мастерской используются доски—тоже чистый материал, но добавляется отделка часто иного хозяйственного происхождения. То или иное из сказанного приходится повторить о большинстве скобяных изделий, об арматуре, обуви и одежде, выработке водки из спирта, пива—из солода, мыла—из жиров и щелочей и пр. Помимо того, что мы здесь встречаемся со включением в производство иных материалов, мы должны отметить еще и некоторые потери этих готовых продуктов в транспортабельности. Плохо выдерживает доставку и хранение печеный хлеб и некоторые кондитерские изделия, не говоря уже об изготовляемых для непосредственного потребления кушаньях. Удорожается перевозка мебели вследствие ее громоздкости и риска порчи отделки. Все эти обстоятельства, вместе взятые, помимо ряда других, ведут действительно к отрыву выработки готовых изделий от мест добывания сырья и подтягиванию этого вида производства к потребительским пунктам.

Таким образом, безотносительно к тому, в какие эволюционные формы ремесла, кустарной промышленности, мануфактуры или фабрики воплощается добывание сырья, первичная переработка его, выработка полуфабрикатов или готовых изделий,—отмеченные нами тенденции будут сказываться. Но в реальной действительности мы имеем вовсе не такое случайное сочетание форм производства со специализацией. Хотя в зависимости от уровня хозяйственного развития страны степень выраженности отмечаемых ниже тенденций и будет меняться, однако различие их в разных частях производственного процесса все же остается.

3. Эволюция форм производства по стадиям производственного процесса.

Так как для выяснения условий размещения производства вопрос об эволюции форм производства по стадиям обработки сырья имеет большое значение, то мы должны на нем остановиться подробнее.

Ни в какой стадии производственного процесса не выявились так ярко тенденции к созданию крупных фабрик и заводов, как в выработке полуфабрикатов.

Огромные прядильни, ткацкие фабрики, мукомольни, железоделательные, кожевенные, лесопильные заводы невольно бросаются в глаза, выделяются своею мощью среди других производственных предприятий.

Полуфабрикаты—доски, пряжа, ткань, мука, патока, бумага, кожа, сортовое железо и т. п. различаются в сортах и по многим специфическим качествам, но, если сравнить бесконечное разнообразие рыночных готовых к употреблению ценностей с теми полуфабрикатами, из которых они изготовляются, например, множество типов столярных изделий из разных сортов досок или разнообразие

костюмов мужских, женских, нарядных, домашних, нижних, верхних, городских, деревенских, форменных, штатских и национальных с количеством сортов тканей, употребляемых на их приготовление,—то совершенно ясна сравнительная малочисленность, находящихся в обороте сортов полуфабрикатов. Надо признать, что полуфабрикаты одной местности очень походят на полуфабрикаты другой. Общая однотипность и широкая признанность этих форм являются несомненными.

Но помимо того, что однообразие типов полуфабрикатов в пространстве надо считать установленным, и, таким образом, надо заранее преуказывать им чрезвычайно широкий рынок, необходимо еще подчеркнуть, что типичность полуфабрикатов меняется медленно в течение нескольких десятков лет, а иногда столетий. Возьмите современную пряжу, доску, кожу и сравните ее с точки зрения пригодности для выделки тех или иных изделий, с подобными же полуфабрикатами, получавшимися в XIV—XVII веках и даже ранее; конечно, придется признать, что здесь тождества гораздо больше, чем в обуви, платье, стульях, которыми пользуемся мы и которыми пользовались наши предки.

Однотипность, однообразие полуфабрикатов, выработанная, очевидно, сотнями и тысячами лет, дает возможность этим продуктам быть пригодными для многих целей и рассчитывать, что это положение не поколеблется в короткий срок. Этим создается чрезвычайно важная предпосылка, позволяющая вносить в производство крупнейшие основные затраты. Только при этом условии можно строить колоссальные здания, оборудовать их выдерживающими работу многих лет рабочими машинами и особенно наиболее производительными дифференциальными двигателями.

Но есть и другие обстоятельства, способствующие такой концентрации капиталов.

Выработка полуфабриката уже пользуется иногда чистым сырьем, а сама доводит чистоту материала в полуфабрикате до максимума. Благодаря тому, что производство сильно механизировано, оно требует сравнительно мало труда, но зато много поглощает сырья и топлива для своих огромных двигателей. Все это в дополнение к большим основным затратам заставляет при выработке полуфабрикатов вкладывать очень большие оборотные средства на топливо и особенно на сырье.

Третья особенность производств, вырабатывающих полуфабрикаты, проявляется в том, что подвозимое в больших массах из разных мест его добывания и нередко в различные сезоны сырье является стимулом непрерывности производства, которая в выработке полуфабриката достигает максимума своего проявления. Этому вполне соответствует и более или менее непрерывный спрос на полуфабрикаты со стороны производителей, занимающихся обработкой.

Все ранее сказанное суммируется и выявляется в рыночных отношениях, какими пользуются эти крупные фабрики и заводы.

Построенные с большими основными затратами, мало эластичные в своей организации предприятия, вырабатывающие полуфабрикаты, не только обслуживают широкий однообразный, и следовательно, очень устойчивый, рынок, но находятся в условиях рынка сырья, мало подверженных каким-либо временным переменам. Эти предприятия в очень малой степени ощущают перемены в потребительском спросе, и особенно местном, так как обслуживают (производительный рынок) выработку готовых изделий в широком масштабе.

Таким образом, основной промышленный капитал выбирает для создания крупных предприятий исключительные по благоприятности условия, как со стороны прочности, однообразия производственных задач, так и рыночных условий, и это-то обуславливает возможность создания крупных предприятий.

Мы не говорим здесь о выгодных условиях кредита, закупок, продаж и т. п., так как все это является в значительной мере следствием того фундамента, на котором строится производство.

Такое положение выработки полуфабрикатов чревато последствиями для организации всего производственного процесса. Неоспоримость превосходства крупного производства ведет к тому, что в настоящее время производственный процесс раскалывается именно в части, вырабатывающей полуфабрикаты. Нередко крестьянин, добывающий лен, дерево, шерсть, продает их, а покупает для поделки в домашнем хозяйстве или промысле пряжу, выработанную кожу, доски. Это оказывает огромное влияние и на положение мелкой промышленности, переходящей от заготовки сырья к обработке полуфабрикатов. Затем, очень нередко организованная на крупных началах выработка полуфабриката распространяет свое влияние и на соседние области, на первичную переработку и на обработку и превращается в комбинированное предприятие одной отрасли. Иногда к такому захвату предприятий указанного типа капиталисты вынуждаются стремлением обеспечить себе еще более выгодные условия рынка сырья и изделий.

Картина промышленной жизни в описываемой нами области завершается тем, что организация союзов предпринимателей, вырабатывающих полуфабрикаты, идет особенно широко. Предприятия создаваемые на большой период, не могут, благодаря своей организации, вести длительную конкуренцию—приспособляться к рынку. Основные средства, затраченные на дело, не возьмешь в любой момент обратно, и приходится думать о синдикатах, трестах, о закреплении монопольного положения.

Все, что есть самого яркого и сложившегося в формах крупного производства вообще и капиталистического в особенности, все это находит себе наиболее красочное выражение в той части производственного процесса, которую мы называем выработкой полуфабриката.

Так приходится нам характеризовать эволюцию форм производства в стадии, вырабатывающей полуфабрикаты. Мы уже отмечали выше, что производство на этой стадии имеет тенденции размещаться в зависимости от величины весопотери сырья при переработке или непосредственно рядом с местом добывания сырья или в некотором отдалении от этого места, или же совершенно оторвано, в зависимости от других воздействий.

Наше описание быстрого прогресса в формах производства в стадии, вырабатывающей полуфабрикаты, показало, что эти производства сложились большей частью в фабрики и заводы, требующие больших основных капиталов и огромное количество сырья и топлива. Все отмеченное должно быть нами учтено в плоскости изменения тенденции ориентации места производства этой стадии. Если выше мы отмечали значительно выраженную сырьевую ориентацию в этой стадии при переработке весотеряющего сырья и потреблении значительного количества топлива, то после оформления производства в фабрику и завод такие тенденции еще более должны усилиться. Но мы знаем, что текстильные и другие подобные производства перерабатывают чистое сырье и, следовательно, эти предприятия не связаны сильно ориентацией на сырье. Вместе с превращением такого типа производства в крупную фабрику мы должны отметить, что у него ослабевает ранее очень значительная ориентация на рабочие издержки. Это в некоторых случаях ведет к повышению влияния мест добывания сырья и топлива, или мест первоначального вложения капиталов.

Такой же мощный централизованный тип промышленности, который мы только-что нарисовали в области, вырабатывающей полуфабрикаты, мы находим и в централизованном добывании сырья и первичной его переработке. Здесь мелкое производство рано уступило место крупным заводам и шахтам, и огромные требования, предъявляемые на каменный уголь, на чугун и проч., продукты горного дела, форсируют здесь рост крупного производства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вполне понятно, что при наличии огромных тенденций к концентрации производства в добывающей и ведущей первичную переработку горной промышленности усиливается связь этой переработки с сырьевой базой, и производство делается еще более малозависимым от рабочих издержек.

Производственному процессу в стадии выработки готовых изделий приписывают индивидуалистические стремления, обусловленные субъективизмом потребления, нередко большие, чем это есть на самом деле. Напр., указывают, что работающие в ручную столяры, сапожники не побеждены еще крупным производством благодаря тому, что личный заказ требует приспособления их работы к особенностям индивидуального потребления, и потому какие-либо шаблоны при таких заданиях неуместны. Имеются и другие указания, говорящие о художественном творчестве и изобретательности

портных, модисток, столяров, резчиков. Мы не отрицаем некоторого значения только-что указанных явлений, но отказываемся признать за ними широкое влияние, так как индивидуальный спрос и художественное творчество, требующие тщательного приспособления и обязательной ручной работы, при рассмотрении их в масштабе современного народного хозяйства, оказываются величинами, весьма небольшими. Мы полагаем, что изучаемая нами часть производственного процесса—обработка, отличается сравнительно с выработкой полуфабриката большим разнообразием заданий и малой их устойчивостью, вследствие необходимости приспособления продукта к многообразным и пестрым потребностям людей вообще, а не благодаря индивидуальному спросу. Пряжа, доски, кожа, сортовое железо и др. полуфабрикаты по своей форме оказываются неизменными в течение десятков и сотен лет, и поэтому к ним приспособляются и совершенствуются в зависимости от этого методы их выработки. Человеческие вкусы, потребности, мода нередко с кинематографической быстротой меняют задания обработки. Посмотрите историю мод платья, шляп, обуви, посмотрите на изменение стиля мебели, утвари, посмотрите, как нарастают, дифференцируются и усложняются потребности человека в пище, одежде, обстановке, каким обилием различных предметов обставляется комфорт среднего современного человека по сравнению с комфортом какого-либо графа или князя средневековья, и придется признать, что область обработки, испытывающая все эти влияния на себе, создает мало длительных и устойчивых заданий на долгие периоды. Здесь еще в некоторых отраслях царит сезонная работа, учитывающая не столько колебания оценки труда, вырабатываемого изделия, сколько спрос населения на них. Таким образом, обработка сталкивается с дробностью заданий человеческих потребностей, с их изменчивостью в пространстве и во времени, и такими, именно, причинами, а не индивидуальным спросом и художественным творчеством, обуславливается структура хозяйства в этой части производственного процесса.

Мы, конечно, не должны забывать, что в том огромном круговороте задач, который охватывается обработкой, не все задачи одинаково текучи и эластичны. Мы знаем, что в связи с вовлечением в меновой оборот широких масс населения и, в особенности, в связи с ростом крупных городов, а также созданием общественных и государственных предприятий и организаций (войско, школы), многие виды потребностей шаблонизируются. Издаются сотнями тысяч учебники, выделяются миллионами стаканы, ножи, вилки, шьются аммуниция и форменное платье, распространяются олеографии, газеты, фуражки, часы. Все это, обслуживающее ту или другую сторону человеческих потребностей, имеет иногда некоторую гарантию на устойчивость в продолжение одного-двух десятков лет, т.-е. на период амортизации основных средств производства, которыми эти предметы создаются. Этого срока совершенно достаточно для

оборудования крупного, массового, шаблонного производства. И мы видим, что при известных условиях в области обработки параллельно шаблонизации и упрочению какого-либо вида потребности нарастает крупное производство.

Но помимо того, что интеграция иногда охватывает всю обработку целиком и сразу, мы должны отметить, что чаще внедрение крупного производства в интересующую нас область идет постепенно и при этом производственные задачи обработки распадаются на части. Первым шагом крупного предприятия в таком направлении часто является выработка специализированного полуфабриката. Штамповка лезвий ножей, ножниц, замков, отвалов, плугов, закройка и заготовка в сапожном и портняжном промыслах, выработка колпаков в сапого-валяльном промысле и многое другое показывает, что подобные заготовки крупного производства в области обработки, при наличии достаточно широких рыночных условий, могут идти весьма успешно.

Если в изучаемой нами части производственного процесса в сторону выработки полуфабриката нередко выделяется шаблонная выработка специализированного полуфабриката, то по направлению к потребительскому рынку обработка отмежевывается от себя иногда отделку. В столярном промысле, шляпном, ложкарном, керамическом выделяется от операции, создающей скелет самого изделия (белье, ложкарное и столярное, изготовление шляпных тулеек), задача по украшению и отделке его. Идя этим путем, производство приспособляется к изменчивым требованиям рынка и, концентрируя работу по отделке в центре сбыта, с одной стороны, имеет возможность особенно внимательно приспособляться к этому спросу, с другой стороны, использовать для этой работы наиболее квалифицированных рабочих (художественный вкус), которых в городе достать легче. Кроме того, такая организация производства устраняет от себя риск порчи отдельных изделий в дороге и лишние расходы по транспорту.

Можно еще выделить в обработке одну самостоятельную функцию—сборку. Эта функция долее других остается в руках рассеянного мелкого производства. Но иногда сборка централизуется, когда часть оказывается более транспортабельной, чем целое. Такая централизация сборки часто объединяется с некоторыми задачами по окончательной отделке изделий, напр., экипажное дело.

Крупное производство проникает, как видим, разными путями в обработку, но сложность, многообразие и изменчивость задач все же сказываются и замедляют темп эволюции. Хотя некоторые из потребностей кристаллизуются и принимают постоянную форму, на смену им, нередко в еще большем числе, появляются новые и ставят задания, предусмотреть длительность и устойчивость которых нет возможности. При чем чаще всего вначале эти новые задания не выражаются в достаточно широком спросе. Такие фабрикации, потребность в которых не приобрела постоянства и широты и не

охватила масс населения, а также специфическими свойствами которых является изменчивость (моды на шляпы, галстуки и т. п.), не стимулируют крупных вложений основного капитала в предприятия по выработке подобных фабрикатов. Конечно, и в этой области могут создаваться крупные производственные хозяйства, но выгоды их будут покоиться не на эксплуатации производительности машинного труда, а на использовании выгод разделения ручного труда. В тех же случаях, когда разделение труда не играет еще существенной роли, задания неустойчивы, а материал повсеместный,—мелкое трудовое хозяйство, самостоятельное или работающее на посредника, является наиболее типичным представителем этой формы деятельности.

Таким образом, хотя вообще однообразие, постоянство, массовость, требование рынка ведут обработку к концентрации, но в этой рассматриваемой нами части производственного процесса мы не наблюдаем строгого равенства по всей линии, как в выработке полуфабриката. И во многих случаях при наличии узких, сложных и изменчивых заданий, а таких имеется много, работает мануфактура или сохраняется мелкое ремесленное и кустарное, работающее в ручную, производство¹⁾.

Мы выше указывали на снижение материального индекса в последней стадии производственного процесса, вследствие включения повсеместного сырья в продукт (хлеб, мыло, водка, пиво, минеральные воды), что, как мы знаем, отодвигало производство к пунктам потребления. В ту же сторону подталкивалась выработка готовых изделий тем, что готовый продукт, вследствие своих особых качеств (объем, порча отделки в пути) снижает нередко свои транспортные способности.

Но после изложенного об эволюции форм производства, вырабатывающего готовые изделия, мы должны, кроме того, отметить, что эта последняя стадия процесса производства, вследствие медленности темпа эволюции форм производства, имеет часто высокий коэффициент формирования, т. к. в ней превалирует значение рабочих издержек и сравнительно слабее нередко здесь выражена роль машинного формирования и затрат на топливо. Все это, как видим, должно вести производство при переработке чистых материалов к отрыву от сырьевой базы и усиливать ориентацию на рабочие издержки. Таким образом, учитывая особенности стадии, вырабатывающей готовые изделия без поправки на эволюционные формы, мы указывали, что ориентация должна быть на потребление, но, анализируя развитие производства, мы принуждены внести существенную поправку и отмечать большое влияние рабочих издержек.

¹⁾ Конкретную характеристику эволюции форм производства в СССР и в Зап. Европе в изложенном здесь освещении автор дал в своих работах, «Основные тенденции эволюции форм промышленности.» Эконом. обзор 1927 г. и в «Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении Р. Н. Х». М 1922 г.

Все сказанное заставляет нас в дальнейшем обратить особое внимание как, складывается география рабочих издержек и потребительских пунктов. При наличии их большего или меньшего географического совпадения, очевидно, тенденция размещения производства, вырабатывающего готовые изделия, должна быть особенно яркая и определенная.

Первичная переработка из добываемого грубого сырья выделяет наиболее ценный продукт, имеющий основное хозяйственное значение. Ни солома с зерном хлеба, ни льняная солома, ни хлопок сырец не имеют и не могут иметь широкого торгового оборота; они имеют мало-уточненную реальную оценку и обычно не являются ходовыми товарами. Только пройдя через первичную переработку, они могут получить нормированную сортировку и устойчивую расценку.

Операции первичной переработки продуктов сельского хозяйства связаны не органически, а хозяйственно с определенным сезоном. Это делает возможным перенесение их, и, действительно, они нередко переносятся на любое время года в зависимости от хозяйственной выгоды. Мы знаем, что нередко молотья совершалась не осенью, а зимой, на окраинах даже иногда на другой год. В районах широко развитого льноводства льняную солому обрабатывают также нередко на следующий год. Такой эластичностью отнюдь не обладают операции сельского хозяйства в узком смысле и особенно земледелия.

Но операции первичной переработки чрезвычайно ярко отличаются и еще одной чертой в сравнении с земледелием. Первичная переработка может быть легко концентрирована к одному месту. То сырье, которое добывалось в земледелии с огромной площади, при получении которого машины и повозки должны были передвигаться по обширной территории, приспособляясь к условиям рельефа, к погоде—это сырье поступает в первичную переработку в момент подвозки его к одному месту. Хлеб складывается в скирды, лен, хлопок свозятся в сарай, скот, ходивший по пастбищам, сгоняется к бойням и т. п.

Такая большая или меньшая независимость первичной переработки от времени сезона и от давления пространства со всем их многообразием создает основные предпосылки повышения выгоды использования двигателей и машин, а вместе с тем и для формирования иногда обособленного типа производства. Если создаются благоприятные условия для интеграции производства в изучаемой нами части, то таковая осуществляется при достаточно крупном объеме сбыта и его устойчивости. Специальные льнотрепальни создавались только в районах широкого промышленного льноводства.

Влияние потери в весе при первичной переработке на проявление интеграции в этой стадии производственного процесса очень велико, но оно усугубляется еще тем, что грубое сырье дает нередко ценные во внутрихозяйственном употреблении отбросы. В тех случаях, когда грубое сырье весотеряющее (солома с зерном), а отбросы

имеют хозяйственную полезность, тенденция к обособлению проявляется слабо. Обратное, если хозяйственная полезность отбросов не велика,—то первичная переработка отрывается от сельского хозяйства в самостоятельное производство, напр., промышленные льнотрепальни.

Но между двумя указанными полюсами в жизни намечается много переходных стадий. Такой первичной стадией является молотья хлеба предпринимателями - молотильщиками, аренда для лучшей обработки усовершенствованных мялок и трепалок и т. п.

Если, как мы указывали, операции по первичной переработке долгое время удерживаются в сельском хозяйстве, то, с другой стороны, они нередко отрываясь, в некоторой доле присоединяются к соседнему по производственному процессу крупному предприятию—выработке полуфабрикатов. Любопытен переход функции первичной переработки, очистки,—к элеваторам, холодильникам и пр.

Огромное практическое значение за последнее время получила в деревне сел.-хоз. кооперация, вполне естественно направившая прежде всего свое внимание на организацию сбыта. Вместе с такими сбытовыми операциями кооперация не могла обойти вопроса о первичной переработке. На этот путь кооперацию толкают и интересы по получению односортного и хорошего рыночного товара для повышения, в связи с этим, доходности крестьянского хозяйства и, кроме того, возможность при кооперативной переработке оставлять крестьянскому хозяйству необходимые ему отбросы.

В отношении структуры таких предприятий можно сказать, что большинство из перерабатывающих сельскохозяйственное сырье принимает форму не очень крупных предприятий, нуждающихся в помещениях для работ и хранения, но сравнительно слабо насыщенных машинным инвентарем. Такие предприятия обычно не нуждаются в большом числе рабочих.

Данная нами характеристика эволюции форм первичной переработки сельскохозяйственного сырья указывает, что ориентация ее на места добычи сырья не нарушается в процессе развития. Рабочие издержки не играют здесь существенной роли и притягивающее воздействие сырьевой базы остается.

Эволюция видов производства в сельском хозяйстве, как мы знаем, резко выражена в форме дифференцирования его заданий в пространстве. Тюненовские пояса, как бы мы их не корректировали, все же достаточно ярко характеризуют, как при известных экономических предпосылках растет интенсификация хозяйства и вместе с тем увеличиваются затраты труда и индустриальных капиталов в производстве. Многообразие видов с.-х. производства увеличивается и различием природных условий. Но в нашем изложении в настоящее время нас интересует иное. Наша задача характеризовать тот темп, которым сельскохозяйственное производство проявляет тенденции перехода от мелких хозяйств к более

совершенным производственным формам с большим, в частности, насыщением производства машинами. Мы не имеем основания отрицать наличия и в сельском хозяйстве таких тенденций. Но забывать разницу в темпе интересующего нас процесса между сельским хозяйством и, допустим, выработкой полуфабрикатов все же не следует. Тогда как текстильные прядильные фабрики дают такое колоссальное преимущество машинной работы, что даже в условиях дешевого труда Китая, Индии замена ручной работы машинной является с точки зрения капиталиста выгодной задачей, мы не можем установить такого повсеместного явления в сельском хозяйстве в большинстве его отраслей и особенно требующих значительного количества трудовых вложений, напр., в виноградной хлопковой и др. Но повторяем, из этого мы вовсе не делаем вывода, что таких стремлений вообще нет в сельском хозяйстве и что такие тенденции не имеют шансов в дальнейшем стать более широким явлением. Достаточно проследить эволюцию сельского хозяйства американских стран и особенно С. А. С. Ш., чтобы убедиться в сильном внедрении в сельское хозяйство тракторов, крупных уборочных машин.

Очевидно, не какие-то непреодолимые технические преграды задерживают проникновение указанного американского типа сельскохозяйственного производства в Европу, СССР и другие страны. Надо признать, что процессы капиталонакопления, совершающиеся в сельском хозяйстве большинства стран идут слишком медленно, и если в Америке этим процессам содействуют выгодные условия сбыта продуктов сельского хозяйства, а на замену живого труда толкает дороговизна его в стране, то в других странах эти условия выражены значительно слабее. Надо полагать, что процессы кооперирования и коллективизации, проникающие в сельское хозяйство и ведущие, напр., в условиях нашей страны к значительному переустройству производства, могут оказать на темп эволюции форм производства серьезное влияние.

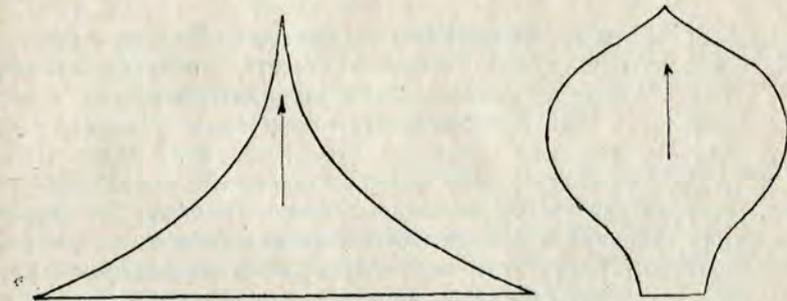
В конкретных условиях мы в сельском хозяйстве, большей частью, еще будем встречать преобладание исторически сложившихся форм производства с большим преобладанием крестьянского мелкого типа производства. Условия размещения такого производства в связи со структурой его издержек намечены выше.

Таким образом, в различных частях производственного процесса мы наблюдаем весьма разные по темпу сдвиги в сторону высших форм производства. Эти сдвиги будут представляться в виде весьма растянутой колонны, с большим арьергардом в странах с низкой культурой, бедных капиталами (4 черт.), и, обратно, в народных хозяйствах с высоким благосостоянием центр такого движения будет впереди.

Так рисуется нам сочетание форм производства с теми или иными специальными задачами, выделяемыми из производственного

процесса. Совершенно ясно, что для решения вопроса о тенденциях которые будут превалировать для производства, вырабатывающего полуфабрикаты или готовые изделия, приходится одновременно ориентироваться на наличие или отсутствие в этих стадиях производства фабрики или кустарной промышленности.

Но, как мы уже показали выше, анализ производственного процесса позволяет нам, помимо процессов дифференциации, подчеркнуть наличие некоторых объединяющих стадий производственных процессов. Особенно активными притягателями в этих случаях выступают крупнейшие предприятия, вырабатывающие полуфабрикаты, вообще, и особенно, централизованные предприятия, обслуживающие горное дело.

Черт. 4.

Так структура средств производства в различных эволюционных формах и, особенно, в видах производства по их специализации в связи с разложением производственного процесса, дают нам весьма ценные указания для экономического объяснения географического размещения форм производства. Разобравшись в специфических чертах ориентировки форм и видов производства на сырье, рабочие пункты, пункты потребления и т. п., мы должны далее, как указано было выше в главе IV, заняться детальным анализом влияния природных и историко-хозяйственных условий, ибо таковые должны быть установлены в порядке экономико-географического изучения.

Анализ хозяйственного использования природных условий должен нам дать географию мест добычи сырья и производства, ориентирующего нас на сырьевые базы. Изучение историко-хозяйственных условий вскроет нам географию пунктов рабочих издержек, пунктов потребления, капиталовложения и сложения систем транспортных связей, влияние которых на размещение производства нами уже достаточно выяснено.

На основании географии сырьевой базы и указанных исторически сложившихся пунктов, мы будем иметь возможность далее поставить изучение географии производства, имеющего, как это видно из настоящей главы, ориентацию на пункты рабочих издержек, потребления и капиталовложения.

VI. ГЕОГРАФИЯ ДОБЫВАНИЯ СЫРЬЯ И ПЕРЕРАБОТКИ ЕГО, ОРИЕНТИРУЮЩЕЙСЯ НА МЕСТА ДОБЫВАНИЯ.

1. Постановка исследования.

Первым и часто важнейшим элементом себестоимости продукта, имеющего широкий товарный оборот, является стоимость сырья. Силы и средства, которые надо затратить человеку для того, чтобы произвести при тех или иных природных условиях зерно, свеклу, хлопок, железо, каменный уголь, золото, весьма неодинаковы в различных местностях земного шара. Не существует абсолютных преград для того, чтобы вырастить виноград не только в субтропиках, пользуясь длинным вегетационным периодом и огромным количеством тепла этих местностей, но и за полярным кругом в оранжерее с искусственным освещением. Железо имеется, как известно, в виде залежей руды с тем или иным % чистого железа и в различных сочетаниях с серой, фосфором и другими химическими элементами; имеется также оно и в крови животных, и в растениях, и в водных растворах. Природная обстановка могущественно влияет на производительность затрат, вносимых человеком в производство сырья. Она предоставляет человеку возможность производить в определенных местах тот или иной ассортимент благ в определенных количествах с теми или иными издержками. В одних случаях природа сужает границы такого хозяйственно-выгодного сырьевого производства до какой-либо ничтожной поверхности (золото, платина, жемчуг, алмазы), в других она позволяет организовать добычу на более или менее обширных территориях (зональное производство леса, зерна) и, наконец, в некоторых случаях производства может осуществляться почти повсеместно (травы).

Изучение закономерностей, в которые впадают выгоды условий добывания сырья в пространстве, и являются предметом нашего рассмотрения. Мы знаем, что эти выгоды зависят от природной обстановки, от организации производства и от условий провоза. В настоящей главе в центре внимания будет ориентировка на природные условия. Но поскольку наша задача—экономико-географическая, мы не можем класть в основу нашего изучения методику строгого изолирования влияния отдельных условий размещения хозяйства.

Наша задача при изучении географии производства добывающего сырья, как мы полагаем,

должна охватывать, во-первых, и прежде всего влияние выгод использования природных условий, но рядом с ними мы не можем игнорировать также и другие сопутствующие и противодействующие условия, которые нередко сильно влияют на географию хозяйственной действительности по добыванию сырья.

Ориентировка просто на выгоды природных условий нас часто может приводить к утверждению, что каменный уголь, имеющийся в Донбассе, в Англии, на Шпицбергене или где-то в низовьях Енисея по своему качеству, по глубине залегания, и даже может быть затратам по извлечению на поверхность,—находится в одинаково выгодных местных природных условиях. Однако, наивно предполагать, что этот вывод без учета доставки угля к местам его использования будет убедительным экономико-географическим выводом, достаточно характеризующим географию производства, добывающего сырья. Те же соображения можно было бы привести при характеристике размещения сельскохозяйственного производства, индустрии и т. п.

Но было бы методологически неправильно, если бы мы с рассмотрением условий природной среды связали рассмотрение совокупности всех иных условий целиком. Поэтому, мы хотя и будем на ряду с влиянием природных условий еще рассматривать и другие, но в той мере в какой это все позволяет нам уточнить выбор места производства среди определенных природных условий. Таким образом, эти последние остаются все же в центре нашего внимания.

Рядом с этим мы должны еще сделать одно указание. Мы знаем, что при разложении производственного процесса таковой распадается на ряд более или менее самостоятельных функций, нередко обособляющихся в отдельные производственные единицы. Нам необходимо условиться, какая часть производственного процесса будет захватываться нашим изучением влияния выгодности природных условий—только ли одно добывание в узком смысле или также и первичная переработка, а может-быть в некоторых случаях, и выработка полуфабрикатов, если таковые ориентируются на сильно весотеряющее сырье. Проведенное в предшествующей главе исследование дает основание утверждать, что наша задача будет систематически и правильнее разрешена, если мы будем понимать ее как ориентировку производства на места, где добывается сырье, и тогда, следовательно, нам придется включать в свои задачи также и первичную переработку и другие части производственного процесса, словом, все виды производства, которые ориентируются при своем размещении на места добывания сырья. Этим самым мы вовсе не хотим сказать, что очистка хлопка или виноделие сами по себе как-то физически природно обусловлены; нет, но эти производства в силу уже установленных нами организационно-транспортных выгод так устойчиво тяготеют к

тем местам, где добывается хлопок или выращивается виноград, что с точки зрения экономико-географического анализа изучение такого размещения должно идти одновременно.

Как мы уже установили, мы должны рассматривать природную среду с точки зрения тех выгод и преимуществ, которые она дает хозяйствующему человеку в его производительной деятельности.

Мы не можем себе поставить в обязанность, при анализе указанной экономико-географической проблемы, давать детальную характеристику природных климатических, ботанических, почвенных, геологических явлений, с которыми, несомненно, приходится иметь дело человеку при добычании сырья. Такая характеристика нами предполагается известной. При приложении нашей системы изучения к конкретной действительности, уточнение географии природной среды, конечно, будет повышать степень точности наших экономических построений, но в нашем изложении, преследуя методические цели, мы принуждены несколько схематизировать природные явления, на которые обязаны ориентироваться, и рассматривать их под своим экономическим углом зрения.

2. География земледелия.

Под сельским хозяйством мы будем понимать земледелие и скотоводство. В понятие земледелия мы включаем полеводство, луговоеводство, садоводство и огородничество. В нашем изложении особенное внимание мы хотим уделить земледелию и скотоводству. Остановившись на соотношениях и взаимных связях этих двух отраслей сельского хозяйства, мы должны признать, что в огромном большинстве случаев скотоводство оказывается связанным с земледелием в порядке использования имеющихся в нем кормовых ресурсов. Это заставляет рассматривать, в некоторой части, земледелие, как добычу сырья для первичной переработки в скотоводстве. При наличии преобладания таких форм взаимодействия между земледелием и скотоводством, становится необходимым выделить изучение земледелия на первую очередь, т. к. в большинстве случаев, только зная структуру его, можно уяснить себе отчетливее и систему скотоводства того или иного района.

Обращаясь к земледелию и отыскивая формы природной обусловленности разнообразия отраслей земледелия по территории, мы, прежде всего, должны их в целом связать с природными зонами, т.-е. с теми природными совокупностями, которые являются сочетанием определенного взаимодействия климата, почвенных и других явлений.

Наша ориентировка в географии природных зональных условий должна быть в некоторых отношениях критически уточнена. Мы не можем погружаться в бесконечное многообразие природной действительности. Наши требования должны приспособляться к нашим задачам.

Вот как Бринкман характеризует познавательные интересы экономиста-географа к природным условиям.

«Экономист-географ, стремящийся к установлению различий между сельскохозяйственными зонами вообще и районами распространения отдельных культур, должен положить в основу этого различия климатические условия; наоборот, для сельского хозяина наиболее привычным отличительным признаком природы штандортов являются свойства почвы—глинистая, песчаная или ржаная почва, пшеничная, свекловичная и т. д.»¹⁾

В приведенном соображении Бринкмана особенно интересно указание на изменение познавательного интереса к природе в зависимости от масштаба проблемы, требующей разрешения. Эту мысль Бринкман еще более уточняет в таких словах.

«Влияние природных штандортирующих факторов, без сомнения, более заметно на небольшой территории уже по одному тому, что здесь различия в рыночном положении слишком незначительны, в то время, как свойства почвы могут здесь обнаруживать огромный диапазон. При сравнениях же в большем масштабе климатические условия являются тем, что определяет всю картину. Стоит лишь представить себе противоположность сельскохозяйственных культур полярной, умеренной, субтропической и тропической зон, от пастбищ северных оленей до плантаций сахарного тростника, чтобы оставить в тени все те отличия, которые в этой области могут получиться под влиянием действия рыночных условий»²⁾.

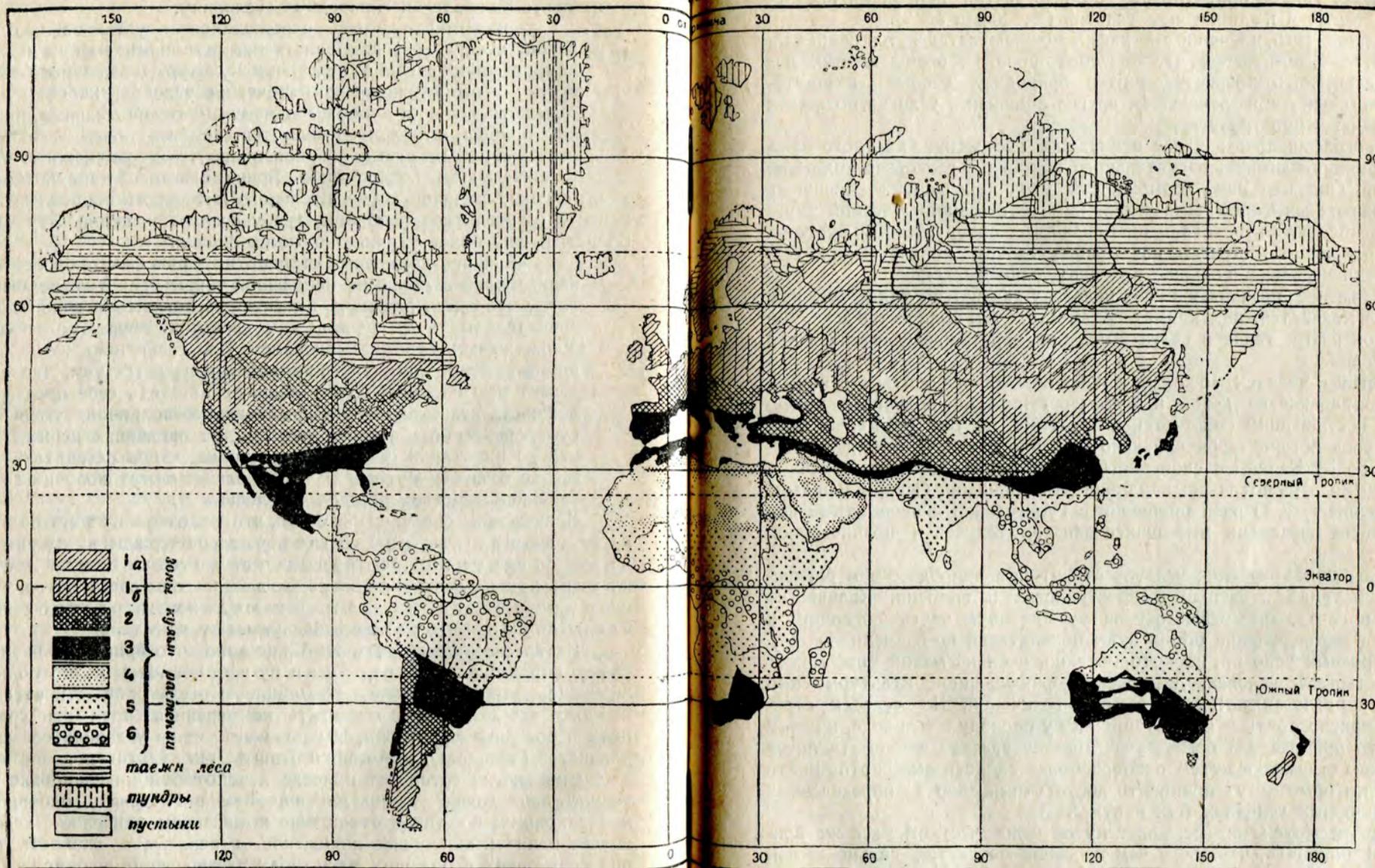
Приведенные соображения о том, что экономист-географ работающий над изучением разнообразия сельскохозяйственного производства, в более или менее крупных пространствах должен ориентироваться на климатические зоны, а в мелких на местное почвенное многообразие,—заслуживают внимания.

Интересно мнение того же Бринкмана, что природное разнообразие, выраженное в географии почв, несмотря на его большое значение, может в связи с техникой и культурой стираться, и поэтому его не следует выдвигать на передний план при сравнениях в больших масштабах. Мы признаем, что в условиях сельского хозяйства Германии или Англии и Бельгии, где культивирование земли в течение многих сотен лет привело к некоторой нивелировке почвенного плодородия, можно меньше внимания уделять плодородию как таковому, но такое отношение к различию почвенных условий нельзя принять как общее положение, и исключать разность почв при сравнениях в больших масштабах. Совершенно невозможно изучать почти $\frac{3}{4}$ сельскохозяйственных стран мира, опираясь на предпосылки нивелировки почвенного плодородия. Познание географии

¹⁾ Бринкман, стр. 124.

²⁾ Там же, стр. 39.

Зоны культуры сельскохозяйственных растений

Умеренный климат: 1. Рожь, овес, ячмень, пшеница. Картофель, лен, сахарная свекла, яблоки, виноград, абрикосы, персики, груши, огородные растения, конопля. **Подтропический климат:** 2. Пшеница, маис, рожь, овес, ячмень, сахарная свекла, а также хлопок и рис (Ц. Азия), маис, ячмень, рис (Ю-В. Азия), пшеница, бобы, чай, хлопок, сезам, мак, оливки, фиги, дыни, арбузы, дыни, альфа и растения предшествующей полосы на орошенных землях. **Тропический климат:** 5. Рис, маис, дурро, пшеница, бобы, сахарный тростник, кофе, чай, герба, мате, хлопчатобумажная конопля и раши (в Китае). 6. Кокосовая и саговая пальмы, бананы, маниок, ямс, маниок, каучук, ананасы, корица, гвоздика, ваниль и пр. приносы, масл. пальма.

земледелия Канады, Соединен. Штатов и нашего Союза может быть построено, только ориентируясь помимо других природных предпосылок, также и на почвенные условия (см. карта № 2).

Кроме того, изучение географии почв представляется необходимым потому, во-первых, что она символизирует очень ценный для земледельческого хозяйства синтез природных условий, а во-вторых, география почв лучше, чем другие зональные условия, поддается уточнению в пространстве.

География почв для нас ценна, как выражение местного синтеза влияния климата, растительного покрова и геологических образований. Она дает нам возможность уточнить распространение в мире различных типов земледелия, намечает границы лесной зоны и зоны абсолютного пастбищного хозяйства полупустынь и пустынь. Все это придает географии почв, как условию хозяйственной деятельности человека, большое познавательное значение.

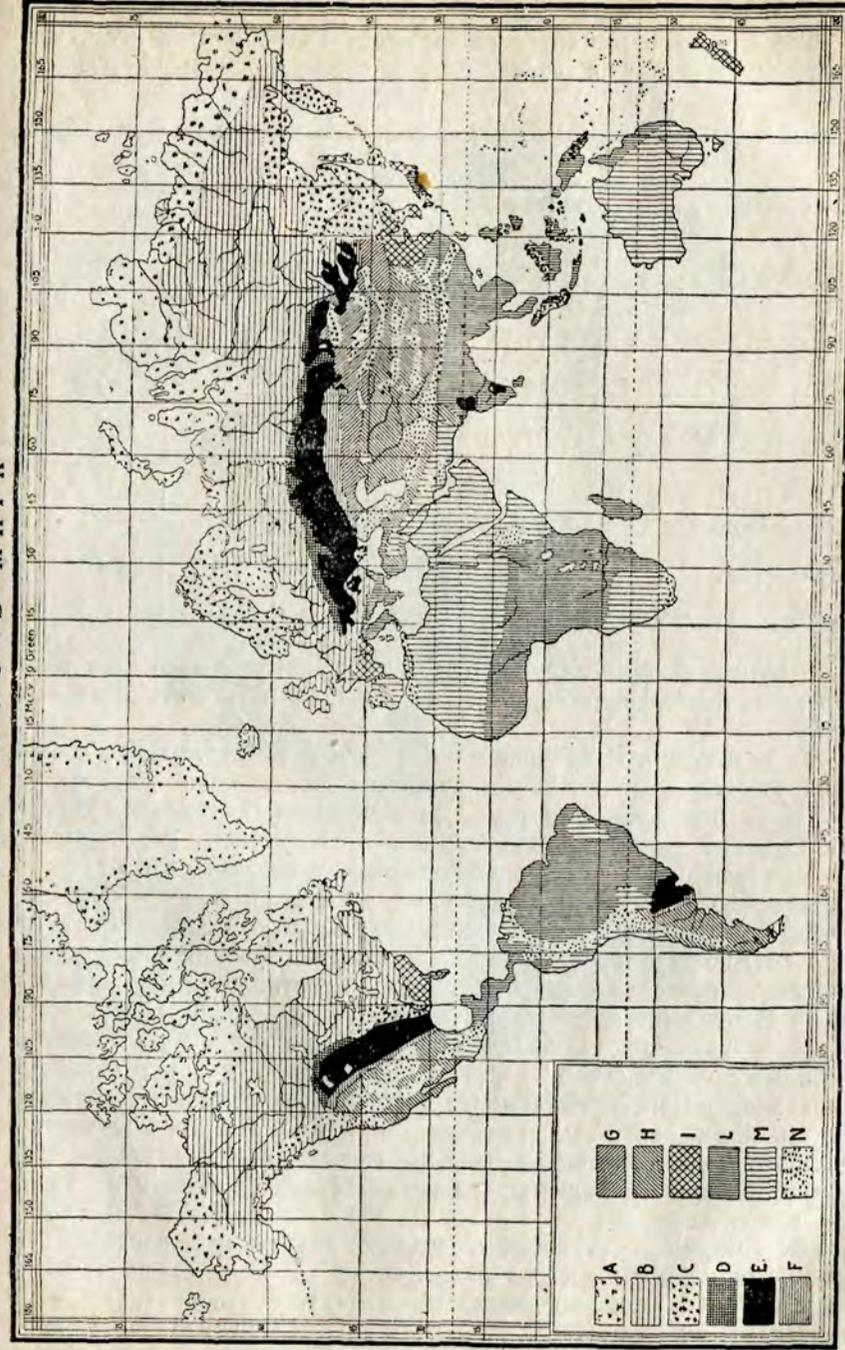
Наименее подчиняющимся человеку является такое условие ведения хозяйства, как климат. А вместе с тем количество даваемой природой влаги, тепла и света в сильной мере определяет характер земледелия.

Правда, человек может путем дренирования бороться с избытками выпадающего дождя и путем организации поливного хозяйства с иссушающим воздействием пустыни, но тем не менее, даже и эти воздействия территориально довольно ограничены. Задачи осушения болот Канады и сибирского севера нельзя считать задачами очередными. Несмотря на заманчивость орошения Сахары или даже расширения в 2—3 раза орошения в Туркестане,—задачи эти сильно ограничены пределами имеющихся запасов текучей и подпочвенной влаги.

Еще более жесткие условия ставит нам природа своим распределением тепла и холода в пространстве и времени. Количество тепла и света, приходящегося на ту или иную часть поверхности земли, и распределение обоих этих показателей во времени,— вот то из природных условий, на которое лишь в очень малой мере может воздействовать человек. Достижения оранжерейной культуры сами по себе представляются ничтожной величиной. Но человек стремится приспособиться к вегетационному периоду в том виде, в каком дает его природа. Он организует посадку рассады, акклиматизирует растения, стремится путем подбора более скороспелых сортов найти такие, которые могут приносить достаточный сбор в определенных вегетационных условиях (см. карта № 3).

Но несмотря на все, достигнутое человечеством, все же приходится признать, что ни в чем не сказывается так сильно различие влияния природных условий на выгоды ведения земледельческого хозяйства, как именно в зональных, прежде всего климатических условиях (тепло, свет, влага) и связанных с ними почвенных условиях.

КАРТА ПОЧВ МИРА

Карта № 2.

А. Тундры. В. Подзолистые. С. Болотно-подзолистые. D. Серые деградиров. черноземы. E. Черноземы. F. Темно-каштановые. G. Кашгановые и бурые. H. Сероземы. I. Желтоземы. L. Красноземы. M. Красноземы. N. Вертикальные зоны. O. Болото. P. Коричневые. Q. Саванна. R. Полупустынь и сух. саванн. S. Пустыни. T. Саванна. U. Саванна. V. Саванна. W. Саванна. X. Саванна. Y. Саванна. Z. Саванна.

Какая огромная разница существует в потребностях культурных растений к теплу и свету, можно иллюстрировать следующей таблицей:

Культ. растения.	Сумма средних температур по Цельсию для полного развития растений.		Продолжительность вегетационного периода в днях.	
	Мин.	Макс.	Мин.	Макс.
Овса	1571	1787	112	154
Ячменя	1604	1847	70	126
Яровой пшеницы . . .	1619	1923	126	140
Кукурузы	2270	3256	90	212
Сахарн. свеклы . . .	2400	3092	182	210
Табака	3200	3600	154	182
Риса	3500	4500	140	182

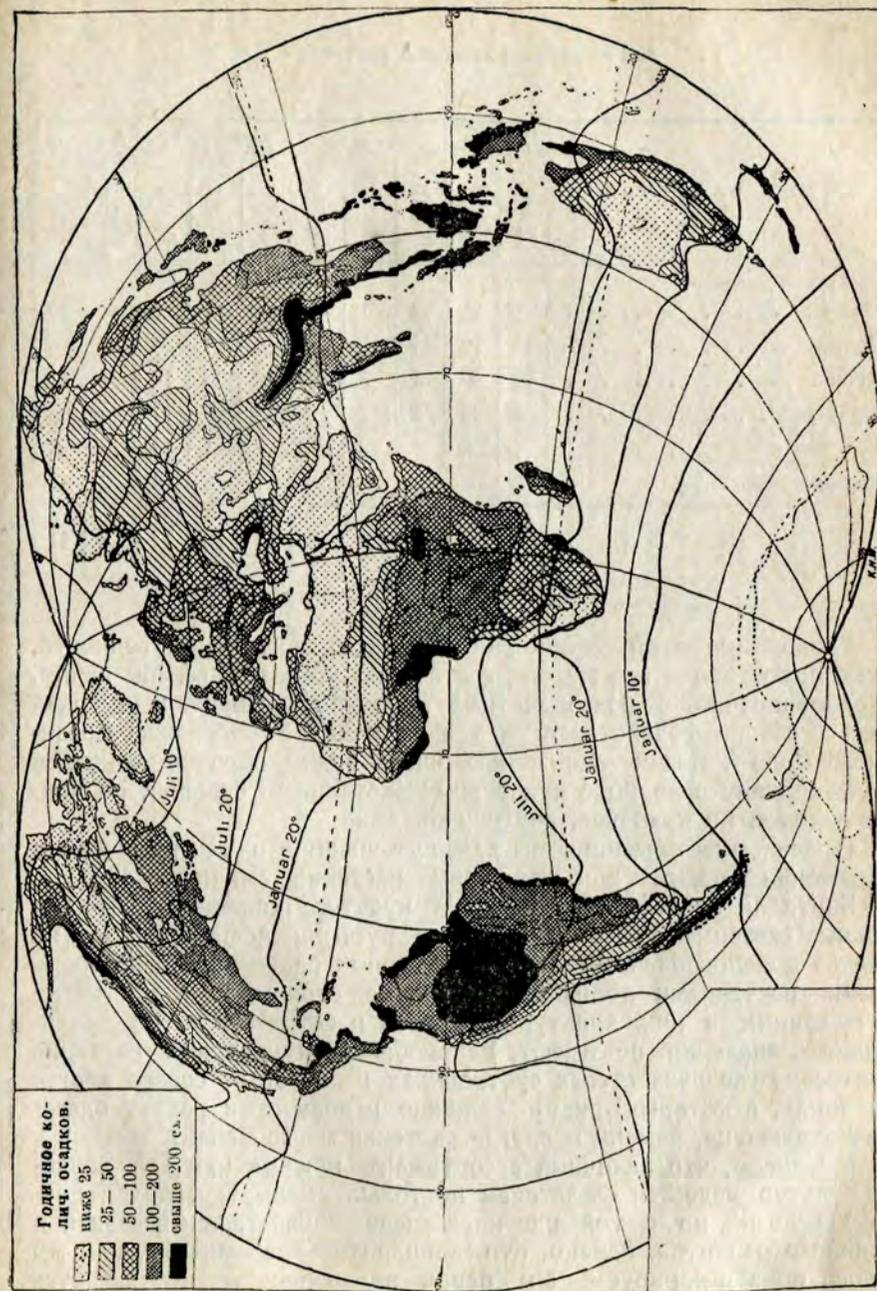
Не менее велики различия и в потребном количестве воды для произрастания, например, яровой пшеницы и риса на поливных землях.

Вне культурного хозяйственного освоения остаются до сего времени все холодные полярные страны С. Америки и Евразии, а также цепь безводных пустынь, прорезающая материки Старого Света. Обратно, наиболее хозяйственно освоенными мы находим теплые и умеренные страны с достаточным увлажнением.

Развитию земледелия в указанных странах в сильной мере содействовал состав местных растительных культур. Надо констатировать, что не только состав дикорастущих растений в смысле их количества и качества сильно меняется в пространстве под влиянием изменения количества тепла, света, влаги, но что и ассортимент культурных растений также идет по тому же пути. Ярким примером большого различия в составе растительных культур являются вертикальные зоны субтропиков и тропиков. Поднимаясь от подошвы гор к снеговым вершинам Гималаев или Анд, мы на протяжении небольшого пространства находим не только смену природных зон, но и все большее сокращение, по направлению к вершинам, количества видов растений.

Как конкретно складывается география культурных растений по земному шару прежде всего в зависимости от количества тепла и влаги, а затем и под воздействием культуры человека, об этом можно судить по данным Хека, который изучил распространение 431 вида культурных растений.

КЛИМАТ ЗЕМНОГО МИРА

Карта № 3.

Изотермы. Июля 10°, января 10° экваториальн. граница полярной области с очень недостаточн. летним теплом. Июля 20° (сев.), января 20° (ю.). Границы теплого лета января 20° (сев.), июля 20° (ю.). Границы устойчивой теплой тропической зоны.

Фитогеографические районы.

Культ. растения.	Европа.		Азия.			Америка.			Африка.	
	Северн.	Средн-земн.	Внутр.	Восточ.	Индия.	С.-Зап.	Анды.	Троп.	Южн.	Троп.
Хлебá.	1	15	4	1	7	—	1	6	—	10
Плоды.	13	19	1	10	32	6	9	35	—	6
Овощи	12	20	1	3	21	2	3	10	1	11
Вкус. раст.	8	25	2	2	12	3	—	11	—	5
Технические.	1	8	1	10	22	—	1	11	—	8
Медицинские	2	6	1	3	—	1	6	4	2	1
Итого	37	93	10	29	94	12	20	77	3	41

Приводимые нами данные не имеют статистической точности, но как иллюстрация все же они достаточно убедительны. Мы видим, как одновременно и благоприятные природные условия, и высокая старая культура содействуют в теплом климате побережья Средиземного моря и Индии умножению числа видов, обратно—находим убогую картину в подборе культурных растений в суровой, по климату и дикой по культуре, внутренней Азии.

Отмечаемые тенденции мы далее уточняем в их географическом изображении на карте зон культурных растений (см. карта № 1).

Карта и приведенный перечень культур показывают, что ни холодные северные тундры, ни жгучие пустыни Африки и Азии не являются приспособленными для культурных растений. Бедны культурными растениями холодные умеренные страны, т. к. многие из перечисленных в них культур там хотя и встречаются, но хозяйственного значения не имеют. Разнообразие культурных растений значительно увеличивается в субтропиках и достигает своего апогея в тропиках, в которых рядом с какао и ананасами растут благополучно пшеница, ячмень и другие растения менее теплых зон.

Мы знаем, что наличный ассортимент нужных нам для хозяйства культур является следствием не только климатических и почвенных условий, но в той или иной мере хозяйственных связей и стихийного развития, однако, эти дополнительные влияния, как мы сказали, пока игнорируем. Мы берем за основу то, что является общим почти всем природным зонам в пределах каких бы материков они ни находились.

СХЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ИСПОЛЗУЕМЫХ РАСТЕНИЙ ПО ПРИРОДНЫМ ЗОНАМ.

Культ. растения.	Европа.		Азия.			Америка.			Африка.		Зона (тундрово-таежная полоса).
	Северн.	Средн-земн.	Внутр.	Восточ.	Индия.	С.-Зап.	Анды.	Троп.	Южн.	Троп.	
Хлебá.	1	15	4	1	7	—	1	6	—	10	Полярная зона (тундрово-таежная полоса).
Плоды.	13	19	1	10	32	6	9	35	—	6	
Овощи	12	20	1	3	21	2	3	10	1	11	Холодная умеренная зона (лесная, дерново-подзолистая полоса).
Вкус. раст.	8	25	2	2	12	3	—	11	—	5	
Технические.	1	8	1	10	22	—	1	11	—	8	Средне-умеренная зона (лесостепная полоса).
Медицинские	2	6	1	3	—	1	6	4	2	1	
Итого	37	93	10	29	94	12	20	77	3	41	Теплая умеренная зона (степная полоса).
											Субтропическая с достаточным увлажнением зона.
											Тропическая с достаточным увлажнением зона.

Кофе ¹⁾.
Какао.
Бананы.
Сахар. тростник.
Кокосы.
Каучук. дерево.
Пряности:
(Кор., гвозд., ван.)

¹⁾ Подчеркнуты культуры в тех зонах, в пределах которых они имеют большое хозяйственное значение.

Чтобы яснее подчеркнуть экономико-географическую сущность распределения полезных растений по природным зонам, остановимся на следующей схеме:

При изучении этого вопроса особенно существенно подчеркнуть различие между границами физической возможности распространения той или иной культуры и границами наиболее выгодного разведения таковой. Мы имеем сейчас во многих работах ботаников данные¹⁾ о границах распространения пшеницы, ячменя, винограда, яблони, абрикосов, персиков и т. п. В чрезвычайно интересной работе Вавилова, Н. И. и Макарова, И. Ф. мы имеем попытку дать границу земледелия Союза²⁾. Экономисты-географы очень заинтересованы в расширении подобного рода работ и на другие области знания культурных растений, но было бы глубоко ошибочным считать, что граница винограда, проходящая через Варшаву, Чернигов, Воронеж, Саратов, отграничивает нам область хозяйственно выгодного разведения винограда. Эта область расположена значительно южнее в Бессарабии, Крыму, на Кавказе. Вообще надо признать, как общее правило, что физиологическая граница охватывает значительно большую территорию выращивания какого-либо растения, чем граница очерчивающая промышленное производство этой культуры, основанное на особых выгодах эксплуатации определенных природных условий.

Возвращаясь к приведенной нами схеме видим, что около экватора растительность вообще пестра и количество хозяйственных растений, имеющих там, поражает своим многообразием видов. Обратное, состав хозяйственно-полезных культур, встречающихся около полюсов, крайне ограничен.

Как видно из нашей схемы, отмечаемые нами природные противоположности, в мировом земледелии оказываются окруженными различными переходными природными зонами, в которых в той или иной степени сказывается или мертвящее начало холода, или, наоборот, благотворное воздействие тепла.

В нашу схему мы ввели условно только изменения состава растительных культур, связанные с количеством тепла и света, допуская всюду наличие достаточного количества влаги. Но в действительности мы имеем и заболоченные пространства с избытками влаги и обратно остро засушливые пустыни. Эти колебания во влажности также влияют на отбор культурных растений и влияние их иное, чем воздействие тепла и света. Не анализируя деталей, мы в нашем изложении ориентируемся на общую проявляющуюся и здесь тенденцию, которая ведет к увеличению количества культурных растений в условиях достаточного для каждой зоны увлажнения и к сокращению количества видов культурных растений при нарушении такого водного режима.

¹⁾ Танфильев, Г. И. Очерки геогр. и истор. главн. культ. раст. 1923 г

²⁾ Карта земледелия СССР Макарова, И. Ф., под ред. Вавилова, Н. И.

Приведенная выше схема не может претендовать на точность, она только иллюстрирует основные тенденции, и это она делает в достаточной мере. Мы распределили в этой схеме важнейшие растительные культуры по природным зонам, ориентируясь на то, что физическая граница тех или иных растений сужается пропорционально их требовательности на тепло и длину вегетационного периода.

В ином направлении большею частью от берегов морей и океанов к засушливым центрам материков идут, как мы знаем, иные связанные с количеством влаги изменения в составе культурных растений.

На фоне географии диких и культурных растений отчетливее выступает география земледельческого хозяйства.

Направление специализации каждой зоны основывается главным образом на тех культурах, в отношении которых она встречает меньше конкурентов. Как видно из схемы, число конкурентов увеличивается от экватора к полюсам. Растения с малыми требованиями к природным условиям могут давать и нередко дают свои продукты повсеместно. Мы находим такие культуры как ячмень, овес, травы во всех обозреваемых нами зонах. Но проявление их, однако, не везде одинаково. Культуры эти в своем максимуме (корма, травы, ячмень, рожь, овес) большею частью представлены в тех природных зонах, которые не обладают наилучшими природными условиями; особенно ярко проявляется это в умеренно-холодных, в холодных и в полупустынных засушливых странах. Здесь находим или использование земли под выпас (т. е. хозяйственная эксплуатация кормовых трав), или развитие нетребовательных зерновых культур. Обратное, производство кофе, чая, хлопка оказывается в своем распространении сильно локализованным. Эта сельскохозяйственная локализованность не менее выражена, чем, допустим, локализация залежей железа и каменного угля, которые, как мы знаем, в очень большой мере определяют географию металлургии.

Чем уже локализация растений, тем ярче выявляется специализация хозяйства в соответствующих районах. Здесь чаще, чем где-либо, мы встречаемся с монокультурой, и такая узкая специализация, конечно, объясняется прежде всего монопольным (вне конкуренции) положением в мировом хозяйстве этих районов, производящих чай, кофе, хлопок и проч.

Отмечаемая нами относительная повсеместность или локализованность отраслей земледелия играет огромную роль в географическом размещении потому, что параллельно таковой идет изменение показателей себестоимости производства и соотношения доходности тех или иных отраслей в районах. Районы, имеющие наименьшую мировую себестоимость хлопка, пшеницы, риса, табака, льна,

являются большею частью в то же время и важнейшими поставщиками этих продуктов ¹⁾).

Что именно вопрос выгодности связывает судьбу места выращивания той или иной культуры с определенными климатическими и почвенными условиями в известной части земельной поверхности при условии участия в общественном разделении труда,— в этом можно убедиться легко. Достаточно проследить развитие земледельческого хозяйства в таком прогрессивном народном хозяйстве, как С.-А. Соедин. Штаты, чтобы увидеть, как усиленная специализация земледелия, при наличии широко развитого усовершенствованного транспорта приспособляется там к природным условиям.

Рядом с процессом специализации применительно к природным условиям агротехника, как мы говорили, усиленно работает над акклиматизацией и селекцией растений. Помимо таких огромных завоеваний в земледелии, как перенесение картофеля из тропиков в холодные страны, мы видим значительные успехи с культурой пшеницы в засушливых краях, с развитием посева риса в умеренном поясе и другие. Еще больше успехи человека проявились в том, что он в своих хозяйственных задачах научился одни растения заменять другими. Сахар, получавшийся в прошлом гл. обр. из сахарного тростника, в настоящее время добывается в значительной доле из свекловицы. Мы имеем большое разнообразие растений, дающих жиры или крахмал. Все это позволяет человеку шире подчинять природу своим хозяйственным целям.

Но, несмотря на все эти завоевания, несколько уменьшающие специфические черты влияния природного разнообразия, все же указанные достижения не могут парализовать выгоды общественного разделения труда на основе приспособления тех или иных отраслей земледелия к различиям природных условий. Все сказанное достаточно свидетельствует, что в мировом общественном разделении труда каждая земледельческая отрасль стремится использовать наиболее выгодные для ее производства природные условия.

Если главное внимание при ориентировке на природные условия следует уделить зональным признакам, то рядом с ними мы, конечно, также должны иметь в виду и вертикальные зоны горных местностей с расчлененными узкими полосами различных климатических и почвенных поясов, а также и менее значительные

¹⁾ Материалы для проработки этих вопросов дают многие американские работы, напр., о пшенице, кукурузе, хлопке в *Yearbook of Dep. of Agriculture 1921 г.* В русской литературе мы имеем работы по себестоимости А. В. Чайнова (о хлопке и свекловице), Н. П. Макарова и др. Интересную работу под руководством Л. Н. Литюшенко выпустило в 1929 г. ЦСУ—«Стоимость производства важнейших полевых культур». N. Sasny. Die Konkurrenzfähigkeit der wichtigsten Überseeländer auf dem Weizenweltmarkt. Ber. ub. Landwirtschaft B. IX 1928.

природные различия, связанные с изрезанным рельефом и пестротой почв.

Как мы уже видели, ориентировка той или иной растительной культуры на определенные природные условия идет не с одинаковой выраженностью. Чем больше выгоды дает эксплуатация земли той или иной культурой, тем большее значение эта культура получает, как основа организации всего земледелия.

Мы уже указывали на возможность более или менее устойчивого существования, при исключительных природных условиях и при внесении вместе с тем значительного количества удобрения—монокультуры. Нередко монокультурность еще связана также и с тем, что выращивается многолетняя культура, требующая обычно больших капиталов и используемая вследствие этого до пределов целесообразной амортизации. Так дело обстоит с виноградниками, садами, кофейными плантациями и пр.

Но в большинстве случаев, земледельческое производство организуется, как мы знаем, иначе. Рядом с культурой, на которой выгодно специализироваться хозяйству, на поле высеваются культуры по требованиям своим к почве, к труду, к капиталам несколько иные; вместе они и обеспечивают в известных масштабах организационно-хозяйственную возможность указанной специализации. Вместе со льном сеют клевер, зерновые, картофель. Клевер хорош, как предшественник льна. Он, кроме того, обеспечивает корм скоту и навозное удобрение. Зерновые требуют небольшого количества труда и в иное время, чем лен. Картофель также хорош, как предшественник льна, а кроме того, увеличивает продовольственные ресурсы хозяйства, сокращенные вследствие сужения посевов ржи.

Такого же порядка расчет мы найдем и в хозяйстве, производящем хлопок, пшеницу, кукурузу, свеклу и проч. Во всех этих сочетаниях культур наблюдается одна довольно характерная черта. Мы указывали, что наиболее повсеместными культурами являются травы и зерновые. Те же самые культуры особенно часто выступают в качестве вспомогательных при основных специальных культурах. Помимо того, что это объясняется приспособляемостью их к природным условиям, а также и потому, что они отличаются малой требовательностью к почве, довольствуются относительно небольшими затратами труда и капитала; кроме того, травы и зерно дают основной фонд продовольственный и кормовой, и это также ведет к усилению их повсеместности (см. карту № 4).

Противоположными чертами, а именно—большой рыночностью, значительными затратами труда и капитала приходится характеризовать те культуры, которые имеют тенденции к обостренной локализации в специализированные районы (см. карту № 5).

Количество затрачиваемых дней на 1 десятину.

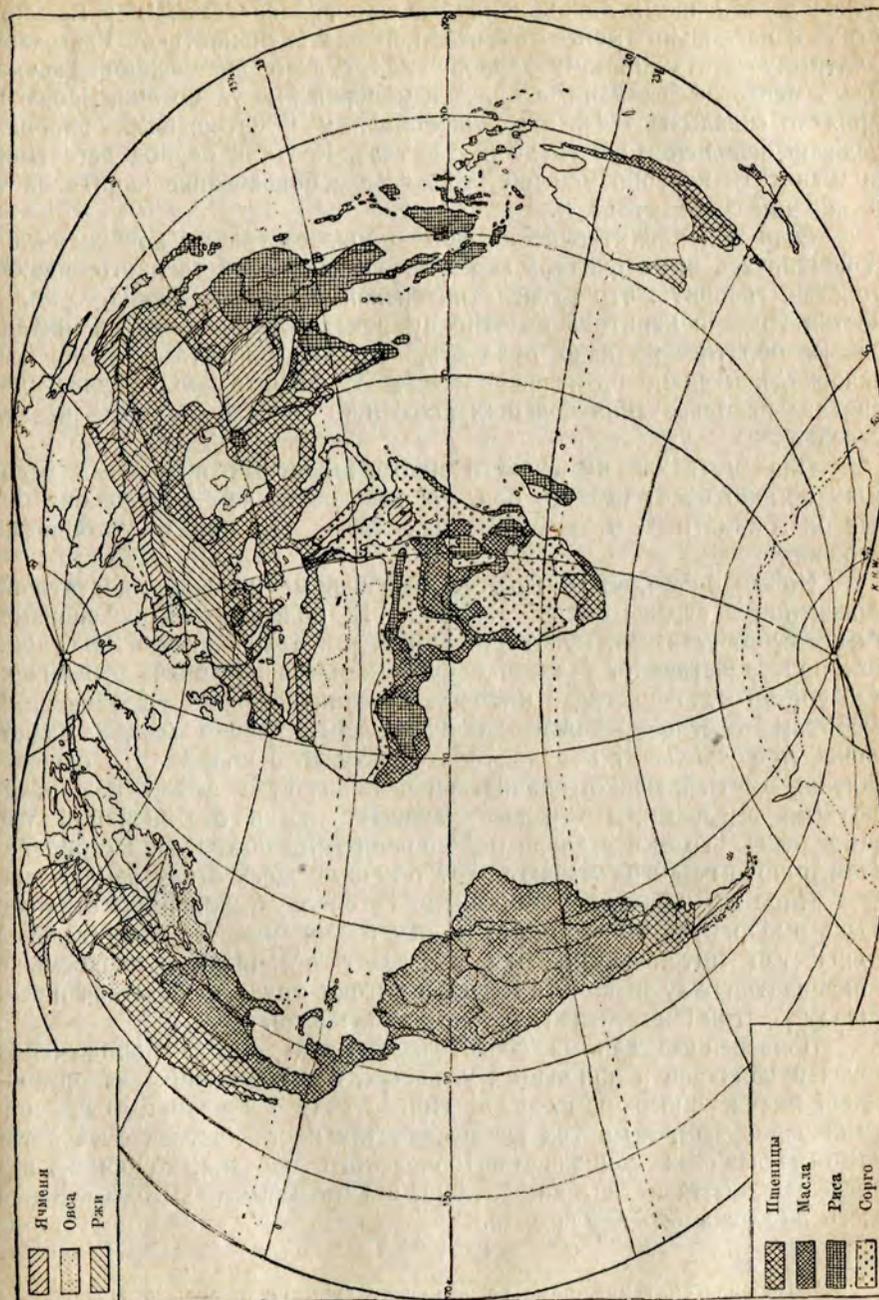
Культурные растения.	В Германии (для тяжелых почв по Ватеристрадту).	В Чехии (в свекловичном р-не).
Клевер	8,3	14
Ячмень	17,5	19
Овес	16,5	20
Пшеница	23,4	23
Рожь	18,6	28
Картофель	49,8	62
Сах. свекла	60,3	116

Эти указания подводят нас к необходимости разобраться в вопросе, как на границы хозяйственно-выгодного разведения той или иной культуры в реальных условиях будут влиять, помимо благоприятных природных условий, другие слагаемые этой себестоимости, снижающие или повышающие себестоимость продукта: рабочие издержки, затраты капиталов, издержки по провозу. Все эти издержки могут или сжимать, или расширять территорию хозяйственного распространения той или иной культуры в пределах области, где возможно выращивать интересующее нас растение по физиологическим условиям. Остановимся на вопросе—как влияют выгоды вложения труда и капитала на географию земледелия.

Тепло и влага, взятые при их благоприятном в то же самое время сочетании, не только ведут к возможности располагать большим ассортиментом растительных культур, но, что особенно важно, длинный вегетационный период (при достаточной влажности) облегчает возможность более быстрого восстановления почвенного плодородия, обеспечивает возможность шире использовать имеющиеся в хозяйстве запасы труда и капитала на одном и том же участке, может, наконец, позволить собирать два урожая в год. Этого мы не найдем на холодном севере и в засушливых степях (без полива).

Там, благодаря краткому теплему периоду или также тому, что выпадает мало осадков, микробиологические процессы и аэрация почвы совершаются слабо, а вместе с этим и земледелие требует для восстановления плодородия почвы или залежной системы в

ЗЕРНОВЫЕ ЗОНЫ ЗЕМНОГО ШАРА

Карта № 4.

более экстенсивных районах или же паровой системы, ¹⁾ в местностях с несколько менее выраженной экстенсивностью. Благодаря краткому вегетационному периоду или сильно выраженной засухе, здесь менее эффективными будут и минеральные удобрения. Неблагоприятно складываются в этих же холодных и засушливых районах условия использования труда и капитала. Краткий период вегетации вызывает то переобременение, то малое использование капиталов в различные сезоны года ²⁾.

Если при характеристике форм производства мы должны были, ориентируясь на структуру средств сельскохозяйственного производства, говорить, что отрасли интенсивные требуют меньшего количества труда и капитала на единицу земельной площади, а интенсивные наоборот, то надо признать, что благоприятные природные условия, как видно из изложенного, дают значительно лучшие условия для использования больших вложений труда и капитала в земледелие.

Одна и та же культура в неблагоприятных природных условиях обычно будет вестись более экстенсивно, чем в условиях более благоприятных, обеспечивающих более высокий и устойчивый урожай.

Но мы знаем, что холодные, засушливые и теплые, достаточно увлажненные страны имеют возможность пользоваться не одинаковыми ассортиментами культур; мы находим в холодных и засушливых пространствах (в условиях сухого земледелия) очень ограниченный состав культур, среди которых мало интенсивных. Ограниченный ассортимент культур сильно затрудняет выбор рационального плодосмена, что усиливает необходимость держать в полеводстве пар или залежи, иметь нередко значительное количество земли под абсолютными выгонами, и в целом укрепляет здесь экстенсивный тип земледелия. Только условия подгородного хозяйства с их своеобразием рыночных выгод меняют этот обычный здесь стиль земледелия.

Иное мы находим в теплых достаточно увлажненных странах. Здесь выбор культур огромный и среди них имеется значительное количество интенсивных. Это облегчает организацию плодосмена, сокращает нужду в паре, повышает выгоды труда и капитала и усиливает местный интенсивный уклад земледелия.

Приведенные данные свидетельствуют о выгодах приложения труда и капитала в природных условиях, благоприятных для организации интенсивного земледелия. Но, на ряду с указанными природными условиями, мы в тех же местностях иногда встречаемся с такими наследиями социально-исторического порядка, которые в атмосфере капиталистических отношений повышают выгоды ведения здесь интенсивного земледелия.

¹⁾ Паровая система, кроме того, играет серьезную роль в засушливых областях в деле накопления влаги в почве.

²⁾ Маркс К.—Капитал, т. I, 1899 г., стр. 426, т. II, 1885 г., стр. 172.

В тех же местностях, где мы находим благоприятные природные условия, повышающие выгоды производства интенсивных отраслей, мы нередко встречаем еще наличие низкой оплаты труда в сельском хозяйстве, которая значительно снижает себестоимость производимых продуктов. В главе об общественно-исторических условиях развития мы постараемся показать, почему нередко в районах с широко развитыми интенсивными культурами мы имеем вследствие обостренной, исторически сложившейся эксплуатации труда, — низкую оплату сельскохозяйственных рабочих. Здесь же ограничимся только указанием, что наиболее производительными странами, дающими дешевые тропические и субтропические продукты, являются не случайно Китай и Индия, имеющие очень низкую оплату труда. Не случайно Сев.-Американск. Соединен. Штаты завоевали своим хлопком мир при содействии черного населения своего юга. У нас в СССР в районах низкой оплаты труда широко развиты посевы свекловицы.

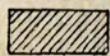
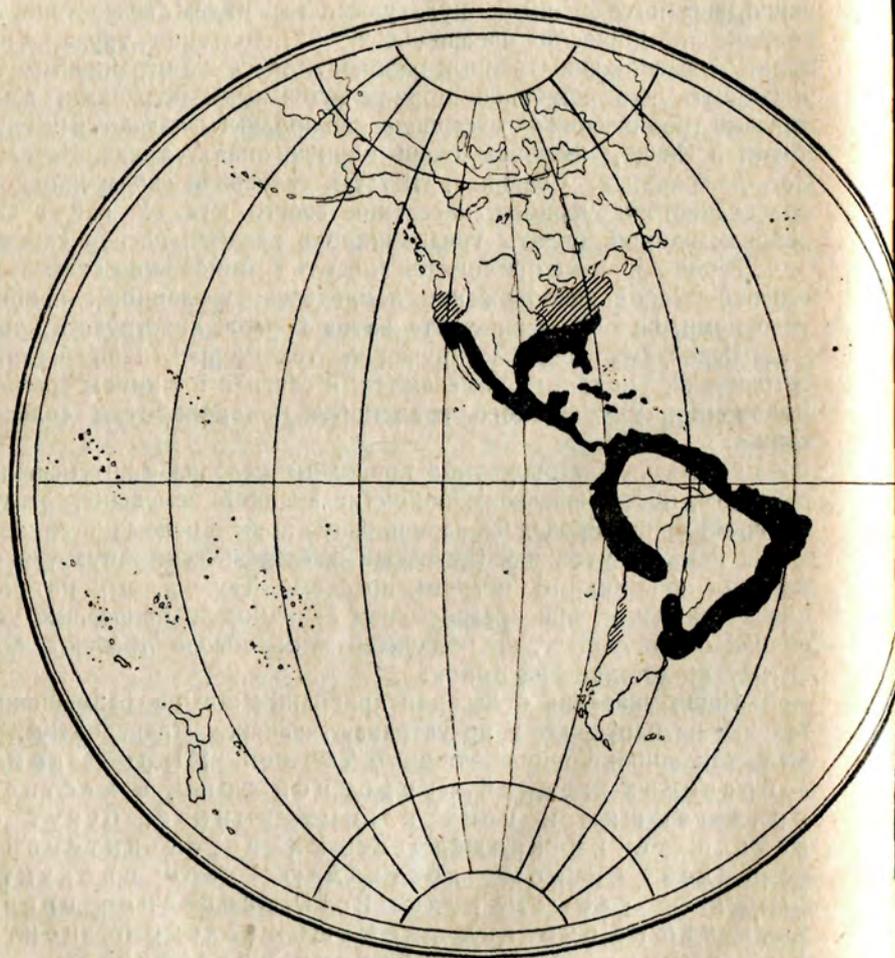
Такие поправки приходится вносить в данное выше схематическое географическое расположение земледелия, увязанное с природными условиями, на основании учета выгод приложения труда и капитала.

Перейдем теперь к изучению тех коррективов в географии земледелия, которые намечаются в связи с **влиянием рыночного положения, улучшенного транспорта и переработки сельскохозяйственного сырья.**

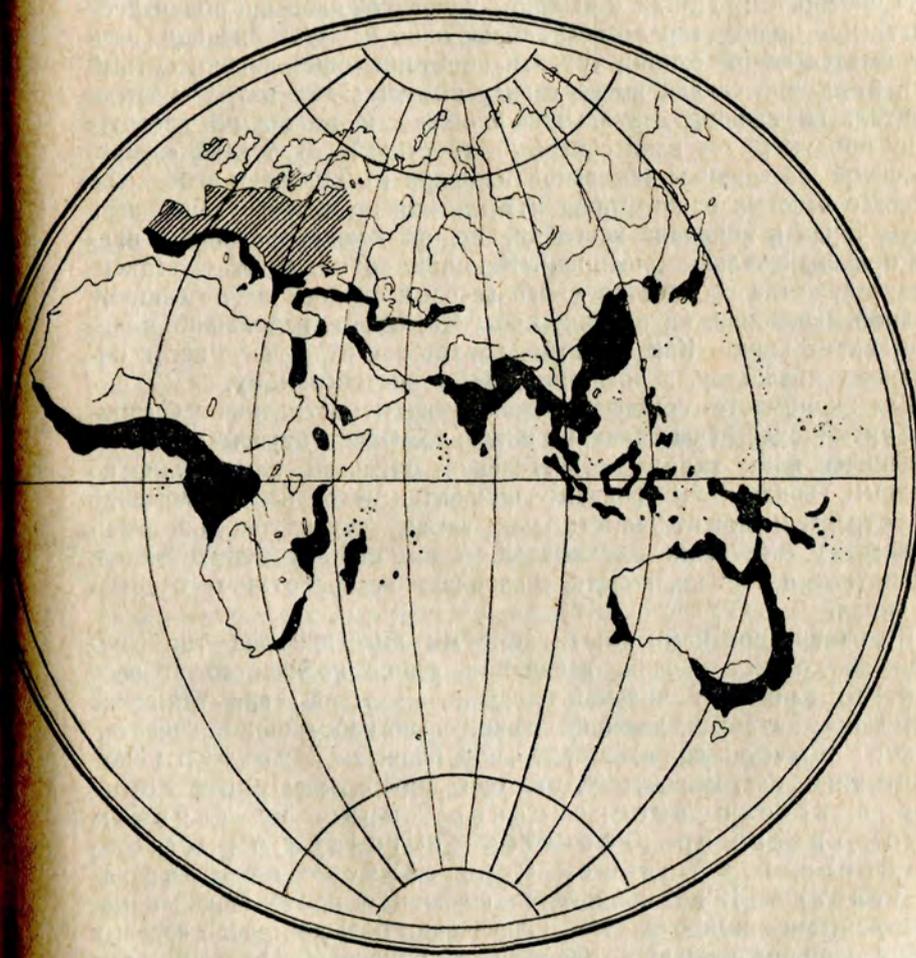
Связывая благоприятные природные условия с интенсивным хозяйством, обеспечивающим покрытие высокой земельной ренты, мы все время ориентировались на природные зоны в целом и в то же самое время пока не уточняли географии земледельческих культур внутри таковых зон. Как мы помним, по схеме Тюнена его интенсивные пояса создаются, при предпосылках одинаковых природных условий, вблизи от города, т. к. продукты этих поясов требуют больших затрат по доставке на рынок.

Наши указания о влиянии природных зон на размещение земледелия не нарушают и не устраняют влияния транспортных издержек, так широко проработанного Тюненом. Мы полагаем, что в пределах каждой природной зоны, в местностях, прилегающих к центральному рынку, будут отбираться те из возделываемых здесь интенсивных отраслей, которые доставляют свои продукты на рынок в свежем виде. Есть основание предполагать, что на окраинах, лежащих далеко от центральных рынков, будет, наоборот, преобладать более экстенсивное сельское хозяйство, в некоторых случаях намеченные Тюненом — экстенсивное зерновое хозяйство и скотоводство. Но география современного мирового сельского хозяйства значительно сложнее и не укладывается в одни Тюненовские пояса, даже и в тех случаях, когда эти пояса по ассортименту возделываемых в них культур будут достаточно ярко отражать природные зональные условия.

Зоны
ПРОМЫШЛЕННЫХ И ИНТЕНСИВНЫХ КУЛЬТУР
ЗЕМНОГО ШАРА

ОСНОВНЫЕ ЗОНЫ: КАРТОФЕЛЯ, СВЕКЛЫ, ЛЬНА, КОНОПЛИ, ТАБАКА, ВИНОГРАДА И ЯБЛОК

ОСНОВНЫЕ ЗОНЫ САХАРНОГО ТРОСТНИКА, КОФЕ, БАНАНОВ, ХЛОПКА, КОКОСОВ, АМЕРДИСИНОВ, ПРЯНОСТЕЙ, ТАБАКА

Чтобы уточнить экономическую связь интенсивных отраслей с благоприятными природными условиями, а экстенсивных—с худшими, мы остановимся на вопросе, как слагаются издержки производства и транспортные расходы в различных отраслях.

Высота уровня себестоимости продукта, оставляя пока процессы переработки в стороне, может слагаться в земледелии четырьмя способами: 1) когда с единицы земельной площади получается значительное количество по весу сырья и на каждую единицу веса затрачивается много единиц труда и капитала (опий, высокосортный табак), 2) второй случай имеет в виду значительные затраты труда и капитала на единицу земельной площади и малый на весовую единицу продукта (свекла, сахарный тростник), 3) третий случай, когда с той же единицы земельной площади мы получаем небольшое количество весовых единиц продукта и, хотя на земельную площадь затраты труда и капитала невелики, но на каждую единицу продукта они значительны (пшеница). Наконец, возможен и 4) четвертый случай, когда собирается много весовых единиц, но на единицу земельной площади и на единицу продукта падает небольшое количество затрат (сено). Как известно, первые два пути ведут нас к интенсивному хозяйству, а последние два—к экстенсивному.

Для экономиста-географа указанные пути построения себестоимости имеют очень существенное значение. Ориентируясь на вышеприведенную нами схему распределения отраслей земледелия по природным зонам, мы должны признать, что на размещение этих отраслей может влиять как самая структура издержек производства (издержки на капитал и на рабочие руки), так и транспортные издержки, вместе с влиянием переработки весотеряющего сырья.

По намеченной нами выше схеме мы выделили два типа интенсивного хозяйства: один, дающий большое количество по весу продуктов с единицы земельной площади, а второй, при таких же значительных затратах, дающий сравнительно небольшое количество продуктов по весу с единицы земельной площади. Культуры последнего типа, благодаря тому, что они вырабатывают не теряющее в весе и высокоценное сырье, не связаны местом своего производства с выгодами рыночного положения, и в большей мере зависят от природных условий. Иное приходится сказать о преобладающем количестве интенсивных отраслей, получающих большое число весовых единиц с единицы земельной площади. В отношении этих культур приходится решать, где их рентабельнее выращивать: в условиях выгодного рыночного положения, или при наиболее благоприятной природной обстановке. Выдвинутый нами вопрос отчасти уже был освещен ранее (гл. IV). Мы указывали, что, с одной стороны, развитие улучшенного дешевого транспорта позволяет интенсивному хозяйству удаляться от центров сбыта, а с другой,—в том же направлении подталкивает

интенсивное хозяйство переработка продуктов земледелия, которая превращает на месте весотеряющее сырье в чистый материал, таким образом, снижает транспортные издержки.

Развитие дешевых и усовершенствованных путей сообщения за последнее десятилетие XIX в. и в начале XX—расширили добытие джута, хлопка, льна, кофе, какао, чая и других продуктов интенсивного хозяйства в соответствующих благоприятных природных условиях. Низкие морские фрахты и облегчение подвоза товара к портам, благодаря речному и железнодорожному паровому транспорту, форсируют развитие плантаций указанных культур в огромном удалении от центральных рынков сбыта.

В том же направлении и часто с еще большей эффективностью влияет усовершенствование переработки грубого весотеряющего сырья на месте. Классическим примером в этом отношении является введение механической первичной обработки хлопка в южных штатах Сев. Америки. Очистка хлопка, а затем и развитие масляной промышленности из хлопковых семян, чрезвычайно снизили себестоимость основного продукта и обеспечили ему мировое хозяйственное значение. Переработка грубого сырья в той или другой форме совершается в большинстве интенсивных отраслей земледелия. Только после такой переработки поступают на рынок в товарном штандортном виде лен, кофе, чай, свекловичный и тростниковый сахар, джут, крахмал и другие продукты. Значение переработки весотеряющих продуктов интенсивного хозяйства на месте было так огромно, что оно во многих случаях, больше способствовало развитию этих отраслей в отдаленных странах от центральных рынков, чем даже улучшенные пути сообщения. Это приходится подчеркивать потому, что доставка хлопкового сырья или свекловицы на местные заводы в большинстве стран-производительниц совершается до сего времени довольно примитивным гужевым способом. Усовершенствованный транспорт используется обычно только при отправке получающегося в результате переработки чистого продукта, составляющего нередко незначительную долю полученного с поля грубого сырья.

Таким образом, кроме благоприятных природных условий, способствующих процветанию интенсивных культур, мы должны были указать на большое значение в размещении их технической переработки, выгодного использования труда и капитала, а также отметить некоторое влияние улучшенного транспорта.

Иначе слагается экономическая обстановка, благоприятствующая развитию экстенсивных культур в умеренных странах. Здесь наиболее мощным фактором, влияющим на расширение посевов, является усовершенствованный транспорт. Главный представитель этих культур—зерно, является продуктом, не теряющим в весе при переработке, и, таким образом, на расширение посевов зерна главным фактором,

оказывающим наибольшее влияние, надо признать усовершенствованный транспорт, особенно железнодорожный. Области и страны, достигшие мирового значения по производству пшеницы, являются большими равнинами, лежащими часто по водоразделам и вдалеке от морских путей. Такое географическое положение западных провинций Канады, центральных степных штатов С.-Америки, наших донских, волжских степей—сильно затрудняло развитие здесь рыночного зернового хозяйства. Только с проведением железнодорожного транспорта, эти огромные просторы становятся доступными для рыночного производства пшеницы.

Так применительно к выгодам использования природных условий, ориентируясь на возможность удешевления на месте себестоимости путем эксплуатации дешевого труда, опираясь на переработку весотеряющего сырья и отчасти дешевого транспорта, локализируются интенсивные отрасли земледелия. Рассеяние зернового хозяйства по окраинным странам мира, как мы видели, вызывается, главным образом, развитием транспортной сети.

Если приведенные выше карты географии зерновых и интенсивных культур наложить одну на другую и принять во внимание, что в местностях распространения интенсивных культур зерновые играют второстепенную роль, то при помощи такого наложения мы получим довольно ясную картину географии мирового земледелия. Интенсивное хозяйство все окажется лежащим в наилучших природных и экономических условиях, а зерновое, наоборот, отодвинется от хозяйственных центров, от берегов океанов и сдвинется в центральные части материков.

Таковы общие черты современной географии земледельческого хозяйства.

3. География переработки земледельческого сырья (техническая переработка, скотоводство).

В нашем предшествующем изложении мы ограничивали характеристику сельского хозяйства земледельческой его частью и только упоминали о скотоводстве вместе с технической переработкой продуктов земледелия. Нарисованную нами картину географических тенденций размещения земледелия необходимо сопроводить некоторыми данными и выводами, касающимися скотоводства и технической переработки продуктов сельского хозяйства.

Изложенное выше нас убедило, что между экономией на издержках транспорта и переработкой весотеряющего сырья на месте существует большая хозяйственная связь. Так как этот вопрос имеет существенное значение, то остановимся немного на иллюстрации того, как изменяются транспортные издержки на единицу веса после переработки земледельческого сырья техническим способом или скармливания его скоту.

Стоимость доставки продуктов сельского хозяйства и технической переработки ¹⁾.

Продукты.	Рыночная цена за центн. (=50 кг.) в марках.	Доставка одного центн. на расст. одной мили обходит. в % к цене товара при достав. по			Товар утрачив. полн. свою ценность при перевозке на расстоянии в милях.		
		прот. по 15 пф.	шосс. по 10 пф.	жел. дор. по 25 пф.	По прот. дороге.	По шосс. дороге.	По жел. дор.
		За центнеро-милю.					
Заводско-техническая переработка продуктов земледелия.							
Сахарн. свекла	1,00	15,00	10,00	2,50	6,67	10	40
Сахар	35,00	0,43	0,28	0,07	233,34	350	1400
Картофель	1,50	10,00	6,60	1,66	10,00	15	50
Картофельн. крахмал .	10,00	1,50	1,00	0,25	66,67	100	400
Спирт	20,00	0,75	0,50	0,12	133,34	200	800
Использование кормов в скотоводстве.							
К о р м а .							
Зеленые корма	— 50	30,00	20,00	5,00	3,34	5	20
Солома	1,00	15,00	10,00	2,50	6,67	10	40
Картофель	1,50	10,00	6,60	1,66	10,00	15	60
Сено	2,00	7,50	5,00	1,25	13,34	20	80
Овес, ячмень	7,50	2,00	1,30	0,33	50,00	75	300
Продукты животноводства.							
Молоко	4,00	3,75	2,50	0,62	27,34	40	160
Живой скот	20,00	0,25	0,25	0,25	400,00	400	400
Сало	40,00	0,37	0,25	0,06	266,07	400	1600
Сыр	60,00	0,25	0,16	0,04	400,00	600	2400
Масло	100,00	0,15	0,10	0,02	666,67	1000	4000
Кожи	100,00	0,15	0,10	0,02	666,67	1000	4000
Шерсть	210,00	0,07	0,05	0,001	1400,00	2100	8400
Мясн. экстракт	600,00	0,03	0,02	0,0004	4000,00	6000	24000

¹⁾ Т. Бринкман, 96 стр. (по Зеттегасту).

Всматриваясь в таблицу, мы видим, что при переработке земельного сырья техническим путем и в скотоводстве происходит нередко значительная потеря в весе сырья и значительный подъем одновременно расценки продукта. Остановимся на условиях ориентации технической переработки, на места добывания земельного сырья. Анализируя стадии производственного процесса по признаку большей или меньшей потери веса при прохождении их, мы можем уточнить, на какой стадии должна кончаться переработка сырья на месте.

Мы уже говорили ранее, что зерновые продукты являются чистыми продуктами, и из нижеследующей таблицы можно убедиться, что при перемоле зерна отбросов получается очень небольшое количество. Это ясно показывает, что зерно после обмолота может с достаточной выгодностью отправляться в места потребления и там перемалываться.

Влияние переработки на повышение себестоимости и потерю в весе.

Хлеб в снопах и его обмолот.	Абсолютная транспортная способность, вес начального продукта в колич. стоящем 1 р. франко-хоз-ва.	Повышение транспортности от переработки	
		% % выхода конечного продукта из сырья (а)	Коэффициент повышения транспортной способности $x = \frac{1}{a}$
Рожь	3,8	28	3,6
Овес	4,5	38	2,6
Пшеница	2,5	32	3,1
Зерно пшеницы и перемол в муку и отруби	1,1	98,5	1,01

Иной тип прохождения производственного процесса, значительно более сложный, находим мы в переработке льняного волокна. Здесь такой гранью, на которой обычно останавливается переработка на месте, является трепанье волокна.

Стоимость порции продукта разных стадий переработки, соответствующей 16 кило трепанного волокна (примерный расчет для пряжи № 14) ¹⁾.

Продукты разл. стадий переработки.	Количество.	Стоимость.	Разница стоимости.	Стоимость переработки.	Стоимость отходов.	Доход переработки.
Стебли	4,17	1,50	1,55	1,40	—	0,15
Треста	3,12	3,05	1,26	1,10	—	0,16
Мятый лен	2,50	4,31				
Трепанный лен в крестьянском хоз-ве	1,00	5,32	1,01	0,90	—	0,11
Трепанный лен на фабрике	1,00	7,38	2,06	2,00	—	0,06
Чесанный лен	0,92	8,18	0,80	0,50	0,40	0,70
Пряжа	0,67	13,00	4,92	4,64	0,50	0,76

Близкими к только-что описанному производственному процессу по переработке льна является также переработка картофеля в крахмал—патоку. После того, как на месте получается сырой крахмал, он обычно отправляется на более дальний рынок для технического употребления и для последующей переработки.

Стоимость порций продукта разных стадий переработки, соответствующих одному кг сырого крахмала.

Продукты разл. стадий переработки.	Количество.	Стоимость.	Разница.	Стоимость переработки.	Доход переработки.
Сырой картофель	4,5	3,60	—	—	—
Сырой крахмал	1,0	4,40	0,8	0,73	0,07
Патока	0,77	5,39	0,99	0,92	0,07
Паточное варенье	1,10	11,93	6,54	6,00	0,54

Кроме примеров, взятых из земельного хозяйства умеренных стран, мы можем указать на то, что при очистке выход хлопка-волокна равняется $\frac{1}{3}$ по весу сырца, что при переработке кофе на месте из 100 килограммов свежих кофейных плодов получается 20 кг кофе в зерне.

¹⁾ Чаянов, А. В. Основ. идеи орг. сел.-хоз. кооп. 1927 г., стр. 188 и 220.

Рассмотренные выше случаи довольно убедительно показывают, что в производственном процессе для каждого вида сельскохозяйственного сырья можно найти оптимальную стадию, до которой должна идти на месте переработка продукта для получения максимально транспортабельного и чистого его состояния. Ходовые товарные формы обычно и являются такими стихийно отобранными оптимальными по экономии на транспортные издержки формами. Чем больше потеря в весе при переработке, тем ближе к местам добытия сырья организуется производство, ведущее такую переработку. Трепанье льна, крахмалотерочное производство, свеклосахарное, винокурное,—все тяготеют к хозяйству, добывающему сырье. Масложировые предприятия, извлекающие от 25 до 35% масла из семени, обычно располагаются в некотором удалении от мест добытия сырья. Еще дальше от сырьевой базы помещаются крупное мукомолье, прядение текстильных материалов и прочие производства.

Приведенные данные убеждают нас в том, что специализация земледелия на таких отраслях, как картофель, свекла, сахарный тростник и проч., и, следовательно, обслуживание ими широких районов, может осуществляться только при условии, когда получаемое сырье будет перерабатываться на месте. Мы уже говорили выше, что природные условия часто ведут к сильно выраженной локализованности интенсивных отраслей. К сказанному мы теперь можем добавить, что такую локализованность земледелия в очень большой мере еще обостряет местная заводская переработка, которая, в стремлении получить наибольший доход, будет особенно сильно ориентироваться на районы с наибольшей урожайностью, так как таковая одновременно и гарантирует низкую себестоимость сырья в производящем земледельческом хозяйстве и дает возможность сокращать, как видно из таблицы, тяжелые гужевые расходы по подвозу сырья к заводу.

Так решается вопрос о доведении продукта до оптимальной транспортабельности и чистоты в отраслях земледелия, связанных с заводской технической переработкой.

Вместе с решением указанного вопроса мы должны установить, что в большинстве местностей с развитым интенсивным земледелием мы будем встречать производства по технической переработке сырья. В умеренных и теплоумеренных странах это будут винокурные заводы на картофеле и сахароваренные—на свекле. В субтропиках и тропиках джиновальни, винодельни, чайные и кофейные фабрики, сахароваренные заводы на сах. тростнике и т. п. Только при условии организации переработки добываемого весомо теряющего сырья на месте производящее его земледелие получает широкое промышленное развитие.

Чрезвычайно интересную картину способов выполнения тех же заданий повышения транспортабельности сельскохозяйственных продуктов, мы встречаем в симбиозе между земледелием и скотоводством. Большинство кормовых средств, которыми пользуется скотоводство, является не только малотранспортабельными продуктами, но, кроме того, и повсеместными. Выше мы приводили данные о транспортабельности различных кормовых ресурсов, идущих скоту, и тех продуктов животноводства, которые получают от продуктивного скота. На основании данных Джордана мы можем иллюстрировать ту весопотерю, которая получается при проходе кормов через желудок животного.

Из 100 ф. переваримых веществ корма вырабатывают:

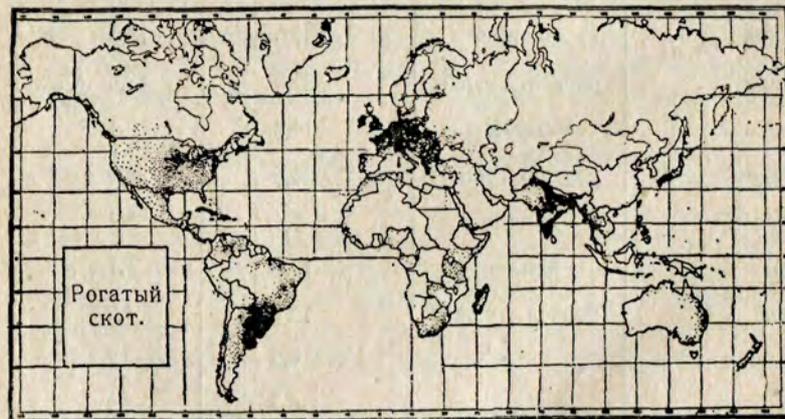
Животные.	Чем оплачивают корм	Продукты животноводства в фунтах.	
		Рыночн. продукты	Сухого вещества с'едобн. части
Корова	молоком	139,0	18,0
Свинья	раздел. тушей	25,0	15,6 (Сухой в. мяса и жира)
Корова	сыром	14,8	9,4
Теленок	раздел. тушей	36,5	8,1
Корова	маслом	6,4	5,4
Куры	яйцами	19,6	5,1
Птица	раздел. тушей	15,6	4,2
Барашек	"	9,6	3,2
Бык	"	8,3	2,8
Овца и ягненок.	"	7,0	2,6

Где и при каких условиях получают скармливаемые животным корма и каким именно животным они даются,—это и составляет предмет дальнейшего рассмотрения.

Мы знаем, что луговое хозяйство (от естественных пастбищных угодий до травосеяния) особенно ярко выражено в умеренных, более холодных и полупустынных засушливых зонах, а также в горных местностях. Требовательнее на природные условия зерновое хозяйство, дающее скоту зерно и солому, и еще более интенсивные отрасли земледелия. Усиливает концентрацию интенсивного земледелия в благоприятных природных условиях техническая переработка.

География типов скотоводства по направлению, т.е. производящих шерсть, сало, мясо, или молоко, в очень большой мере оказывается связанной через кормовую базу с земледелием (в широком смысле). Скотоводство ориентируется на ту или иную специализацию в зависимости от наличия в земледельческом хозяйстве тех или иных наиболее дешевых форм кормообеспечения. В очень большом числе случаев корма являются отбросами в земледельческом хозяйстве и в местной технической переработке. Солома, мякина, барда, и проч. продукты, являющиеся широко распространенными кормовыми средствами, не выдерживают никакой почти перевозки, так как расценка их за единицу веса крайне низка. Все это ставит сельскому хозяину ультимативно задание—или использовать получающиеся отбросы в скотоводстве и получить, увеличивая капиталы в хозяйстве, транспортабельный и доходный продукт, или эти отбросы будут совершенно обесценены, т. к. иначе, например, солому приходится употреблять на топливо.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СКОТА НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

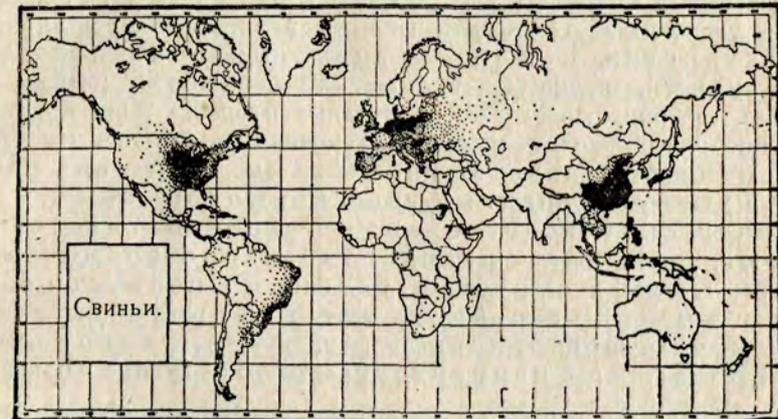

Карта № 6.

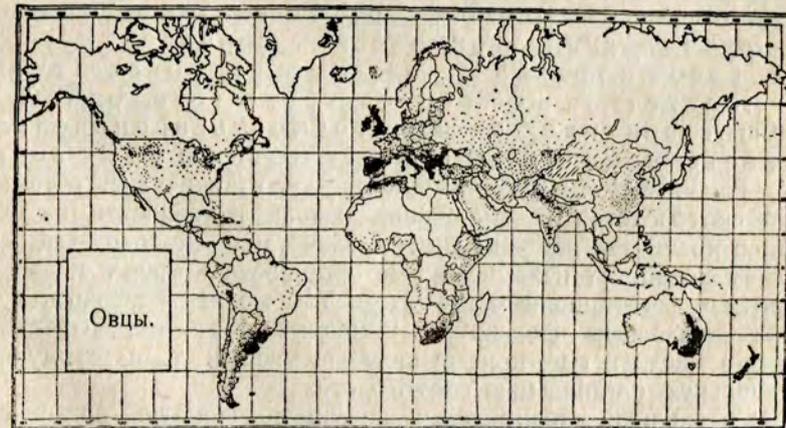
Связь скотоводства с земледелием не ограничивается использованием отбросов, как кормов. Использование таких кормовых средств, как сеянное сено, ячмень, кукуруза, картофель, повышая их доходность в хозяйстве, укрепляет значение этих отраслей в земледелии, позволяет уделять им то или иное место в полеводстве. Такой путь обеспечения кормами, когда таковые уже не являются отбросами в хозяйстве, а производятся с определенной целью обеспечить ими продуктивное скотоводство, обычно свойствен более интенсивным формам мясного и молочного скотоводства. Только при условии высокого качества продукта и особенно выгодного положения хозяйства по отношению к рынку оказывается рентабельным выращивать корма в полеводстве.

Помимо двух указанных методов организации кормообеспечения скотоводства, основанных на использовании грубого местного земледельческого сырья, для получения мяса, молока, шерсти, как на исключение, можно указать на употребление привозных концентрированных кормов. Это последнее наблюдается только в наиболее интенсивных формах преимущественно подгородного скотоводства.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СКОТА НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

Карта № 7.

Карта № 8.

Все изложенное говорит о том, что экстенсивные формы скотоводства: мясошерстное и мясомолочное, обычно, оказываются связанными также и с экстенсивными формами земледелия и тяготеют к наиболее неблагоприятным природным зонам. Даваемый этими отраслями

продукт—шерсть, масло, сало—отличается высокой транспортабельностью и легко преодолевает большие расстояния, обычно отделяющие эти зоны от центральных рынков. Добываемое в этих же странах мясо (Аргентина, Австралия, Канада) доставляется на центральные рынки холодным транспортом. Эти пространства являются, в целом, главнейшими мировыми базами добывания указанных продуктов животноводства. (Карта № 6, 7 и 8 см. на стр. 162—163).

Отрасли животноводства, доставляющие высокого качества мясо в свинине или в живом рогатом скоте, связываются уже не с экстенсивными формами земледелия. Их мы находим в местностях с широко развитыми интенсивными культурами, идущими в техническую переработку (свекла, картофель), где они существуют на местных отбросах. Они могут при особенно благоприятных рыночных условиях развиваться на выращивании в полеводстве специальных кормовых растений—кукурузы, сеянных трав, кормовой свеклы и т. п. Наконец, скотоводство может перерабатывать привозные, сравнительно транспортабельные кормовые ресурсы—жмых и отруби—в особые по ценности сорта мяса и в молоко в районах, где эти продукты достигают наивысшей оценки и где, в то же самое время, они продаются в наименее транспортабельном виде (сырое молоко).

В нашем изложении мы обособляли изучение географии земледелия от географии скотоводства и географии технической переработки сельскохозяйственного сырья. Но как уже ясно из изложенного, земледелие, техническая переработка и скотоводство не только находятся в производственном взаимодействии, но таковое, кроме того, оказывает большое влияние на себестоимость производимых на месте продуктов и вместе с тем и на их географию. Разбирая учение Тюнена, мы уже сталкивались с тем, как влияет скотоводство на накопление навоза в хозяйстве, на обслуживание хозяйства рабочим скотом. Сочетание скотоводства с земледелием позволяет целесообразнее организовать труд в местностях с коротким вегетационным периодом. Так же как переработка продуктов земледелия форсирует рыночный сбыт их, переработка молока в масло и сыр, консервирование мяса и т. п. стимулирует рациональную организацию скотоводства.

В наши цели входит здесь задача подчеркнуть органическое взаимодействие между всеми изучаемыми нами отраслями, связанное с географическим их размещением. Более детально на этом вопросе мы остановимся в девятой главе настоящей работы.

Нашу характеристику размещения сельского хозяйства, как сырьевой базы, мы начали с учета влияния природных зон. В дальнейшем мы должны были убедиться, что географическая увязанность сельского хозяйства с природными зонами

обусловлена и многими другими причинами, но изучение этих последних в большинстве случаев нас убеждало в том, что они не ведут размещение сельского хозяйства к отрыву от основных зональных границ природной базы. Из такого совпадения мы не делаем и не можем делать вывода о доминирующем влиянии только одного природного начала. В центре нашего внимания мы имели всегда сочетание в природных границах различных влияний, и только совокупность их решала вопрос. Было бы ошибочно и нецелесообразно настаивать, что в южных штатах Сев. Америки хлопок производится только благодаря особым хлопковым землям. Мы полагаем, что этот вопрос совершенно необходимо связать с местными условиями рынка труда, капиталами, вложенными в производство, и транспортом, который позволяет подвозить в эти штаты продовольствие и отправлять оттуда хлопок.

4. География добывания и переработка леса и рыбы.

Развитые выше соображения о размещении добывания продуктов земледелия и скотоводства, мы можем перенести и на лесное хозяйство. Лес является также как и часть других представителей растительного царства для некоторых природных зон повсеместным растением. На эксплуатации леса, именно в этих зонах, базируется мировое лесное дело. Тропические и субтропические леса дают ценный поделочный материал и, кроме того, эксплуатируются для добывания каучука, кокосов и т. п. Основную массу древесного сырья, идущего на строительные и поделочные цели, дают леса холодных северных стран.

Особенностью лесного хозяйства является то, что оно требует обычно в связи с медленностью роста деревьев очень медленного оборота капиталов, особенно в условиях холодного климата. Но холодные зоны, как можно было убедиться из предыдущего, не создают благоприятных условий для ведения земледельческого хозяйства, и огромные пространства севера Азии, Европы и Америки оказываются занятыми лесными массивами, дающими основные ресурсы для мировой лесной торговли. Так как лес дает продукт низкой транспортабельности, и при сушке и механической переработке если и теряет в весе, то все же не в такой степени, как многие другие материалы,—добывание леса и ближайшие стадии переработки его всюду в очень большой мере ориентируются не только на места добывания сырья, но и на наиболее дешевые пути, главным образом, водные. Транспортные способности продуктов лесного хозяйства и ценностно-весовые отношения сырья и полуфабрикатов, вырабатываемых из дерева, мы можем характеризовать следующей таблицей.

Стоимость доставки продуктов лесного хозяйства. ¹⁾

Название товаров.	Рыночн. цена за центн.—50 кил. (в мар.)	Доставка одного центнера на расстояние одной мили обходится в % к цене товара при доставке по			Товар утрачивает полностью свою ценность при перевозке на расстояние в милях.		
		прост. дор. по 15 пф.	шосс. дор. по 10 пф.	железн. дор. по 2,5 пф.	по прост. дорог.	по шосс. дорог.	по железн. дорог.
Дрова (средн. цена) листв.	46	32,6	21,7	5,43	3,0	4,6	18,4
Поделоч. хвойн. лес.	1,66	9,0	6,0	1,50	11,0	16,6	66,4
Древесн. кора (берез. сосн.)	1,70	8,8	5,9	1,47	11,3	17,0	68,0
Поделочн. листв. лес.	2,75	5,5	3,6	0,90	18,3	27,5	110,0
Древесный уголь . .	3,60	4,2	2,8	0,70	24,0	36,0	144,0
Пиленый тес хвойн. (полусух.)	4,20	3,6	2,4	0,60	28,0	42,0	168,0
Древесн. бум. масса.	4,50	3,3	2,2	0,56	30,0	45,1	180,0
Смола	13,65	1,1	0,7	0,18	91,0	136,5	546,0

Заготовка леса производится очень часто по верховьям крупных рек и их притоков. Затем лес идет сплавом к большим речным лесопромышленным центрам, или к устьям рек, к портовым городам. Здесь он поступает на лесопильные заводы, а затем в пиленом виде идет на экспорт или на внутренний рынок (см. карту № 9).

Несколько иную картину наблюдаем мы при изучении географии некоторых видов химической лесной переработки. Обычно при этой переработке мы имеем большую потерю в весе. Так на 100 единиц веса дерева получается угля от 20% до 25%, уксусной кислоты от 2-х до 4,5%. На одну кубическую сажень дерева получается в зависимости от метода переработки от 20 до 40 ведер смолы, а при разработке куба дерева в поташ—от 10 до 18 фун. поташа. Вследствие такой большой потери в весе и использования для химической переработки обычно отбросов, остающихся от заготовки леса, указанного типа, химическая лесная промышленность почти всегда ориентируется на непосредственную близость сырьевых ресурсов.

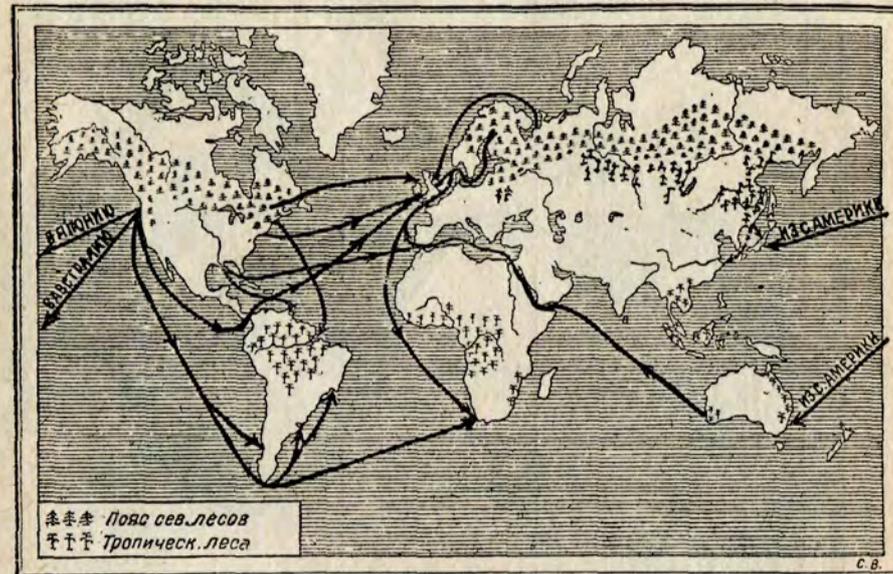
С лесной зоной обычно связываются территориально некоторые промысловые занятия, из которых важнейшим и наиболее распространенным является охота, дающая высокоценную и транспортабельную пушнину и дичь.

Третьим видом добывающей промышленности, размещение которого в огромной степени обусловлено природными границами,

является рыбная промышленность, включая сюда и охоту на морского зверя (см. карту № 10).

Рыболовство в З. Европе и в С. Америке по Атлантическому побережью, а также на Дальнем Востоке в пределах Японского моря является одной из крупнейших мирных производственных отраслей, снабжающей своими продуктами мировой потребительский рынок.

ГЕОГРАФИЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

Карта № 9.

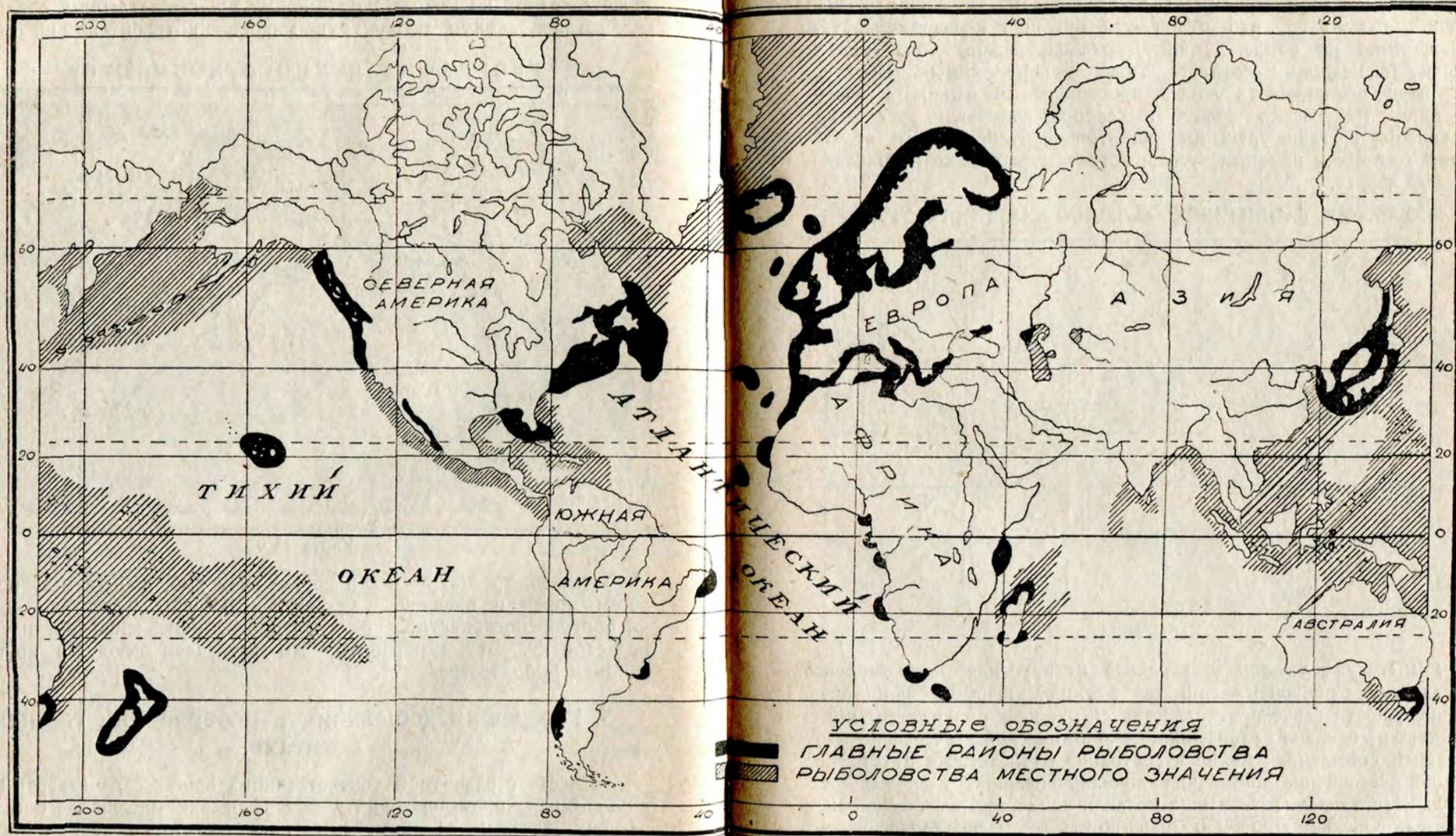
Сельдь, треска, лосось и другие виды рыб, добываемые по берегам морей и океанов, в устьях рек, обычно, вследствие слабой их провозоспособности и быстрой порчи, немедленно же идут на переработку. Эту переработку мы встречаем всюду в крупных районах рыболовства.

5. География добывания и переработки горных богатств.

Вместе с развитием хозяйственного прогресса, четвертый вид добывающей промышленности—использование недровых богатств, дающих, главным образом, сырье для выработки средств производства, получает все большее и большее значение. Особенно ответственную роль в обслуживании этих задач начинают играть железо и каменный уголь. Если взять всю совокупность природных недровых благ, которые пользуются человеком в промышленных целях, то в перечень таких войдут: металлы—золото, серебро, медь, железо;

¹⁾ Бринкман, стр. 97.

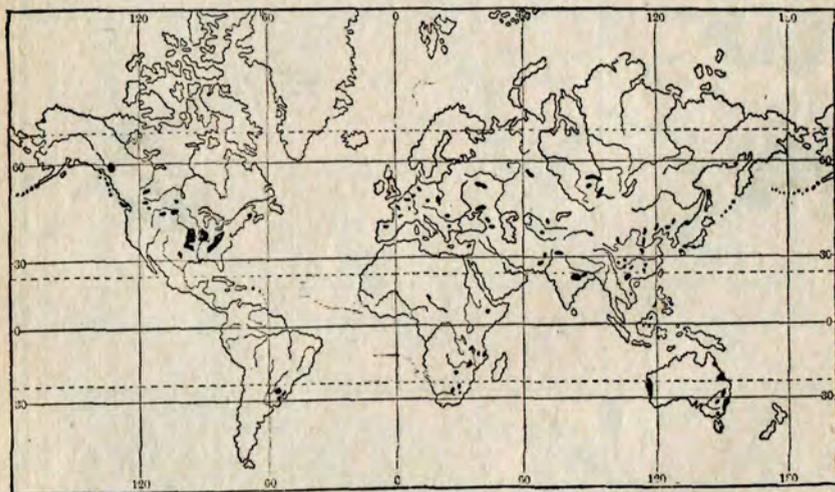
ГЕОГРАФИЯ РЫБОЛОВСТВА

Карта № 10.

строительные материалы—камень, глина; топливо—каменный уголь, сланцы, нефть. Как видим по перечню, география местонахождения всех этих благ пестра и нуждается в стилизации, обобщении. Так как повсеместные блага, как мы знаем, не могут сами сильно влиять на размещение добывающих сырье предприятий, включим в наше изучение только то, что отличается большой неравномерностью распределения по земле. К числу локализованных благ нельзя отнести из недровых богатств только—глину, камень. Обратное, приходится подчеркивать локализованность большинства недровых благ. Не только золото и серебро размещено по земле пятнами, но и такие дешевые, малотранспортабельные и весотеряющие блага, как каменный уголь, встречаются только в локализованной форме.

ГЕОГРАФИЯ ВАЖНЕЙШИХ ЗАЛЕЖЕЙ КАМЕННОГО УГЛЯ

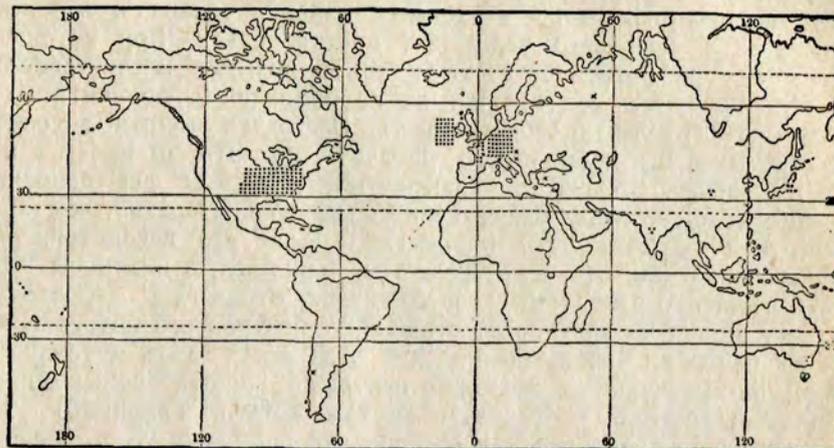

Карта № 11.

Как мы уже убедились, переходя от изучения закономерного распределения природных зон по земному шару к пониманию обусловленности сельского хозяйства со стороны природы, мы могли уточнить и основные тенденции экономической географии этой отрасли. К сожалению, мы не в состоянии идти тем же путем, при изучении размещения добывания локализованных недровых ресурсов. Естествоиспытатели еще не дали ясной географической картины, в которую можно было бы замкнуть географию геологических процессов, закономерно обуславливающих размещение нахождения тех или иных недровых ресурсов. Только опираясь на фактическое познание географии вероятных запасов таких ресурсов, железа, каменного угля и т. п. и сопоставляя с ними географию реально производящегося добывания этих продуктов, мы можем иметь

некоторую ориентировку при решении вопроса о тенденциях размещения добывания этих видов сырья (см. карту № 11, 12 и 13).

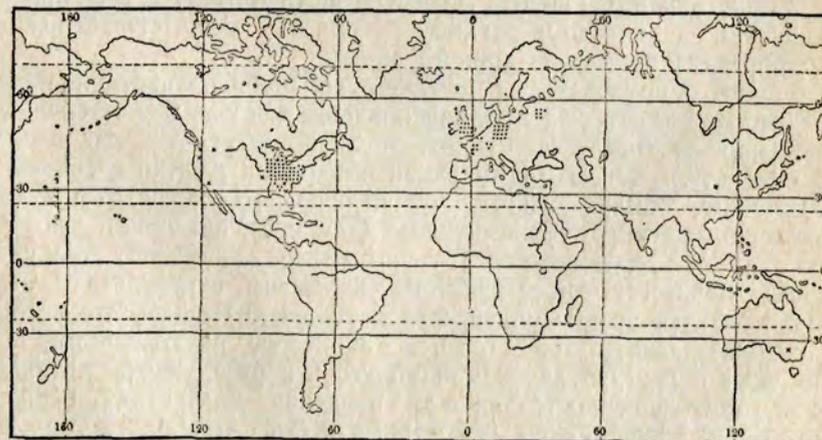
ГЕОГРАФИЯ ДОБЫВАНИЯ КАМЕННОГО УГЛЯ 1920 г.

Карта № 12.

Каждая точка означает от $\frac{1}{2}$ до 1% мирового производства.
Крест означает от $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{4}$ %.

ГЕОГРАФИЯ ДОБЫВАНИЯ ЖЕЛЕЗА 1920 г.

Карта № 13.

Каждая точка означает 1% мирового производства.
Крест означает от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ %.

Вглядываясь в данные о географии известных мест нахождения железа и каменного угля и сопоставляя их с центрами добывания,

надо отметить, что в эксплуатации находятся только те из них, которые лежат ближе к культурным обжитым районам. Иное приходится отметить о географии золота, серебра и других более ценных цветных металлов. Мы нередко видим, что добывание их лежит на окраинах мира в таежных районах севера и в сухих пустынных, не освоенных человеком пространствах. При истощенности этих недровых богатств в старо-обжитых местах добывание этих продуктов на окраинах дает возможность получить наименьшую относительную себестоимость. Благодаря высокой абсолютной себестоимости добываемого продукта, как это мы имеем в золоте и серебре, показатель транспортных издержек для размещения добычи их не имеет существенного значения. Обратное, чем ниже абсолютная себестоимость продукта и выше его весопотеря при использовании, как это и встречается, например, в каменном угле, тем, совершенно ясно, менее целесообразно отодвигать разработку угольных копей на далекое расстояние от центров его потребления. Такими центрами использования для угля могут быть металлургическая промышленность, портовые центры и вообще промышленные районы. Тяготение к таковым местам добычи каменного угля оказывается особенно сильным потому, что каменный уголь целиком уничтожается в производстве и такое его свойство при малой транспортабельности заставляет каменноугольную промышленность оставлять без хозяйственного использования залежи угля по низовьям Енисея, в северных частях Канады, мало использовать такие залежи даже в Китае.

Таким образом, высота себестоимости потеря в весе при использовании и накладные расходы по провозу очень сильно влияют на отбор мест добывания горного сырья.

Вопрос о потере веса в переработке, при использовании недровых богатств, имеет существенное значение для уловления тенденции размещения не только добывания, но и последующей его переработки (железо). Выгоды организации выработки железа в современных условиях обычно зависят от наличия возможности получить достаточно дешевый каменный уголь (топливо), пригодный для этих целей. Так как для выплавки 1 тонны железа, примерно, требуется 2 тонны угля и 1½ тонны руды, то, как видим, в результате переработки весовая потеря получается очень значительная. Эта весовая потеря будет давать тем большую экономию на транспорте, чем ближе друг к другу будут каменный уголь и руда. Центры металлургической промышленности мирового значения—английский, рейнско-вестфальский, бельгийский, приозерный в Сев. Америке, в большей или меньшей мере удовлетворяют именно этим требованиям. Обильные железной рудой Швеция и Урал не имеют своего каменного угля и это удерживает местную обработку руды в сравнительно малом размере.

Особенностью производственных процессов, свойственных металлам наиболее влиятельной группы из всех даваемых недрами

продуктов, является то, что таковые после обработки руды получают уже вид полуфабриката, не теряющего почти в весе при дальнейшей обработке. Это сильно содействует, с одной стороны, локализации обработки руды на месте ее добычи и, с другой—это ведет к подчинению размещения остальных стадий переработки железа, меди и т. п. влиянию потребительской или рабочей кооперации.

В числе задач, часто наблюдающихся в современных горнопромышленных районах, иногда в виде самостоятельных предприятий, добывающих сырье и перерабатывающих таковое, иногда в виде производств, перерабатывающих отбросы каменноугольных и металлургических предприятий—является химическая промышленность. Горнопромышленные районы, с наличием угля и железа вообще по направлению, ведущейся в них промышленной работы, обычно, являются в современности сложными образованиями. В них помимо переработки руды, добычи топлива, мы находим часто химическое производство (удобрений, красок, кислот и проч.), встречаемся с отраслями, обостренно нуждающимися в топливе или в большом количестве металлического сырья и т. п. Все это требует привлечения в производство огромных капиталов, и, конечно, все эти задачи использования горного сырья все более и более форсируют его добычу.

На возможность организации добычи руды и других недровых богатств в том или ином районе будет влиять наличие на месте запасов труда и капитала, а также и выгодность вложения в такую эксплуатацию капиталов и труда. Мы уже указывали, что в районах севера, несмотря на наличие там каменного угля и железа, таковые там обычно не добываются потому, что запасы труда и капитала, используемые в этих краях, выгоднее направлять на пушное дело, на рыболовство и др. занятия. То же можно наблюдать и в районах с широко развитой хозяйственной жизнью, когда бедные руды или плохого качества каменный уголь остаются без разработки, вследствие сравнительно низкой доходности такой добычи по сравнению с соседствующими предприятиями в районе.

6. Заключение.

При характеристике размещения земледелия, мы указывали, как снижение транспортных расходов и издержек производства в связи с наличием дешевого труда или выгодами использования капиталов форсируют производство. Те же самые выгоды содействуют в некоторых случаях развитию скотоводства, лесного хозяйства, рыболовства и горного дела, и, обратно, плохие пути сообщения, дорогой труд и недостаток капиталов в стране нередко задерживают развитие этих отраслей.

Наш обзор географии отраслей производства, ориентирующихся на места добывания сырья, позволяет установить, что *выгоды эксплуатации определенных локальных природных условий, хотя снижаются некоторыми техническими достижениями, выгодами*

дешевых рабочих рук и выгодами использования капиталов,—но имеются, однако, иные мощные экономические факторы, которые усугубляют выгоды приспособления эксплуатации к природному многообразию. Такими факторами, усиливающими контакт между природой и производством, мы знаем, являются развешенные улучшенные дешевых путей сообщения и техническая переработка на месте весотерящего сырья, включая сюда и отбросы.

Переработка весотеряющего сырья, несмотря на то, что она физически не связана с природой, как земледелие, добыча руды, выращивание леса, тем не менее экономико-географические условия (а с этой то стороны мы и ведем наше исследование) эту переработку в очень большой мере ориентируют на места добывания сырья.

При достаточно внимательном изучении производственных процессов и выяснении, с какой именно стадии получается стабилизация весопотери, или иначе, когда получается чистое сырье, мы можем с достаточной ясностью установить, какие части переработки будут тяготеть к местам добывания сырья. На этой грани ориентировка производства на места добывания сырья и будет оканчиваться.

При особенно благоприятных водных путях сообщения, позволяющих отправлять на далекие расстояния грубое весотеряющее сырье, иногда оказывается, что переработка физически отрывается от мест добывания сырья. При таких условиях между технической переработкой и добыванием сырья в какой-либо местности производственная связь ослабевает, и возможны случаи, когда такая находящаяся в центре техническая переработка начинает стимулировать добывание не интересующего нас района, а конкурирующего с ним хозяйства. Этим последним соображением мы еще раз подчеркиваем целесообразность уточнения географических границ размещения технической переработки, ориентирующейся на добывание сырья в определенной местности. Существующим внутри этих границ организационно-производственным взаимодействиям мы придаем большое значение, как особым условиям, сильно снижающим себестоимость здесь добываемого и перерабатываемого сырья.

Так намечаем мы решение одной из специфических задач экономической географии, проблему ориентации производства на места добывания сырья. Пользуясь учением о штандорте сельского хозяйства и промышленности, с одной стороны, и ориентируясь на хозяйственные возможности, предоставляемые природным многообразием в пространстве, с другой,—мы делали свои выводы. Эти выводы могут быть углублены и уточнены вплоть до такой конкретности, которая необходима для практических хозяйственных действий, однако, методика экономического доказательства таких выводов, мы полагаем, все же должна будет базироваться на указанных основаниях.

VII. ГЕНЕЗИС ОБЩЕСТВЕННОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА.

1. Задачи исследования.

В предшествующей главе мы дали характеристику размещения производства по добыванию сырья. Как мы установили, такое добывание в очень большой мере ориентируется на выгоды использования природных условий. Благоприятный климат и плодородие почвы повышают выгоды и открывают большие возможности ведения интенсивного земледельческого хозяйства. Короткий вегетационный период, недостаток влаги сужают масштабы земледелия и, как мы видим, в некоторых случаях оставляют место только для экстенсивного пастбищного скотоводства. Природными ресурсами обусловлены выгоды и возможности добывания каменного угля, железа, меди, золота и других горных богатств. В зависимости от весопотери рядом с местами добывания организуется первичная переработка и выработка полуфабрикатов.

Таким образом, выгоды и возможности добывания сырья оказываются в сильной мере обусловлены природными ресурсами. Однако, как мы убедились, из данных, приведенных в предшествующей главе, хозяйственная реализация указанных выгод и возможностей не осуществляется и не может осуществляться в масштабах, строго пропорциональных физическим качествам и количествам каждого природного блага. В современности, при широко развитых путях сообщения, остаются еще до сего времени огромные неосвоенные человеком территории, выгоды и возможности эксплуатации которых еще не стоят на очереди. Хозяйственная жизнь народов в прошлом, в стихийном своем развитии, шла вовсе не прямым рациональным путем, начиная с эксплуатации наиболее ценных богатств и по мере истощения таковых переходя к менее ценным. Самая оценка полезности тех или иных благ не раз менялась в истории хозяйства. Путь развития хозяйства шел по своеобразным мировым тропам и дорогам, и география эксплуатации природных богатств в различные фазы развития не может быть понята без учета наследия предшествующих периодов. Это наследство имеет огромное значение и в современности. Разве в современности мы не используем тех морских путей, которыми вели свою торговлю финикийцы, греки? Разве рейнский или волжский путь потерял свое хозяйственное значение? И все эти пути разве не имеют на своих

берегах до сего времени больших наследий хозяйственного прошлого, в виде руководящих хозяйством городов: Афины, Византия-Константинополь, Александрия, Астрахань, Казань, Кельн, Майнц и др? Но не только пути сообщения говорят нам о прошлом. О нем говорят центры фабрично-заводской промышленности, развившиеся на месте старых гнезд кустарной промышленности. Однако, историческое прошлое не всегда своим наследием облегчает прогресс современного хозяйства. Достаточно вспомнить то, что в современности мы имеем огромные области и страны аграрного перенаселения, часто совпадающие с бывшими очагами крепостного права и рабства, чтобы понять, какое тяжелое наследие нередко получаем мы от прошлого. Несомненно, без отчетливого понимания хозяйственной географии прошлого мы не в состоянии объяснить экономическую географию современности. Выгоды и возможности эксплуатации богатств в той или иной местности часто подготовлялись, и разрывались не единым мощным ударом современной промышленности техники, а реализовались десятилетиями и столетиями.

Внесение исторической перспективы в экономическую географию—задача чрезвычайно трудная и требует больших коллективных усилий историков и географов-экономистов. Задачей такой работы должен быть не только анализ развития общественного разделения труда и выяснения причин обособления основных хозяйственных функций—сельского хозяйства, торговли, промышленности добывающей и обрабатывающей,—такое исследование должно выяснить, где, когда и при каких условиях организовалось выполнение таких специальных функций.

Такая работа должна дать характеристику основных стадий географического общественного разделения труда и в пределах каждой стадии—размещение производства в стране.

До сего времени эта задача в значительно большей мере решалась с точки зрения эволюции форм хозяйства, фазисов социальной борьбы, и интерес экономико-географический при таких исследованиях оказывался в подавленном состоянии.

Наш подход к изучению исторического хозяйственного наследия очень близок к воззрениям А. Вебера, высказанным им в отношении промышленности:

«Каждое данное расположение промышленности и каждое вообще локально-хозяйственное образование, взятое, как фотографический снимок для определенного исторического периода, представляет собою не что иное, как модификацию аналогичного предыдущего снимка, модификацию, соответствующую данной стадии хозяйственного развития».

«С точки зрения какого-либо одного периода, эту модификацию надо рассматривать, как некоторое «рационалистическое» преобразование исторически сложившегося организма, который в известной своей части стал «иррациональным».

Вполне ясно, что нам для понимания современной хозяйственной действительности особенно важно уточнить то наследство, которое мы получили от предшествующего нам периода.

Каждый вид народно-хозяйственной деятельности, который мы будем изучать в пространстве и времени, не только находится во взаимодействии с другими функциями народного хозяйства в один исторический период, но сложение, оформление такой функции в определенном месте нередко создает хозяйственные аппараты, которые в виде центров или местностей сбыта и покупки товаров, рынков труда, пунктов капиталонакопления и, наконец, в виде искусственно создаваемых портовых сооружений, каналов, железных дорог влияют на формы и географию хозяйственной деятельности в последующий период.

Считая одной из важнейших наших задач при изучении генезиса общественного разделения труда, познания размещения и перемещения народно-хозяйственных функций (производства, торговли, транспорта) в пространстве, мы вместе с тем должны установить, в чем именно заключается интересующее нас наследство, переходящее от предшествующей стадии к последующей.

Экономическая география только тогда в состоянии будет отвечать на вопросы, почему именно в определенном месте сложился тот или иной вид хозяйственной деятельности, когда путем исторического изучения она сумеет объяснить географию пунктов и местностей потребления, капиталонакопления, рабочих издержек и транспортной сети.

В предшествующей главе мы уже изучали природно обусловленное размещение добывания сырья и отраслей, ориентирующихся на пункты такого добывания. Для того, чтобы нам найти, на какие географические центры и местности будет ориентироваться индустриальное и сельскохозяйственное производство, тяготеющее к пунктам потребления, капиталонакопления и рабочих издержек, для этого мы должны проработать генезис общественного разделения труда и, опираясь на такую проработку, получить нужную нам географию хозяйственного наследия, влияющего на современность.

Таким образом, мы не только будем изучать размещение по территории в тот или другой период промышленности, сельского хозяйства, торговли и транспорта, но нас при этом изучении будут особенно интересовать вопросы, что они оставили после себя для следующего фазиса развития общественного разделения труда. Где и при каких условиях создавались емкие потребительские и производительные рынки внутренние и внешние? Где и как слагались кадры квалифицированных рабочих с высокой оплатой труда и, обратно, массы не квалифицированных рабочих с низкой оплатой? Где и почему особенно ярко выделялся процесс капиталонакопления и в каких формах, как использовались естественные пути сообщения и оборудовались облегчающими по ним движение сооружениями; как

слагались искусственные пути сообщения и какие местности они между собой соединяли?—Вот те вопросы экономической географии, которые должны освещаться путем исторических исследований.

В существующей литературе по истории хозяйственного быта мы имеем довольно большое количество пригодных для наших целей материалов, но эти материалы обычно тонут в обширных описаниях эволюции форм хозяйства и социальных отношений. Проработка исторических материалов под интересующим нас углом зрения, еще почти целиком впереди. В работах А. Вебера, Шлиера и некоторых других мы находим попытку, близкую по целям к тем, которые мы себе ставим.

Давая ниже очерк генезиса географического общественного разделения труда, мы не могли себе ставить иной цели, как только уточнить основные тенденции в эволюции интересующего нас явления.

2. Истоки географического общественного разделения труда.

При анализе эволюции географического разделения труда мы будем иметь в виду ранее сделанные нами указания (гл. V), что процесс этот может идти, как ориентируясь на природные условия, так и на все более растущее разложение производственного процесса. Все это создает многообразие специальных производственных заданий, которые исполняются значительным количеством профессий, связанных с торговлей, транспортом, общественным и личным обслуживанием.

Ориентируясь на рост многообразия производительной деятельности в связи с природными условиями, мы знаем, что не всякое многообразие будет создавать географическое общественное разделение труда. Только тогда, когда это многообразие объединено меновым оборотом, выгоды использования природных условий получают общественно-хозяйственное значение. При такой предпосылке наши поиски истоков сложения географического общественного разделения труда, обусловленных природным многообразием, мы можем направлять только на такие пространства, где между местностями с выявленным природным многообразием существовали облегчающие сношения пути сообщения и где формы человеческого общежития могли преемственно развиваться более или менее длительно.

«Не абсолютное плодородие почвы, но ее дифференциация, разнообразие ее естественных продуктов, составляет естественное основание общественного разделения труда; она разнообразием окружающего человека естественных условий побуждает его разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы труда»¹⁾.

¹⁾ Маркс. Капитал, т. I, стр. 425.

Конечно, указанное природное разнообразие не может быть понимаемо безотносительно к способности его удовлетворить человеческие потребности, но не подлежит сомнению, что общественное разделение труда форсируется не однородным обилием и плодородием, а именно пестротой состава природных благ, их разнообразием.

В перспективе указанных соображений, а также основываясь на некоторых исторических, этнографических и культурно-бытовых данных, мы полагаем, что начавшаяся устанавливаться в экономической географии научная традиция, ищущая зарождение цивилизации в долинах великих рек Старого Света¹⁾, едва ли может быть признана убедительной. Эти долины были большими природными однообразиями. Они для своего освоения требовали уже большой предварительной организованности людей. Мы полагаем, что внимание экономистов-географов в поисках первых очагов хозяйственной культуры, основанной на географическом общественном разделении труда, должно быть несколько передвинуто, а именно в сторону находящихся в тех же тропиках и субтропиках, часто недалеко от указанных великих исторических долин—предгорий. В этих предгорьях Индии, Афганистана, Туркестана, Ирана, Малой Азии, Абиссинии, Мексики и др. стран, мы полагаем, имеется больше оснований для поисков очагов первого фазиса формирования общественного разделения труда. Как указывает проф. Вавилов²⁾, «ближайшее изучение юго-западной Азии, Малой Азии, Сев. Африки... показало в последние годы, что все сортовое разнообразие полевых и огородных растений заключено преимущественно в горных районах. Средоточием разнородности и расового многообразия оказались горные области, и, повидимому, взгляд на возникновение растительных культур в долинах великих рек является в корне ошибочным».

Тот же автор в своем докладе V Международному Генетическому Съезду в Берлине говорит следующее³⁾:

«Как можно видеть, области формирования важнейших культурных растений, современные географические центры генов приурочены преимущественно к горным районам Азии, Гималаям и их отрогам, горной системе северо-восточной Африки, горным районам южной Европы, Пиринеям, Аппенинам, Балканам, в Новом Свете—к Кордильерам и к южным отрогам Скалистых Гор.

В Старом Свете происхождение культурных растений приурочено к полосе между 20° и 40° с. ш. Эти горные области граничат с пустынями Центральной Азии и Сахары и по разнообразию климата и почвы представляют оптимальные условия для проявления формообразовательного процесса. Разнообразие условий от пустынь до оазисов, от почв, лишенных гумуса, до

¹⁾ Л. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. Хоррабин. Экономическая география мира.

²⁾ «Центры происхождения культурных растений», стр. 103.

³⁾ «Известия Гос. Инстит. Опытной Агрономии». 1927 г. № 5.

богатых перегибом альпийских и субальпийских зон, способствовало сосредоточению здесь исключительного разнообразия растительности.

Совершенно определенно выясняется факт средоточия мировых растительных богатств по культурным растениям в горных районах, точнее—в районах с высотами от 500 до 2500 метров. Вопреки обычным воззрениям о приуроченности первоначальных культур к долинам великих рек, как Тигр, Евфрат, Инд, Ганг, Нил, Хоанхэ, Янцзыдзян, Аму-Дарья, Сыр-Дарья, мы приходим к тому, что первичными областями земледельческих культур являются нагорные районы, которые фактически по настоящее время являются хранителями сортовых богатств. Изучение процесса расселения человеческих культур совершенно отчетливо указывает, что именно ряд горных районов являются первыми очагами».

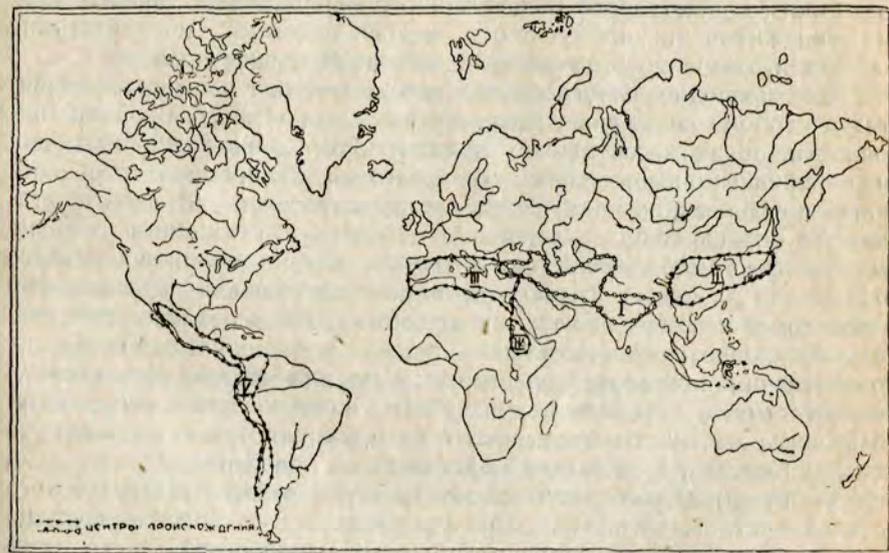
Н. И. Вавилов в своих работах подчеркивает, что на основе анализа сортового состава культурных растений надо признать, что древняя египетская культура, а также и культура Месопотамии являются культурами вторичного происхождения. Наконец, Н. И. Вавилов дает карту (см. карту № 14) основных центров происхождения культурных растений Старого и Нового Света и отмечает, что «на всем земном шаре горные районы Азии и Африки до сих пор представляют собой самые заселенные места. Более половины человеческого населения земного шара до сих пор приурочено к этой горной зоне, составляющей очень скромную часть территории земной поверхности—по нашим подсчетам не более одной двадцатой ее». Несомненно, в далеком прошлом доля населения, приходящаяся на указанные территории, была значительно большей.

Таковы чрезвычайно интересные в отношении земледельческого хозяйства выводы Н. И. Вавилова. Мы, действительно, в результате его работы имеем убедительные данные, говорящие о наличии в предгорьях в различных вертикальных зонах пестрого состава зерновых-хлебных, масличных, волокнистых, садово-огородных и др. культур, и, кроме того, по каждой из культур мы имеем большое сортовое разнообразие. Это сортовое разнообразие опять-таки часто обуславливается различными вертикальными зонами, отличающимися неодинаковыми климатическими, почвенными и другими условиями. Уже в настоящее время произведенные Н. И. Вавиловым наблюдения, а также и опытная работа, дают ему все основания утверждать, что вертикальные зоны могли создавать и действительно, создавали пестрый сортовой материал, пригодный для обсеменения и умеренно-холодных и теплых умеренных равнин с различным вегетационным периодом. Несомненно, здесь же у подошвы гор выращивался тот сортовой материал, который в ближайшую очередь шел на массовое размножение в соседние часто широкие, поливные долины Нила, Евфрата, Инда и др. великих рек.

Но блестящая гипотеза Н. И. Вавилова не может и не должна быть ограничена в своем значении только земледелием. Мы знаем,

какое огромное организующее влияние оказывают горные районы на скотоводческое хозяйство. Как пестро слагаются в горах кормовые условия и как это влияет на состав стада и на продукцию скота. Если, кроме непосредственного влияния природы, мы добавим еще влияние на организацию скотоводства отмеченного нами выше разнообразия земледелия, то интересующие нас предгорья в отношении всего сельского хозяйства будут являться районами с большим количеством хозяйственных заданий.

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛАВНЕЙШИХ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ СТАРОГО СВЕТА.

Карта № 14.

I. Юго-Западная Азия. II. Юго-Восточная Азия. III. Средиземноморское побережье. IV. Абиссиния. V. Горные районы Южной Америки и Мексики.

Но вертикальные зоны имеют еще одну особенность, которая в засушливых субтропиках выражена достаточно ярко. В этих полупустынных, безлесных, степных, засушливых равнинах мы, приближаясь к горам, на определенной высоте на их склонах, находим леса, которые дают не только строительный и поделочный материал, но и топливо. Наконец, последним и очень существенным природным благом, которым нередко оказываются богаты предгорья, являются месторождения металлов и минералов. Известно, что для периода зарождения культурной жизни человечества наибольшую ценность имели медь, серебро, свинец и др. цветные металлы. Как видим, рассматривая предгорья во всей совокупности их природных возможностей, мы должны будем признать, что там имеются не

только ботанические богатства, но на небольшом пространстве—очень большая пестрота и земледельческих, и скотоводческих, и лесных и горных благ, доступных для эксплуатации.

Конечно, обнаруживаемое нами многообразие могло стать базой для географического разделения труда только при условии наличия между перечисленными вертикальными зонами облегчающих сношения удобных путей сообщения. Вторым условием для формирования такого общественного хозяйства было то, что местное население, с одной стороны, природными условиями нередко было защищено от нападений со стороны, а с другой—совместное ведение хозяйства содействовало развитию навыков хозяйственной организованности и некоторого общественного порядка. Без таковых правил общежития ни прогон скота между посевами, ни земледелие в целом и, особенно, поливное—не могли бы существовать.

Как природное многообразие может повести эволюцию хозяйства в сторону разделения хозяйственных задач внутри одной народности, об этом достаточно ярко говорят данные об эволюции современного кочевого хозяйства предгорий. В процессе этой эволюции из среды кочевников, переходящих ежегодно со своими стадами от подошвы гор к вершинам, обычно в стихийном порядке выделяются такие хозяйства, которые, вследствие значительного сокращения их стада, оседают на зимних пастбищах у подошвы гор и переходят к земледельческому хозяйству. Но в реальной действительности описанный стихийный процесс увеличения разнообразия хозяйственных навыков в предгорьях идет значительно более сложными путями. В отношении культурных навыков отмеченные нами предгорные местности очень часто (и особенно можно подчеркнуть это для Кавказа, Туркестана, Афганистана, Абиссинии, Бухары, Северной Индии) характеризуются необычайной пестротой этнического состава местного населения. Они удержали в себе до сего времени остатки очень многих вымерших крупных народностей. Часто здесь были первые этапы их перехода от кочевого к земледельческому хозяйству. Нередко здесь каждая народность имеет до сего времени свою ярко выраженную хозяйственную специализацию. Такое явление часто можно наблюдать в Закавказьи. В Семиречьи рядом живущие киргизы-казаки, русские, таранчи и дунгане до сего времени обособлены по направлению своего хозяйства. Специализацией дунган и таранчей является культура риса и опия, русских—посевы зерновых, а казаков—пастбищное скотоводство.

Мы не утверждаем, что все предгорья способны были исполнять роль таких рассадников первоначального общественного разделения труда. Мы только считаем законным продолжить предположения Н. И. Вавилова за пределы земледелия и указать, что для экономистов-географов многие предгорья представляют больший интерес, чем только центры земледелия. При наличии отмеченного нами разнообразия природных благ, думается нам, здесь особенно легко могла формироваться специализация одних хозяйств на

скотоводстве, других—на земледелии, выращивающем зерно, третьи могли быть земледельцами, производящими у подошвы гор на низменных долинных поливных землях рис и фрукты, наконец, здесь же поблизости могли добываться отдельными хозяйствами лес и металлы. Как видим, для общественного разделения труда здесь имелась достаточно широкая база.

Особенно типичную картину формирования общественного разделения труда на базе вертикальных зон, прилегающих к речной долине, дает Ассирия-Вавилония. Река Тигр течет вдоль гряды гор, с которой стекают многочисленные притоки. По притокам и при впадении их в Тигр по дорогам, шедшим на северо-восток, лежало большинство древних городов: Ниневия, Калах, Ассур, Опис, Суза и др.

История страны начинается с описания столкновений и сожительства народов предгорья эламитов и аккадийцев с жителями приречной низменности—суммерийцами, сидевшими на берегу глубоко врезавшегося в материк Персидского залива. Позднее вслед за вторжением аморитян-кочевников, пришедших из-за Евфрата, хозяйственный центр переносится в междуречье—в Вавилон. Но история края в основе остается тем же описанием столкновения и сожительства жителей предгорья эламитов и ассирийцев с обитателями приречной низменности—вавилонянами¹⁾.

Общественное разделение труда толкало жителей предгорья на производство скота, кожаных и металлических изделий. Оседлое население вырабатывало хлеб, ткани, посуду, одежду, украшения. Большое значение имели и хозяйственные связи по рекам, морским и караванным дорогам, обслуживающим край²⁾.

Так рисуются нам зачатки общественного разделения труда.

Было бы ошибочно предполагать, что отмечаемое нами значение вертикальных зон, включая и прилегающие к горам долины³⁾, и вообще сосредоточение в одной местности природного многообразия имело значение только для сложения хозяйства Ассирия-Вавилонии, Египта и т. п. и не имеет общего экономико-географического интереса. То, что мы сказали выше, относится к общим истокам культурной жизни древнего мира и, как было указано, территориально расположено в тропиках и субтропиках около местных внутренних морских бассейнов. Но возьмем примеры из других частей земного шара. Посмотрим, где начиналась и формировалась общественная и хозяйственная жизнь в пределах Европы.

¹⁾ Формирование народного хозяйства Египта происходило отчасти под влиянием спорадических вторжений кочевников пустыни, но, главным образом, под постоянным воздействием столкновений и сожительства верхнего, лежащего в предгорьях, Египта с долинным нижним Египтом.

²⁾ Масперо, Бецольд и др.

³⁾ В наших целях мы не имеем основания ограничивать природное многообразие, как это делает Н. И. Вавилов, высотой 500—2500 метров. Прилегающие к предгорьям долины, несомненно, представляют одну из частей природного ландшафта, который нас интересует.

Для Южной Европы весьма характерными условиями образования первоначальных гнезд общественного разделения труда является географическое расположение этих гнезд на берегах Средиземного моря. В Греции, Италии, на юге Франции, в Крыму, всюду мы находим неширокие низменности, прилегающие к морскому берегу, а за таковыми—более или менее высокие горные хребты. Здесь мы имеем также природное многообразие, форсирующее общественное разделение труда. Вот как описывает Н. Н. Баранский условия сложения общественного разделения труда в юго-восточном углу Франции. «Соответственно природным условиям, приморские жители занимаются рыболовством, судоходством, морской торговлей; жители долины Роны имеют возможность на наносных речных почвах развивать полеводство, начиная с культур зерновых и кончая культурами винограда, маслины и т. д.; жители горных мест занимаются скотоводством на альпийских лугах и горным промыслом, развивают добывающую промышленность и обрабатывающую. На расстоянии всего каких-нибудь 50—100 верст в таком районе получается чрезвычайно большое разнообразие природных условий, а вместе с тем и разнообразие хозяйственных занятий; рыболовы работают не только на себя, но снабжают своей рыбой и жителей долины и жителей гор; горные жители продуктами скотоводства обслуживают и приморских жителей долины, наконец, жители долины зерновыми хлебами и прочими продуктами полеводства обслуживают и приморских жителей и жителей гор»¹). Как видим, природное многообразие на побережье Средиземного моря весьма способствовало не только созданию географического общественного разделения труда местного значения, но благодаря удобству путей сообщения форсировало хозяйственные связи между отдаленными территориями.

Несколько иную структуру природного многообразия, на базе которого создаются первоначальные очаги общественного разделения труда, мы находим в Северной Европе.

Старым хозяйственным центром Швеции является приозерная часть страны, лежащая между северной лесной и земледельческой южной Швецией. В этом старом центре страны по отрогам гор мы находим древние рудники меди. Как видим, разнообразие здесь далеко не столь пестрое, как в вертикальных зонах субтропиков, но тем не менее из тех возможностей, которые представляла вся страна, старый шведский центр, обеспечивавший выгоды близости лесного севера и земледельческого юга, использовал максимальное разнообразие. В Германии мы находим два старых центра культуры, по верхнему Рейну и по верхней Эльбе в Саксонии. Эти центры лежат в предгорьях, богатых серебром, медью, железом, солью, и находились вблизи от плодородных земледельческих территорий и недалеко от горных пастбищ и лесов.

¹) Н. Н. Баранский.—Краткий курс экономич. географии 1928 г., стр. 49.

Приведем, наконец, краткую характеристику старых центров нашей русской европейской равнины. Такими мы считаем округа Киева, Московско-Суздальский и Велико-Болгарско-Казанский. Все эти центры лежат или на северной границе чернозема или около нее. Наши основные стихии, лес и степь, здесь особенно были близки друг к другу. Наиболее живучий Московско-Суздальский центр оказался, кроме того, и с запасами железной руды и с наличием рыбных, бортных и пушных богатств и соляных варниц¹).

Как свидетельствуют приведенные данные, природное разнообразие нами вообще должно рассматриваться, как база, форсирующая общественное разделение труда. Конечно, не везде это разнообразие одинаково выявлено. Не в одну и ту же очередь история хозяйства включает эти базы в орбиту своего влияния²), но игнорировать при изучении исторической хозяйственной географии значение указанных природных особенностей было бы ошибочным. Как мы видим, они помогали человеку организовать первоначальное ядро хозяйствующего общества, силами и средствами которого начали в дальнейшем осваиваться и остальные лежащие вокруг природные ресурсы.

Намечая географию центров, в которых формировалось общественное разделение труда, мы не имеем возможности уточнить масштаб их территории и радиус их влияния на окружающие местности. Последнее зависело в очень большой мере от общественно-государственной организованности, создавшейся в этих центрах, и от наличия удобных для того времени, обычно водных, путей сообщения.

Роль путей сообщения в деле распространения влияния этих центров, несомненно, очень велика. Не случайно то, что большинство центров игравших большую роль в хозяйственной и политической истории лежит недалеко от внутренних морей, и, конечно, весьма знаменательно то, что многие из них оказываются соединенными большими речными артериями с прилегающими пространствами.

Характерными для такого типа общественного разделения труда являются торговые административные города со слабым развитием в них ремесленной промышленности. Такие города обычно располагаются на удобных путях сообщения, на границе, где легче всего может встречаться для производства обмена соседствующее хозяйственное многообразие.

Нередко торговый оборот таких центров носил ярмарочный характер.

Общественное разделение труда, нашедшее почву для своего развития в центрах цивилизации, стало форсировать товарные избытки и в других природных зонах, с которыми центры цивилизации были связаны более или менее преодолимыми путями сообщения.

¹) А. А. Рыбников. Генезис хозяйства Центрально-Промышлен. области. Экон. Геогр. Сборн. 1929 г.

²) Одной из таких молодых баз являются предгорья Алтая, где быстро формируется большой узел общественного разделения труда.

Лесные пространства севера начинают давать пушнину, воск и мед. Из южных местностей доставляются фрукты, вино, шелк. Территории с особо благоприятными условиями для земледелия поставляют зерно, льняные ткани. Из приморских побережий идут соль и рыба. Торговый оборот, отмеченный нами, характерный как для древнего периода, так и для средневековья, отличался тем, что главную долю товаров в этом ассортименте составляли ценные и транспортабельные товары. Только такие товары выдерживали высокие накладные расходы по перевозке.

Сложившееся в центрах цивилизации общественное разделение труда, как мы видели, в описываемый период начало влиять на периферию, но эта периферия, и особенно лежавшая в значительной степени природных условиях, пробуждалась значительно медленнее и в развитии местного общественного разделения труда сильно отставала от центров старой цивилизации.

Первоначальный фазис географического разделения труда характеризуется, как мы видели, некоторым развитием товарооборота (дорогие транспортабельные товары для международного обмена и более широкий ассортимент для внутреннего), и, в меру такого развития, универсальное хозяйство начинает заменяться хозяйством, специализировавшимся на тех или других отраслях.

3. География основных функций хозяйственной деятельности и сложение их в системы народно-хозяйственного разделения труда.

В описанной выше картине мы выделили на передний план влияние природных условий на формирование географического общественного разделения труда. Это не значит, что в указываемый нами период общественное разделение труда, имеющее основанием специализацию занятий, в то время не существовало. Оно развивалось параллельно описанным выше процессам. Выделялись из недр родового хозяйства профессии кузнецов, гончаров и др. Но главные кадры таких специалистов-профессионалов создавались иными путями.

Как мы выше указали, старые центры организовали первоначальное общественное разделение труда на основе имевшегося в их пределах природного многообразия и товарного оборота с прилегающими территориями. Это общественно-хозяйственное основание повело к дифференцированию населения на классы и сословия и, например, в России и Западной Европе создало хозяйства феодальной аристократии и монастырей. Эксплуатация труда этими хозяйствами в первоначальных промыслах (охота, пчеловодство, рыболовство), в земледелии и, наконец, в домашнем мастерстве в той или другой мере служило базой как для натурального обихода, так и для менового оборота ¹⁾. Рост менового оборота, с одной стороны, упадок

¹⁾ Маркс. Капитал, т. I, 1899 г. стр. 423.

первоначальных промыслов, с другой и, наконец, натиск крупных территориальных государей, с третьей,—все это вело к таким пертурбациям в вотчинно-феодалных хозяйствах, в результате которых эти хозяйства разрушались, а бывшие дворовые мастеровые и служилые люди княжеского или монастырского хозяйства в значительной своей доле становились в ряды посадского городского населения. Несколько иными путями шло заполнение городов ремесленниками в древнем мире ¹⁾. Сосредоточившееся в городах промышленное население обслуживало своими товарами прилегающую сельскую округу, которая покупала в городе обувь, одежду, утварь, выработавшиеся из металла и кожи. Покупателями были крестьяне и пришедшие на смену графам, баронам, князьям и боярам—рыцари на Западе, а в России помещики. Перемены, происшедшие в городе, шли параллельно с ростом сельскохозяйственной продукции. Деревня начала усиленно снабжать город зерном, скотом, птицей, яйцами и пр. сельскохозяйственными продуктами. Как общее явление для Западной и России мы должны отметить также и то, что деревня снабжала город изделиями из дерева и из глины.

Так формировалось районное городское общественное разделение труда. Яркой, специфической его чертой является разложение производственного процесса. Городской ремесленник не добывает сам шерсти, кожи, металла. Он занимается только выработкой из полученного сырья готовых изделий. Формирующееся профессиональное разделение труда базируется уже не на природных условиях, а на длительных, часто преемственных (цехи, ученичество), ремесленных навыках.

Широкое развитие такого профессионального разделения труда является характерным, как нам кажется, для второго периода, знаменующего переход географического разделения труда в стадию народно-хозяйственной системы. На характеристике сложения такой, хозяйственной системы мы далее и сосредоточим свое внимание.

Для нас особенный интерес представляет то, что, просматривая географию указанных городских центров, начавших появляться, как мы знаем, в виде административных, торговых пунктов на путях соединявших природное многообразие, мы видим, что и далее большинство городских ремесленных центров формируется поблизости от указанных старообжитых местностей. Это мы находим на верхнем Рейне и Дунае, а несколько позднее на верхней Эльбе и Одере. Ту же картину мы наблюдаем и в Московском государстве между Волгой и Окой в XVI веке ²⁾. Особый своеобразный характер имеет география средневековой промышленности по эксплуатации недр. При достаточно мощном производстве она иногда создавала особые

¹⁾ «Эллинская культура» Ф. Баумгартен и др., стр. 327—433.

²⁾ Рыбников А. А.—Генезис хозяйства Ц. П. О.

специальные промышленные города, напр., Золлинген, Устюжна по переработке железа, Старая Руса, Балахна по добыче соли и др. Обычно рост хозяйственного оборота между промышленностью и сельским хозяйством сопровождался значительным увеличением населения, вообще, а вместе с тем в дальнейшем и ростом колонизационной активности, больше всего выявлявшейся в земледельческой колонизации и частью в создании торговых и административных центров в пределах колонизируемой территории. Такие колонизационные процессы мы наблюдаем в древности в форме греческих колоний. В великих речных долинах в связи с притоком к ним колонистов обычно деспоты производили большие ирригационные работы, сильно расширявшие возможность использования Нила (Мена), Евфрата и Тигра (Хаммураби). Как известно, наличие огромных оросительных систем, требовавших государственного вмешательства в их регулирование, в то же самое время вело к укреплению государственной власти и общей хозяйственной связности страны.

В европейских странах этот процесс шел не одновременно и имел для развития городского строя не одинаковое значение. В некоторых западно-европейских странах, к моменту формирования городского строя, таких пригодных для колонизации пространств по соседству почти не было. Но где они были (Франция, Германия, Польша, Россия), заселение ¹⁾ новых территорий имело огромное значение для дальнейшего развития общественного разделения труда.

Колонизация новых, часто в то же самое время весьма плодородных территорий, в тех случаях, когда эти территории оказались на удобных речных водных путях, соединяющих их со старым центром заселения, повела к значительному удешевлению и расширению снабжения продовольствием и сырьем очагов первоначального заселения. Это имело большое хозяйственное значение потому, что местности первоначальной колонизации, отличавшиеся природным многообразием, не были в то же самое время обеспечены всегда наиболее плодородными землями. Вместе с такой колонизацией усиливается сдвиг хозяйства в старообжитых центрах в сторону промышленных занятий:—ремесло переходит в форму кустарной промышленности и снабжает своими изделиями вновь заселяемые земледельческие пространства. Создающийся на базе такого снабжения окраин изделиями, посреднический капитал берет нередко в свои руки также и обеспечение кустарей сырьем, подвозящимся из эти окраин. При благоприятных транспортных условиях в старые центры начинает доставляться из окраин хлеб и скот т. е. продовольствие. Вследствие конкуренции молодых земледельческих территорий с земледелием местностей старого заселения, промышленность в кустарной форме начинает все больше проникать в деревню, используя

¹⁾ Или введение в границы национального государства прилегающих стран с преобладанием сельского хозяйства (Венгрия, Ломбардия и др.).

для своих целей имевшиеся навыки крестьянства по выработке деревянных изделий, льняных тканей и т. п.

Таким образом, в систему общественного разделения труда входят нередко довольно большими пространствами плодородные земледельческие равнины. Выгоды эксплуатации этих благоприятных природных условий в системе феодально-крепостнических отношений не могли оставаться всецело в руках крестьянства. Мы видим, что вслед за приходом крестьянства на окраины здесь создаются помещичьи усадьбы, и крестьянство переходит в крепостное состояние. Так было в черноземных степях России и Польско-литовского государства. Но хотя и в иной форме, однако, к тем же социальным результатам привела эксплуатация богатых природных условий плантаторское табаководство и хлопководство в Южных Штатах Северной Америки, укрепив надолго в среде привезенных на работы негров рабство.

Одновременно со всеми указанными изменениями в общественном разделении труда, все большую роль получают городские центры, лежащие на берегах морей, в устьях рек, а частью и на крупных речных системах.

Некоторые из этих портовых центров играют особенно большую роль в международной торговле и получают крупное политическое влияние, таковы—Венеция, Генуя; прибалтийские города, как известно, в этот период формируют Ганзейский союз. Большого политического могущества достигают в этот период экспортные центры нашей русской равнины—Псков и Новгород. Характер торговли этих портовых центров был далеко не одинаков в зависимости от фазиса развития хозяйства страны и природных богатств. В период ганзейской торговли Брюгге и Амстердам торговали, главным образом, промышленными товарами своих стран; Новгород и Псков отправляли преимущественно меха, воск и мед. Но тем не менее, все экспортно-импортные центры обладали одним качеством—они накапливали значительные капиталы, с помощью которых расширяли транспортные связи, увеличивали торговый оборот и, таким образом, упрочивали международные сношения. Темп накопления капиталов в этих портовых центрах особенно усилился с момента открытия путей в Америку—Индию, торговля с которыми начала давать огромные доходы.

Указанные процессы в той или другой мере, в зависимости от различных благоприятных условий, начинают проявляться уже в первый фазис развития. Нередко, несмотря на соседство промышленных, сельскохозяйственных и торговых функций и хозяйственную связь, эти процессы оказываются длительно отделенными друг от друга политическими границами, задерживающими формирование разветвляющегося народно-хозяйственного разделения труда. Иногда эти процессы совершаются в засушливых субтропиках, в районах, окруженных пустынями и бывают отделены друг от друга большими расстояниями. Иногда формирование народного хозяйства в странах

теплых, умеренных происходит по течению рядом лежащих речных долин, или хозяйственные системы оказываются отделенными друг от друга горами. Наконец, нередко на севере такие системы разделения труда развиваются в окружении слабо используемой хозяйством лесной стихии. Отмеченная нами география имела большое значение для темпа и направления развития интересующих нас образований. В некоторых случаях пустыня и леса обеспечивали безопасность растущего разделения труда—в других же близкое соседство нередко форсировало международные связи. В большинстве случаев, однако, эти процессы завершаются в Западной Европе уже к моменту промышленного переворота. Заключительным аккордом такой эволюции обычно является создание крупных национальных государств, включающих в себя связанные общественным разделением труда территории.

К концу рассматриваемого нами периода происходит объединение в крупные национальные государства значительных территорий, среди которых особенно часто мы встречаем сочетание соседствующих: старого промышленного центра, заселенных земледельческих равнин и приморских импортно-экспортных центров. Такое объединение в очень большой мере способствовало упорядочению народнохозяйственного разделения труда и увеличивало мощь государств, в международной экономической политике.

Самый факт создания и развития системы национальных государств, с одной стороны, ускорил сословное и классовое расслоение и способствовал формированию служилых и буржуазных зажиточных групп населения. Национальное государство, кроме того, обычно обростало регулярным войском и флотом. Рост количества зажиточного населения в важнейших городских центрах и военные потребности форсируют создание крупных промышленных предприятий централизованного типа—мануфактур и заводов с водяными двигателями. Мануфактуры, производящие предметы роскоши, обычно создаются в старых центрах заселения около национальных столиц. Мануфактуры, производящие материалы для амуниции войска, ориентируются на ранее существовавшие кустарные гнезда. Нужда в железе и меди форсирует добычу их в местах нахождения руды. В результате описываемого нами стихийного процесса, особенно ярко проявившегося в З. Европе в XVI—XVIII вв., размещение производства сложилось в следующую картину, даваемую А. Вебером.

1) «Мы находим окружение лесных и горных районов, в особенности обладавших железом и другими минералами, более или менее слабым поясом тяжелой индустрии, железных и медных кузниц, стеклянных заводов, бумажных мельниц, лесопилок и т. д., иначе чем теперь расположенных, но тогда впервые достигнувших известного значения.

2) Столицы заполняются производствами предметов роскоши, которые сначала находили там своих потребителей, а

позднее и подходящий рабочий рынок, из которого они черпали себе пополнение.

3) На основе обеих средневековых ветвей старой домашней промышленности,—городской и сельской—возникает массив промышленности, хотя и редкий и рассеянный, но распространившийся на многие местности, ориентированный на труд. Здесь ведется переработка в готовые изделия легкого волокна или имевшегося еще тогда повсеместно дерева и глины, а иногда также и железа, используется водная энергия. Этот массив со своими различными производствами—текстильными, с одной стороны, и инструментными железными, игрушечными, резными и тонкими керамическими, с другой—тянулся от старых насиженных мест по горам к областям с искусственно создавшейся низкой аграрной способностью к росту населения (например, огораживания в Англии). Его же рабочими силами медленно заполнялись также и многочисленные мелкие города, лежавшие в этих областях, в то время как, наоборот, первоначально городские ремесла, работавшие на скупщиков, распространяли постепенно часть своей производственной основы на такие лежащие поблизости области с низкой аграрной способностью к росту населения. Таким образом, создавалось связанное еще в своем росте и своем географическом расположении распределение населения той эпохи, которая формировала первую прочную подпочву капиталистически организовавшейся промышленности, которую мы еще и теперь ощущаем, как фундамент промышленного здания во всех частях Европы»¹⁾.

Данная выше картина размещения промышленности и развития географического общественного разделения труда получила особенно яркое выражение в странах Западной Европы. Но многие черты ее мы находим не только в образовании, напр., народного хозяйства С. А. Соедин. Штатов, но и в развитии древних государств Средиземного моря.

Для наших целей особенно важно подчеркнуть то, что эволюция хозяйства к концу XVIII в. имела уже многое передать в наследство периоду промышленного капитализма.

Даваемая нами характеристика позволяет уточнить географию потребления в стране, наметить местности, где труд повышается в своей квалификации и обратно, где неблагоприятные социальные условия держат труд на низком уровне производительности. Мы видели уже, что капиталонакопление энергично развивается в форме, главным образом, торговых капиталов в старых промышленных и портовых центрах и, наконец, мы знаем, какую большую роль реки и закрытые моря играли в деле упрочения хозяйственной связи между различными местностями и странами.

¹⁾ Grundriss der Socialökonomie. VI. 1923.

4. Тенденции размещения хозяйственной деятельности в современном народном и мировом хозяйстве.

Последний период в описываемом нами общественном разделении труда охватывает эпоху развитого промышленного капитализма. Он начинается промышленным переворотом, вносящим полное переустройство в производство и в пути сообщения, и его нельзя считать кончившимся и в современности.

Общественное разделение труда в эту эпоху все больше и больше перерастает тесные границы национальных народных хозяйств. В порядке принуждения метрополия связывается с колониями, в порядке более или менее добровольном заключаются международные экономические соглашения. Огромную роль в деле установления международных связей играют частно-хозяйственные интересы класса капиталистов, они ведут к созданию устойчивых, регулярных хозяйственных сношений со всеми концами мира. Этими частно-хозяйственными связями захватывается и направляется не только денежный оборот и кредит, но и мировая торговля, транспорт и все больше и больше эти частно-хозяйственные соглашения (тресты) начинают регулировать национальное и даже мировое производство. Экономическая политика национальных государств становится все более орудием интересов организованных действий капиталистов. Национальное народное хозяйство, как мы видим, стоит на пути к реконструкции в систему мирового хозяйства.

В хозяйственной жизни рассматриваемого нами периода для нас наибольший интерес представляют экономико-географические изменения, происшедшие в системах народного хозяйства и особенно те из них, которые получили крупное значение в мировом хозяйстве. Часть этих перемен выявилась в пределах тех же ранее намеченных нами экономико-географических формаций в старой промышленной, сельскохозяйственной и портовой торговли. Но экономическая дифференцированность хозяйственной территории за последние полтора столетия лет сделала большие успехи. Появились совершенно новые промышленные каменноугольные-металлургические отрасли. В границах сельско-хозяйственных массивов обособляются более и менее интенсивные части, сильно обновилась жизнь старых промышленных центров и торговых портов. Как мы отметили, во многих случаях эти перемены были такого большого масштаба, что они переросли узкое народно-хозяйственное значение и понять и оценить их возможно только с точки зрения мирового общественного разделения труда.

Исходным моментом нового хозяйственного порядка принято считать конец XVIII века, период промышленного переворота в Англии. Этот промышленный переворот дал иные основы организации производства; предоставив в пользование механический двигатель и рабочую машину, он создал фабрику, и произвел огромные сдвиги в размещении индустрии.

На той же новой технической базе стал разворачиваться железнодорожный, пароходный, а в дальнейшем автомобильный и воздушный транспорт. Все это повело к колоссальному росту производительности труда и небывалому в истории хозяйства накоплению средств производства. Конкретно, среди этих средств производства, помимо сырья, ставшего поступать в центры переработки пароходами и по железным дорогам со всех концов мира, доминирующую, часто подавляющую, роль начинают играть железо и каменный уголь. Благодаря механическому двигателю по некоторым вычислениям, количество энергии, которым мы располагаем в настоящее время, в 7—11 раз больше, чем обладали наши предки, и почти вся эта энергия, двигающая промышленность и транспорт (93%), получается при помощи каменного угля. Двести лет тому назад каменный уголь имел ничтожное значение в хозяйстве. В эти годы его местонахождение в той или другой части страны ни в коей мере не определяло географию промышленности. Но в современности дело коренным образом изменилось. Уголь, дающий необходимую энергию, сам уничтожающийся во время сжигания и, таким образом, переносящий свою стоимость в изготовляемый продукт без перенесения в этот продукт своего веса, не мог не повлиять на размещение промышленности. Вместо того, чтобы перевозить миллионы и миллиарды пудов для сжигания их за сотни и тысячи верст от каменноугольных копей, промышленность стала находить выгодным сама подтягиваться к центрам добычи каменного угля. Во всех тех случаях, когда каменноугольные копи оказывались по соседству со старыми промышленными (Рур, Англия), или портово-торговыми районами, это счастливое совпадение содействовало в рассматриваемый нами период быстрому расцвету промышленности в этих местах и делало портовые центры мировыми торговыми гаванями, дающими дешевый уголь морскому транспорту.

Вместе с огромным влиянием каменноугольных копей, на сдвиги промышленности мы должны отметить также очень сильное воздействие на географию производства железодельной промышленности. Только после применения к добыче железа каменного угля, железо стало дешевым металлом. Широкое употребление железа для конструкции орудий и машин, для постройки железных дорог и мостов и вообще для строительных целей до необычайных размеров раздвинуло добычу и обработку железа. Особенно широко стали эксплуатироваться те железорудные богатства, которые оказались вблизи мощных каменноугольных копей, так как это обеспечивало дешевое топливо. Самые крупные горнопромышленные центры, английские, бельгийские, нижне-рейнские, приозерные САСШ, создались именно на базе использования более или менее выгодного соседства каменного угля и железной руды.

Нередко в тех же местностях, а иногда и обособленно, стали развиваться различные отрасли химической промышленности,

изготавливающие кислоты, щелочи, краски, удобрения. Массовое и быстро растущее потребление всех этих продуктов, нередко создаваемых на базе использования отходов, получаемых в других отраслях горной промышленности, все это в сильной мере форсировало образование новых центров, иногда значительно удаленных от старых промышленных областей.

К этим новым центрам, мы нередко видим, начинают тяготеть не только новые, за последние десятилетия развивающиеся отрасли промышленности, но при некоторых условиях к ним перемещаются даже и такие, имеющие почтенный возраст, как хлопчатобумажная и др.

Новые промышленные районы, не имеющие корней в ремесле и кустарничестве, развивающиеся в условиях быстрого накопления, обычно отличаются мощными, по последнему слову техники созданными промышленными аппаратами. Эти новые образования в тех случаях, когда они территориально не совпали со старыми промышленными областями, должны были произвести и действительно произвели значительные изменения в экономической географии всей страны.

В местностях, где мы наметили истоки общественного разделения труда, где в дальнейшем сформировался путем длительного накопления средств и сил старый промышленный центр, в этих местах в новый период мы, даже при отсутствии здесь своего каменного угля и железа (или при малых их количествах), наблюдаем крупнейшие прогрессивные перемены.

Эволюция форм промышленности, как мы показали в главе V, идет не одинаковым темпом в различных отраслях промышленности и в различных частях производственного процесса. Но в целом, темп этот зависит от масштаба первоначальных накоплений и от обхвата сбытом продуктов индустрии старого промышленного центра больших или меньших рынков сбыта. Как уже было отмечено, наиболее часто мы наблюдаем, что фабричная крупная промышленность особенно быстро захватывает в свои руки выработку пряжи, кожи, сортового железа, досок, т.-е. полуфабрикатов, и, наоборот, выработка готовых изделий—сапог, столярных, слесарных, портновских изделий, более или менее долгое время остается достоянием мелкой ремесленно-кустарной промышленности.

Несмотря на быстрый рост новых промышленных центров, старые области—и, особенно, накопившие значительное количество капиталов и квалифицированного труда—продолжают играть выдающуюся роль в системе общественного разделения труда. Благодаря активности этих областей мы видим, что во всех странах такое крупнейшее явление нового времени, как система железных дорог оказывается приспособленной прежде всего и больше всего к обслуживанию интересов этих центров (Москва, Париж и др.). Такое положение в железнодорожной системе обеспечило старым промышленным образованиям максимальные выгоды по отправке фабричных товаров и по подвозу сырья и топлива.

Очень часто мы видим, что между старыми и новыми промышленными областями устанавливается рациональное разделение задач и производственное взаимодействие. Например, железные полуфабрикаты, добываемые в новых промышленных районах, отправляются в старые центры, где из них вырабатываются тонкие изделия и инструменты. Квалифицированный труд старых центров—вот то специфическое богатство, в направлении использования которого идет специализация старых областей. Преимущественно здесь, мы видим, вырабатывается для снабжения остальных частей страны одежда, обувь, домашние изделия, художественная утварь, игрушки и т. п. В странах со слабой насыщенностью капиталами и дешевым трудом эти задачи выполняются кустарями и ремесленниками. В народных хозяйствах с мощным накоплением капиталов быстрее идет смена указанных примитивных форм промышленности фабриками и заводами. Формы промышленности изменяются, но направление производства в старых центрах устойчиво держится, ориентируясь на квалифицированный труд.

Второй характерной чертой промышленности в старых центрах является сильная выраженность выработки текстильных изделий. Хлопок, лен и другие виды текстильного сырья являются транспортабельными и чистыми, невесотеряющими видами сырья. Большой транспортабельностью отличаются и вырабатываемые из указанного сырья ткани. Быстрая смена кустарных промыслов фабрикой в текстильной промышленности сопровождалась значительными капиталовложениями. Все это укрепляет позиции текстильной промышленности в старых центрах народного хозяйства.

Но мощь старых центров упрочивается не только разделением промышленных задач между старыми и новыми областями. Последние десятилетия мы наблюдаем во всех странах, где такие центры недостаточно обеспечены местным каменным углем (Швеция, Норвегия, Франция, Германия и СССР), стремление получить дешевую энергию при помощи использования торфа, бурых углей и водных источников. Достаточно проглядеть карту электрификации Саксонии и Берлина, старого шведского центра, Лионского промышленного и нашей Центрально-Промышленной области, чтобы убедиться в законности наших убеждений. Старые промышленные области при содействии электрификации стремятся парализовать обнаружившиеся в их ресурсах недостатки. Если это им удастся сделать успешно, то тогда их роль в промышленной жизни страны еще более укрепит и им, при рациональном разделении хозяйственных задач со своими конкурентами, не страшно будет соперничество новых промышленных образований.

В тесном контакте с преобразованием хозяйства старых центров в сторону обслуживания местных потребностей развивается здесь сельское хозяйство. Наиболее часто встречающимися отраслями здесь является: огородничество, садоводство, возделывание картофеля, травосеяние, молочное хозяйство. Все то, что необходимо

для потребления городского и фабричного населения и что в силу малой транспортабельности невыгодно подвозить издалека, все это с большой выгодой добывается в местном земледельческом и скотоводческом хозяйстве. Тип сельского хозяйства новых промышленных областей имеет все тенденции эволюционировать в сторону только что описанного подгородного типа хозяйства.

На основных путях, между народно-хозяйственными образованиями и мировым рынком, как мы указали, уже в предшествующую эпоху создались по морским побережьям крупные торговые города. Вместе с развитием парового транспорта и приспособлением железнодорожного к доставке продуктов страны к портовым городам для экспорта, значение этих старых центров и хозяйственная их мощь сильно выросли. Ливерпуль, Гамбург, Марсель, Антверпен, Нью-Йорк стали мировыми центрами купли-продажи и переправки товаров. Здесь стала организовываться в огромных масштабах не только выгрузка и нагрузка товаров, отправка и прибытие судов, но и само судостроение, многочисленные транспортные конторы, страховые транспортные общества и неизбежный признак границы национального государства—таможни¹⁾.

Благодаря тому, что в портах больше чем в каком-либо другом пункте страны сосредоточивалось огромное количество экспортируемых и импортируемых товаров, а также и вследствие условий таможенного обложения и значительной разницы накладных транспортных расходов водных и железнодорожных перевозок, в этих центрах стали создаваться благоприятные условия для переработки проходящего через них сырья. Нередко в таких портовых центрах мы находим переработку импортируемых продуктов: каучука, джута, какао, маслосемян, в некоторых случаях зерна и хлопка.

Если прилегающий к порту промышленный массив пользуется дешевым привозным из-за моря каменным углем, то портовый город получает и в отношении топлива преимущества переработки проходящего через него сырья. Еще больше промышленная роль таких городов усиливается, если каменный уголь оказывается поблизости в округе влияния таких центров. Промышленность портовых центров сравнительно редко вступает в конкуренцию с новыми каменноугольными металлургическими районами; напротив, по текстилю и по выработке (сборке частей, привезенных из-за границы) машин и орудий столкновение этих приморских центров со старыми промышленными областями—нередко.

Как мы уже отмечали, в некоторых народных хозяйствах мы имеем территориальное совпадение старых промышленных центров с молодыми. Имеется совпадение старых промышленных формаций с портовыми. Наконец, можно отметить случаи—и они-то являются особенно важными для мирового хозяйства,—когда все три формации и старая промышленная область, и новая, и портовые центры

¹⁾ Зомбарт, В.—Современный капитализм, т. III, стр. 413/414.

оказываются увязанными к одному месту. Последнее явление мы наблюдаем в Англии и Приозерной области С.А.С.Ш.

Так в целом бурно развивались за последние полтора века промышленная и торговая деятельность, отвоевывавшие себе новые места, привлекавшие все большие кадры труда и концентрировавшие вокруг себя большие капиталы.

В связи с мощным развитием промышленности мы наблюдаем за истекшие столетия значительное перемещение населения в городские центры вообще и, особенно, сильное в крупнейшие города. Главным контингентом притекающего в города населения являются рабочие. Как мы отмечали, такое стягивание рабочих происходит и в местностях со старыми промышленными образованиями и в портовых городах, но особенно сильно это притягивание рабочих идет к горнопромышленным центрам. Кроме притяжения рабочего населения, мы наблюдаем стягивание к большим культурным столичным и административным центрам значительного количества чиновников, служащих торговых, банковых предприятий, научных и учебных учреждений.

В результате оказывается концентрируются одновременно и потребительские и рабочие городские центры, и такая концентрация идет часто за счет относительной, иногда даже абсолютной убыли сельского населения¹⁾.

Все сказанное ведет к тому, что сами городские центры скопления населения все больше и шире начинают форсировать вокруг себя особого типа производства, обслуживающие потребление горожан. Здесь развиваются производства: булочные, кондитерские, водопровод, электрические станции, столовые, пивоваренные, минеральных вод, различного вида починочные—платья, обуви, часов и т. п.

Так складывается в современных условиях капиталистического хозяйства география промышленной деятельности, ярко выраженная в особой форме городского общежития.

Распыленное на огромной территории и неорганизованное сельское хозяйство, дававшее продукты питания и сырье, сильно отставало в своем прогрессе от достижений индустрии. Однако, и здесь прожитой период произвел многие изменения.

В предшествующей главе мы указывали на возможность дифференцированного использования различных природных зон для сельскохозяйственной эксплуатации. В настоящей главе мы отметили, как эта эксплуатация стала захватывать пространства, прилегающие к удобным водным путям сообщения и отличающиеся сравнительно лучшим плодородием. Но помимо этих земель, в прошлый период оставалось большое количество пространств, лежащих по водоразделам рек, вдали от морских путей и от первоначальных

¹⁾ А. Вебер.—Grundriss der socialökonomie. 1923 г. В. Зомбарт—Современный капитализм, т. III, 377—437 стр.

очагов культуры. Если таких земельных пространств было немного в Западной Европе, то еще к середине XIX века ими обильна была Европейская и тем более Азиатская Россия, Северная и Южная Америка и Австралия. Основной задачей, решенной сельским хозяйством за последние 60—70 лет, является освоение всех этих девственных необъятных территорий. Это освоение могло осуществиться только при помощи такого мощного орудия, каким явился железнодорожный транспорт. Прорезывая на тысячу верст степные равнины и лесные дебри, перекидывая мосты через великие американские и сибирские реки, пробивая горы туннелями, железные дороги сетью своих станций, элеваторов и холодильников оживили, оплодотворили хозяйства новых далеких окраин. Там стали строиться города, туда многими десятками миллионов потекло из старых обжитых местностей население. Дешевый хлеб, мясо, дешевый лес, дешевый лен и хлопок, кожа и шерсть,—все это явилось на службу промышленности из далеких окраин по такой низкой расценке и в таком количестве, как никогда в прежние времена, мировые рынки не снабжались. В связи с развитием улучшенного транспорта становится более быстрым оборот благ и принимает все более устойчивую регулярную форму¹⁾.

Быстрое завоевание сельским хозяйством новых территорий при поднятии производительности и оплаты труда в промышленных центрах, а также в связи с дороговизной преодоления огромных расстояний, потребовало рационализации хозяйства на окраинах. Промышленные центры посылают на эти окраины вслед за плугом тракторы и массы различных уборочных машин, которые значительно повышают производительность труда.

Таковы крупнейшие перемены, происшедшие в географии сельского хозяйства, но на фоне их мы должны выделить еще одно очень важное явление. В субтропических природных зонах, в Индии Китае, Египте, Туркестане, Бразилии, Южных Штатах Сев. Америки,—вместе с ростом потребительского и производственного спроса европейских и американских промышленных центров, быстро развиваются специальные интенсивные культуры: хлопок, джут, чай, кофе, сахарный тростник и др. В старокolonизованных равнинах умеренных стран, лежащих, большей частью, в плодородных равнинах, прилегающих к старым центрам, развиваются свеклосахарное производство и другие интенсивные отрасли, дающие продукты для местной промышленной переработки. Мы уже отмечали, что многие из указанных областей с интенсивным хозяйством отличаются не только благоприятными природными условиями, но, кроме того, и сниженным уровнем заработной платы. Такие низкие расценки труда в дальнейшем нередко закрепляются тем, что некоторые из этих

¹⁾ Маркс. Капитал, т. II, 1885 г., стр. 180—181.

областей переходят к формам интенсивного хозяйства под давлением конкуренции экстенсивного хозяйства окраин, в связи со снижением доходности ранее существовавшего здесь зернового хозяйства.

Сравнительно низкую заработную плату мы находим не только в Китае и Индии, но также и в Южных Штатах¹⁾ Северной Америки и у нас в картофельном белорусском районе, и в свеклосахарном украинском. Сниженную расценку труда мы находим также и в ирландском льняном районе, в силезском и брауншвейгском свекловичных районах. Как мы выше показали, борьба за землю уже в давние времена создала неблагоприятные условия освобождения труда в России и в Соединенных Штатах. Колониальная политика и политическое устройство Китая и Индии привели также к угнетению земледельческого населения. Мы считаем себя в праве подчеркнуть наличие частого совпадения низкой оплаты труда с распространением интенсивных отраслей сельского хозяйства, дающих, как мы знаем, большое количество продуктов для местной переработки.

Все изложенное нами о последнем периоде общественного географического разделения труда мы, хотя и рисовали в виде формирования и размещения экономических областей в системе народного хозяйства, но, как мы уже отмечали выше, такое формирование нередко вело к созданию центров не только народного, но и мирового масштаба. В число центров такого мирового масштаба мы должны, прежде всего, зачислить промышленные области: английскую, атлантическую Соединенных Штатов и Нижне-Рейнскую. Во всех этих областях в большей или меньшей мере мы имеем преимущества, свойственные и старым промышленным областям и новопромышленным формациям и приморскому положению.

Большинство других промышленных областей не обладает такими преимуществами, но тем не менее значение их в мировом хозяйстве иногда велико, благодаря особенно выгодному экономическому положению на путях сообщения, иногда благодаря накопленным в прошлом квалифицированным навыкам (Париж, Лион, Лейпциг, Вена и др.) или, наконец, вследствие особых местных недровых богатств (медь, нефть, железо Швеции и проч.).

До уровня мирового значения, далеко опередившего местные внутренние потребности, в сельском хозяйстве доросли области, главным образом, молодых мощных окраин—Канады, Соединенных Штатов, Аргентины, СССР, дающие хлеб, мясо, шерсть, масло, лес. Рядом с ними, как мировые производители, должны быть поставлены субтропические области специальных культур: хлопковые плантации Южных Штатов Сев. Америки, Египта, Индии, кофейные плантации Бразилии и Аравии, плантации сахарного тростника, джута, чая, какао и т. п.

¹⁾ Ленин.—Теория аграрного вопроса, стр. 226.

Надо признать, что, несмотря на кажущуюся мощь государственных и частно-хозяйственных аппаратов, формирование указанных центров мировой продукции, несомненно, ориентируется не на субъективную государственную или частно-хозяйственную волю, а на совершенно объективные выгоды эксплуатации природных условий, выгодное положение на удобных путях сообщений и, наконец, на определенные наследия прошлого. Конечно, существующие таможенные преграды в некоторых случаях затрудняют развертывание рационального мирового общественного разделения труда. Колониальная политика, классовая борьба, войны,—все эти явления накладывают свой отпечаток на современную мировую хозяйственную жизнь. Но уже и в настоящее время нередко мы встречаем такие диспропорции частей в различных системах народного хозяйства, существование которых может быть понято только, исходя из системы мирового общественного разделения труда. Несомненно, что по тому же направлению все большей специализации и крепкой увязки с мировым хозяйством будут развиваться и другие части народных хозяйств. Географическое размещение хозяйственной деятельности в современности и дальнейшие изменения в нем все больше и больше будет окрашиваться началами мирового общественного разделения труда.

VIII. ГЕОГРАФИЯ ПРОИЗВОДСТВА, ОРИЕНТИРУЮЩЕГОСЯ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ, РАБОЧИЕ РЫНКИ И КАПИТАЛОНАКОПЛЕНИЕ.

1. География потребления, рабочих рынков, капиталовложений и системы транспорта.

Изучая генезис общественного разделения труда, мы имели возможность не только наблюдать смену форм производства и социальных отношений во времени, но и несколько уточнить основные тенденции перемещения производства, основных торговых центров и путей в пространстве.

Мы ставили себе задание в связи с перемещениями хозяйственной деятельности выяснить географию потребления, рабочих издержек, капиталовложения и транспортной сети в современности. Нам это необходимо сделать потому, что только при помощи такой географии мы можем уточнить размещение производства, ориентирующегося не на места добывания сырья, а на такие сбережения в издержках, которые толкают производство к центрам потребления, в сторону выгодного использования труда и к пунктам совершившихся уже в определенных местах капиталовложений. Так как в конкретной действительности изучение только-что перечисленной производственной ориентации совершается, преломляясь через исторически создавшуюся, часто вследствие больших предварительных капитальных вложений, транспортную сеть, то в число наших задач мы должны были включить и изучение сложения современного транспорта.

Каковы основные черты географии интересующих нас явлений в современности, видно из следующего.

На основе проведенного изучения мы знаем, что потребительские рынки централизованного городского типа с большей или меньшей примесью к рабочему населению лиц других классов мы находим в старых промышленных, горно-промышленных и портовых районах. Некоторые из этих потребительских рынков и, прежде, всего английский и бельгийский стали уже крупнейшими мировыми рынками. Но одновременно с городскими центрами продолжает существовать сельское хозяйство, участие которого в меновом обороте все более усиливается. снабжение сельских потребителей предметами индустрии, за исключением продукции отраслей, тяготеющих к местам потребления и потому рассеянных по территории

сельскохозяйственных местностей, обычно идет путем распределения ткани, одежды, обуви и домашней утвари, главным образом, из старой промышленной области на окраины. В отношении стран и народов со слабо развитой индустрией мы знаем, что центрами, обеспечивающими только-что указанными изделиями являются промышленные районы Англии, Франции, С. А. С. Ш. и Германии.

Крупная централизованная горная промышленность, в огромной доле вырабатывающая средства производства, оборудование транспорта, военные средства снаряжения, имеет совершенно иную географию своих потребительских рынков. Это в значительной доле крупные заводские судостроительные, железнодорожные предприятия, а также военное ведомство.

Характеризуя географию рынка труда в последний период свободного капитализма, Вебер подчеркивает мобильность рабочей силы и наличие тяги ее к наиболее емким рынкам. Мы должны констатировать серьезное значение массовых перемещений рабочей силы в центры горной промышленности, широкого использования имевшихся ресурсов ее в старых промышленных районах. Мы указывали на рост городского населения вообще за счет сельского. Но кроме огромного значения этих передвижений труда, мы должны еще упоминать о продолжающемся переселении из Западной Европы в Канаду, Соединенные Штаты, Аргентину, Австралию, а в СССР—из Европейской части Союза в Азиатскую. В этом движении за океан и на далекие окраины большую роль играет крестьянство, не удовлетворяющееся положением своего хозяйства в старых обжитых местностях.

Трудно найти мерло производительности труда в различных странах, стоящих на неодинаковом хозяйственном уровне и тем более в различных профессиях. Но тем не менее, судя по косвенным показателям, ориентируясь на реальную заработную плату в одних и тех же профессиях, мы должны признать, что наиболее высокой производительностью обладают рабочие промышленных центров. Реальная оплата труда довольно высока на малозаселенных окраинах, ведущих экстенсивное хозяйство. Наиболее низкую реальную заработную плату получает крестьянство старозаселенных земель сельских районов.

Из нашей характеристики географии общественного разделения труда видно, что впереди других местностей по капитало накоплению и вложению средств в основные капиталы идут горнопромышленные районы. Значительные затраты на промышленное оборудование и также на рациональное переустройство энергетической сети делают старые промышленные районы. В портовых центрах основные затраты частью идут на промышленность, а частью на поддержание средств морского сообщения. В этих последних центрах, так же, как и в старопромышленных, мы имеем значительные капиталы, вложенные в торговые и банковые предприятия, которые способны при благоприятных условиях приходить на помощь промышленному

строительству. Привлечение капиталов в сельскохозяйственные районы идет тем быстрее, чем большие выгоды дает получающаяся там продукция. Значительную роль в формировании капиталов играют здесь исторически сложившиеся социальные отношения. Одним из примеров последнего можно привести скопление капиталов в руках помещиков в интенсивных свеклосахарных и картофельно-винокурных районах. Первые этапы развития заводской переработки свеклы и картофеля, несомненно, тесно связаны с накоплениями указанного помещичьего хозяйства. За последнее время мы наблюдаем, что приемы накопления начинают меняться в интенсивных районах и они от частнокапиталистических переходят в формы кооперативные.

Но кроме капиталов национального происхождения, размещенных в производстве, мы должны еще отметить передвижения из богатых капиталами стран Соединен. Штатов, Англии, Франции и др. в колониальные и отсталые государства значительных средств. Очень нередко такие капиталы вкладываются в странах их ввозящих в те отрасли, в которых страна с избыточными средствами играет серьезную роль в мировом хозяйстве.

Чрезвычайно своеобразной формой вложения капиталов, сильно влияющей на географию хозяйства, является оборудование транспортной железно-дорожной, водной сети. Огромное развитие мировых и народно-хозяйственных транспортных связей ориентируется, главным образом, на установленные нами выше центры промышленности и потребления, которые этот транспорт стремится увязать с периферией, дающей сырье и продовольствие и получающей, как мы знаем, потребительские индустриальные товары.

Ориентируясь на промышленные области и, особенно, на старопромышленные, учитывая, кроме того, морские, речные, водные пути, строится с целью возможно большего приближения частей народного хозяйства к указанным промышленным центрам железно-дорожная сеть. Но поскольку современное народное хозяйство не является замкнутым и, как можно выразиться, своим лицом (экспортом и импортом) всегда повернуто к мировому хозяйству, то в том же самом направлении мы также находим обычно развитую железно-дорожную сеть. Эта последняя железно-дорожная сеть особенно ярко бывает представлена магистралями, идущими к портовым центрам от хозяйственных центров страны, к портам, т.-е. по направлению к дешевому морскому транспорту. По только-что указанной схеме слагаются пути сообщения в народном хозяйстве.

По народно-хозяйственным экспортным и импортным путям, а также пересекая моря и океаны пароходными линиями, поддерживается огромный товарный оборот мирового хозяйства. Наибольшей мощностью из всех этих международных путей отличается путь из Зап. Европы в Сев. Америку. Большими магистральными путями надо признать путь из Европы через Суэцкий канал в Индию и Китай, путь из Европы в Бразилию и Аргентину и, наконец, быстро развивающийся

путь из Европы и восточного побережья С. А. С. Ш. через Панамский канал к Западному берегу Северной и Южной Америки—в Китай и Японию.

2. Основные тенденции антисырьевой ориентации производства.

Имея в виду полученные нами географические указания о потреблении, рабочих рынках и капиталонакоплении, разберемся, какие отрасли промышленности и сельского хозяйства ориентируются на перечисленные центры притяжения.

Начнем нашу характеристику с потребительской ориентации. Как мы знаем из учения Вебера, потребительски ориентирующимися индустриальными производствами будут те, у которых материальный индекс меньше единицы, вследствие того, что при выработке продукта в него будет входить или только одно повсеместное сырье, или же доля его будет достаточно значительной.

Индустриальное производство, обслуживающее потребление и перерабатывающее исключительно повсеместное сырье, или сырье, широко распространенное, исчерпывается небольшим перечнем. Это будут в некоторых условиях заготовка дров, выработка кирпича и гончарных изделий, наконец, водопроводные сооружения. Значительно больше производств, ориентирующихся на потребление, благодаря тому, что они при переработке сырья должны привлекать, кроме локализованных материалов, и сырье повсеместное. К числу таких производств должны быть отнесены булочные, заводы: водочные, пивоваренные, минеральных вод и т. п. Но нами должны быть отмечены и еще две группы производств, имеющих резко выраженную потребительскую ориентацию. Первая группа характеризуется тем, что вырабатываемый в них готовый продукт, или вследствие значительного увеличения объема (мебельные, экипажные, картонажные, дорожные корзины, чемоданы), или вследствие легкой порчи в пути (зеркальное производство) так сильно теряет в своей транспортабельности, что производство подтягивается к местам потребления. Наконец, последняя группа производственной деятельности характеризуется тем, что она приспособляется к особенностям потребления (аптеки, фотография, работа на заказ в портняжном, сапожном деле, починка) и совершается обычно в близком соседстве к потребителю.

Перечисленные виды производства бывают обычно довольно широко выражены в описанных нами центрах промышленной деятельности—в старом промышленном, портовом и горно-промышленном районах. Но описанные виды производства сопутствуют вообще хозяйственную деятельность человека, и мы их найдем в достаточно выраженной форме в административных торговых городах сельскохозяйственных областей С. Америки и З. Европы, а в некоторой

части даже и в селениях этих стран. Снижение культурного уровня и слабое разделение труда будет вести к тому, что, предположим, в нашем Союзе за Уралом, мы не во всех городах найдем описанное нами производственное обслуживание целиком, и вполне понятно, что в местных селениях большинство таких хозяйственных задач будет выполняться в порядке домашнего хозяйства. Так должны мы характеризовать промышленную деятельность, ориентирующуюся на потребление.

Параллельно с потребительской ориентацией промышленности, вспомним те указания, которые мы имеем из исследования Тюнена о сложении подгородного хозяйства. Тюнен указывал, что добывание овощей и ягод, идущих на потребление в сыром виде и добывание молока, доставляемого в город в свежем состоянии, должно производиться вблизи к городу. То, что установил Тюнен 100 лет тому назад, остается непоколебленным и до настоящего времени, несмотря на значительные улучшения перевозки скоропортящихся продуктов. Но современные крупные городские центры, кроме того, потребляют большое количество цветов, цыплят, шампиньонов и других изысканных сельскохозяйственных продуктов, добывание которых производится под городом.

Наиболее ярко описанный нами стиль сельского хозяйства бывает выражен в столичных округах, часто совпадающих со старыми промышленными районами. Но, несомненно, характер хозяйства складывается в тех же самых чертах и около портовых городов и молодых горно-промышленных центров.

Подгородное хозяйство мы найдем и возле всех, сколько-либо развитых городских центров описанных нами сельскохозяйственных областей.

Перейдем теперь к характеристике географии промышленности, ориентирующейся на рабочие издержки. Основываясь на соображении Вебера, мы должны помнить, что отрасли с большим рабочим коэффициентом будут тяготеть к рабочим рынкам. Из дальнейшего изложения его учения и из приведенного нами исследования в гл. V мы знаем, что такими отраслями, где сокращение живого труда слабо затронута механизацией и в которых в то же самое время обычно перерабатывается чистый материал в виде полуфабрикатов, являются производства, вырабатывающие готовые изделия.

Как мы указывали, в этих видах производства имеется высокий коэффициент формирования, и они, по нашему мнению, должны иметь большие тенденции к ориентировке на рабочие издержки. Но мы вместе с тем не забывали и того, что выработка готовых изделий является последней стадией производственного процесса и как перерабатывающая чистый материал может проявлять тенденции тяготения к потребительским центрам. В хозяйственной действительности в лице старых промышленных областей ярко выражается совпадение

крупных средоточий потребления с огромными запасами исторически сложившегося квалифицированного труда. Кроме того, мы указывали, что эта область оказывается обычно прекрасно увязанной транспортом со всей страной, что значительно облегчает, как мы знаем, возможность осуществления потребительской и рабочей ориентации производства. По густой сети имеющихся здесь железных дорог к старому центру подвозятся чистые материалы и отсюда на окраины отправляются готовые изделия.

Отрасли производства, особенно часто ориентирующиеся на потребление и рынок труда старых промышленных центров, следующие: выработка одежды, обуви, шляп, галантерейных изделий, белья, игрушек, кондитерских изделий, художественных предметов, некоторой домашней утвари. В странах, насыщенных капиталами, как С. А. С. Ш. и Англия, эти отрасли представлены большей частью мануфактурными или фабричного типа производствами; в нашем Союзе главными производителями этих изделий являются кустарные гнезда. Специфической чертой организации указанного типа производств является то, что изделия, вырабатываемые ими, нередко меняют свою форму, а кроме того, меняющиеся потребности—моды,—часто выдвигают новые задачи. Быстро приспосабливаться к новым заданиям могут только квалифицированные работники. Больше чем где-либо для перечисленного типа производств имеет большое значение школьная подготовка специалистов, которую мы нередко здесь встречаем.

При анализе условий, на которые ориентируется производство, надо внимательно разделять между собою моменты возникновения производства от условий современного существования производства. Что это представляет существенное значение, можно иллюстрировать примерами металлического производства таких крупных центров, как Тула и Павлово. В XVI и XVII вв. оба указанных центра имели несомненно сырьевую ориентацию, так как получали необходимый им материал из местных железных руд. Совершенно иную картину мы находим уже за последние 30—40 лет в этих центрах. Металл подвозится со стороны и так как он является чистым материалом, то такой подвоз не противодействует тому, чтобы местное слесарно-скобяное производство, требующее квалифицированного труда, имело своей основой рабочую ориентацию. Почти ту же картину мы находим в знаменитом центре тонкой металлической промышленности Германии в Золлингене.

Вопрос об ориентации сельского хозяйства на рабочий рынок представляет большой интерес. Помимо того, что недостаток рабочих рук в деревне ведет во всех колонизируемых районах к усиленной механизации сельского хозяйства, как мы установили, обратно, на базе использования дешевого труда, исторически осевшего в определенных местностях, развивается часто интенсивное сельское хозяйство. Кроме отмечавшихся уже нами случаев, когда география дешевого труда совпадает с производством свеклы, картофеля, льна, хлопка, чая и т. п., мы должны еще указать на большое количество

случаев организации сельского хозяйства на базе использования дешевого труда, обнаруживающихся несмотря на отсутствие географического совпадения местностей низкой расценки труда и интенсивных отраслей сельского хозяйства. Одним из наиболее ярких случаев такого порядка является отход польских рабочих на свекловичные плантации Германии. Эти рабочие получали обычно на немецких плантациях значительно более низкую заработную плату, чем немецкие рабочие. Случаи такого передвижения дешевого труда к местам интенсивного сельского хозяйства довольно многочисленны.

Третьим историко-географическим явлением, на которое реагирует индустрия и сельское хозяйство в своем размещении, является капиталовложение. Мы уже указывали ранее, что капитальные вложения основных средств в здания и оборудование не являются абсолютными преградами для перемещения промышленности, как не является также абсолютным препятствием развитию горнопромышленных центров недостаток на месте рабочих рук. Но, однако, мы только что выяснили, что ориентация на рабочие руки имеет совершенно реальное значение и в таком же именно смысле мы полагаем, надо нам разобраться в ориентации производства на центры капиталовложения.

Оставляя в стороне ориентированную на сырье горную промышленность, которая в то же самое время, как мы знаем, требует огромных капитальных вложений¹⁾, мы полагаем, что другие скопления промышленности в портовых центрах и старопромышленных районах нам следует проанализировать с точки зрения влияния на их размещение имеющихся капиталовложений.

Довольно ярким представителем связи размещения с капиталовложением является в некоторых своих частях текстильная промышленность и, особенно, прядение. Мы уже указывали (гл. V) на то, что высокая техника производства здесь снижает остроту потребности в квалифицированных рабочих. В то же самое время, хотя волокно и является чистым материалом, но при производстве прядения совершается некоторая потеря в весе. При таких условиях создается неустойчивость штандорта прядения. В странах, где возможность новых капитальных вложений ограничена, это производство держится за центры старого капиталовложения. Несколько иное находим мы, например, в С. А. С. Ш., где хлопчатобумажное прядение за последнее десятилетие стало передвигаться в сторону мест добывания сырья.

В портовых районах мы встречаем влияние капиталовложения в другой форме. При изучении географии весотеряющего сырья, мы

¹⁾ Что такие капитальные вложения имеют огромное значение для географии горной промышленности, видно из того, напр., что у нас в СССР при затрате капиталов на добывание бурых углей Московск. бас. последнее, вместе с электрификацией, получает большое народнохозяйственное значение, но имеются каменноугольные бассейны, в которых есть уголь прекрасного качества, однако добывание его ведется в незначительных масштабах (Китай) вследствие недостатка капиталовложения.

уже указывали, что удобство транспорта иногда несколько парализует стремление перерабатывать весотеряющее сырье на месте и оно перемещается к центральным торговым распределительным пунктам, а это и будут, большей частью, портовые центры, где и перерабатывается. К сказанному мы должны теперь добавить, что капиталонакопление, а вместе с тем и капиталовложение в промышленности, перерабатывающей сырье, часто идет в портовых центрах значительно быстрее, чем на местах добывания сырья. И, таким образом, нередко возникшие в порту маслостроительное, лесопильное и другие производства укрепляют на дальнейшее время традиции подвоза грубого сырья и замедляют развитие переработки на местах добывания.

Вопрос капиталовложения имеет, как мы знаем, существенное значение и для размещения сельского хозяйства. Жесткая эксплуатация крестьян и финансирование помещиков государством стимулировали выгоды организации на местах добывания спирта из картофеля, сахара из свеклы, а это вместе с тем форсировало развитие и соответствующих отраслей земледелия. В указанном только что направлении надо чрезвычайно высоко ценить кооперативное капиталонакопление и вложение в маслодельные, овоще-сушильные, крахмалопаточные и другие заводы.

3. Взаимодействие различных видов ориентации и транспорт.

Таким образом, мы видим, что интересующая нас антисырьевая ориентация производства в реальной действительности складывается в различных комбинациях. Иногда выявляется она в форме совместного притяжения производства потребительскими пунктами, рынками труда и капиталовложениями, как это мы находим в старых промышленных центрах. В портовых центрах довольно ярко выявляется, помимо влияния особенных удобств транспорта, еще ориентация на капиталовложения.

В сельском хозяйстве мы должны отметить также наличие значительного воздействия в интенсивных районах выгод использования рабочего рынка и капиталовложения.

Нарисованное нами размещение производства с антисырьевой ориентировкой нельзя представлять себе как то механически внедрившимся в систему производства, связанного с местами добывания сырья. Такая связь должна быть органической. Намеченные нами центры промышленной деятельности, включаемые историей в ту или иную природную зону, не изменяют ассортимента растений, свойственных зоне в пределах пригородных районов, т. к. они не влияют на физические условия вегетации, но, однако, они отбирают из среды возможных растений такие, выгоды выращивания которых под городом особенно значительны. То же приходится сказать и по поводу взаимодействия между промышленностью, ориентированной на сырьевые базы, и промышленными центрами исторического происхождения.

Мы указывали уже, что совпадение добывания недрового сырья и переработка его с исторически сложившимися промышленными центрами еще более форсирует всю местную промышленную жизнь. Иное приходится сказать о соседстве свеклосахарных, картофельно-винокуренных хозяйств, с промышленными районами индустриального типа. Большие выгоды использования труда в промышленности сильно снижают возможность развития здесь трудоемких интенсивных форм земледелия. Ярким примером некоторого ограничения интенсивных отраслей земледелия может служить сельское хозяйство С. А. С. Ш., прилегающих к северо-восточному промышленному образованию.

Большое хозяйственное значение, особенно в местностях, обладающих сырьевыми ресурсами, имеет то, что значительная часть этого сырья после некоторой переработки идет на обслуживание местного же потребления. Наиболее типичными видами производств, исполняющими такие задания, являются мукомольные мельницы, маслостроительные, крупорошковые и т. п. Такие производства мы встречаем не только в центральных рыночных пунктах или городах, но весьма часто и в селениях.

Но помимо взаимодействия между различными видами антисырьевой ориентации, мы должны еще остановиться на том, какое влияние оказывает транспортная сеть на размещение производства в пространстве. При изучении сырьевой ориентации мы указывали уже, что улучшенные железнодорожные и водные пути обостряют специализацию добывающего сырья производства применительно к выгодам, предоставляемым природными условиями. Но в то же самое время приходится признать законной и противоположную тенденцию, а именно то, что улучшенные пути сообщения усиливают ориентацию на рабочие рынки и на существующие капиталовложения. Все это вместе взятое ведет, с одной стороны, к рассеянию производства, добывающего сырье, и использованию захватываемых территорий сообразно с предоставляемыми природой выгодами. С другой же стороны, это усиливает концентрацию исторически сложившихся промышленных массивов и слабое их расширение в пространстве. Последнее явление осуществляется обычно благодаря значительному приливу рабочего населения в эти промышленные центры со стороны.

Таким образом, улучшенные пути сообщения являются сами в своей системе могучим фактором размещения производства. Не только потому, что они объединяют страну в единую систему народно-хозяйственного разделения труда, но также и потому, что их география отражается на характере размещения производства, связанного с сырьевой базой, и влияет на расположение исторически сложившихся промышленных районов. Такие свойства транспорта особенно сильно обнаруживаются в крупных системах народного хозяйства, захватывающих большие пространства и при наличии, кроме того, низких дифференциальных тарифных ставок на большие расстояния.

Те же тенденции усиливаются часто в реальной действительности тем, что рассматриваемый нами транспортный аппарат в своем конкретном выражении представляется весьма неоднородным как в пределах одного народного хозяйства, так и по различным странам. В таких развитых системах народного хозяйства, как С. А. С. Ш., Франция и др. мы имеем широко используемый водный морской и речной транспорт, включая сюда и каналы. Затем, далее, мы имеем широко развитую железнодорожную сеть и, наконец, мы находим страну, покрытую густой сетью различного вида шоссейных дорог, вполне пригодных для автомобильного транспорта. Роль простых, не улучшенных, дорог в этой системе транспортной связи незначительна. Оставляя в стороне международное морское сообщение, обслуживающее экспорт и импорт указанных стран, мы видим, что морским каботажным сообщением перевозятся наиболее громоздкие грузы на далекие расстояния. Внутренние водные пути в общей системе транспорта оказываются загруженными, главным образом, перевозкой: угля, дерева, камня, сена и др. подобных громоздких материалов. Задачи железных дорог в этих народных хозяйствах иные. Они перевозят более ценные сельскохозяйственные продукты и обслуживают промышленные центры по распределению вырабатываемых в них изделий на дальние расстояния по стране. В их задачи входит и поддерживать пассажирское движение дальнего следования. Развитое в этих странах автомобильное и трамвайное сообщение берут на себя задачу обслуживать пассажирское движение на короткие расстояния. Быстро растущий автомобильный транспорт, кроме того, вытесняя лошадь, заменяет ее в перевозке молока и овощей в город, а также и по доставке из города в деревню наиболее ценных товаров (мануфактурн. и пр.).

Описанная нами специализация транспорта оказывает чрезвычайно мощное влияние на размещение хозяйства в стране и, главное, она еще более усиливает отмеченные нами выше тенденции. Это особенно сказывается потому, что не все эти способы сообщения по условиям рельефа, климата, а также по влагаемым в транспортную систему народно-хозяйственным средствам оказываются равномерно распределены по частям страны и по различным народным хозяйствам. Тогда как передовые страны и области оказываются при чрезвычайно совершенных условиях сообщения, во многих частях мира, мы знаем, перевозка товаров производится караванами верблюдов, на собаках, а иногда товары переносятся людьми. В результате отмеченная нами концентрация исторически сформировавшихся промышленных центров является мощным фактором сложения крупнейших мировых промышленных районов, на ряду с тенденцией к рассеянию по далеким окраинам производства, связанного с добыванием сырья.

IX. ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВА.

1. Постановка исследования.

В предшествующих очерках мы ставили себе целью познание тенденции географического размещения производственных единиц под влиянием развертывающегося общественного разделения труда. Мы это делали, анализируя географию добывания сырья и отраслей производства, ориентирующихся на места добывания; мы изучали ориентацию видов производства на географию потребления, рынков труда и капиталонакопления. Для установления географии природных условий, на выгодах эксплуатации которых базировалось размещение добывания, мы опирались на естественно-исторические данные. При помощи изучения генезиса общественного разделения труда мы уточняли исторически сложившуюся географию потребления, рынков труда, капиталонакопления и транспортной сети. Наши объяснения тяготения производства к тем или иным географическим центрам или местностям—мы строили, основываясь на предпосылках, даваемых учением о штандорте.

Идя такими путями, мы объясняли причины специализации одних местностей на зерне, других—на свекле, третьих—на угле и железе, четвертых—на выработке предметов личного потребления и т. п. Чем глубже внедрялось в ту или иную часть пространства общественное разделение труда и большие выгоды в связи с этим получало специализированное производство, тем ярче вместе с тем должны были проявляться интересовавшие нас закономерности.

Но в изучавшемся нами процессе общественного разделения труда мы, на ряду со специализацией, должны были отмечать наличие сочетаний отраслей, приуроченных к одной и той же территории. В предшествующих главах в наших описаниях такие сочетания слагались вследствие того, что одни и те же факторы могли способствовать выгоде организации в той или иной местности нескольких соседствующих отраслей. Когда мы изучали природные условия и преломляли их влияние в добывании сырья, то мы отмечали, что, предположим, в зоне теплой умеренной мы имеем возможность выращивать: кукурузу, бахчевые, виноград, фрукты, табак, подсолнух, свеклу, пшеницу, рожь, ячмень и проч. культуры. Таким образом, получалось, что одновременно с специализацией мы имели возможность констатировать и наличие большего или меньшего многообразия,

дававшее не случайное, а определяемое природой сочетание. Такие, обусловленные выгодами эксплуатации природы, сочетания мы можем иметь и в местностях, обильных теми или другими недрами богатствами. Мы их находим при эксплуатации лесных богатств, дающих не только дерево, но и пушнину, дичь, грибы, ягоды и т. д. Такого же рода природно обусловленные сочетания мы имеем при использовании богатств морей и океанов.

Помимо условий добывания сырья, так же и исторически сложившиеся центры потребления, рынки труда и капиталовложения, как мы помним, способствовали не только узкой специализации промышленного и сельскохозяйственного производства, но как мы видели, они обычно форсировали развитие нескольких производственных отраслей, содействовали сложению пестрых производственных сочетаний. Многообразию отраслей производства в старом центре, в новом промышленном горнозаводском районе, в портовом промышленном и, наконец, в сельскохозяйственных интенсивном и экстенсивном районах является не случайным. Разбираясь в том, как влияет потребительская ориентация на размещение сельского хозяйства и индустрии, мы вслед за Тюненом указывали, что в подгородном районе будет организовываться молочное и огородное хозяйство; в отношении промышленности мы намечали, что к центрам массового (городского) потребления будут тяготеть такие отрасли, как столярно-мебельное, булочное, кирпичное и другие. Между всеми этими отраслями как сельскохозяйственными, так и промышленными мы можем не иметь никаких особых хозяйственных связей, помимо меновых отношений, но наличие их по соседству в одной местности имеет экономическое обоснование и объясняется тяготением всех их к исторически созданным центрам потребления. Пестрый состав отраслей, как мы видели, тяготеет и к рынкам квалифицированного труда.

Таким образом, пройдя снова по сделанным нами основным разрезам общественного разделения труда, давшим нам возможность уточнить причины специализации, мы в то же самое время должны констатировать, что те же самые причины вели еще и к образованию каких-то устойчивых сочетаний отраслей производства в определенных местностях. Такие многообразия оказывались причинно обусловленными в пространстве; нахождение таких сочетаний в том или другом месте было вполне закономерно.

Все приведенное свидетельствует о том, что наблюдаемые нами повторения сочетаний отраслей производства в пространстве заслуживают особого внимания и изучения. Но кроме того, надо признать, что и самое это сочетание является одним из условий, усиливающих выгоды общественного разделения труда. Не смотря на то, что эволюция географического общественного разделения труда форсирует специализацию в пространстве, последняя, в силу определенных хозяйственных условий, только в редких случаях доходит до районов монокультурного хозяйства в

земледелии и еще реже захватывает одной отраслью промышленности более или менее значительные пространства.

Некоторые из таких причин, ведущих к многообразию производства, совершенно ясны и не требуют особого изучения. Население, обслуживающее специализированную отрасль производства, должно в то же самое время представлять из себя потребительский пункт и, следовательно, форсировать вокруг себя производства, потребительски ориентирующиеся. Чем крупнее, по числу участвующих в нем рабочих, изучаемое нами специализированное производство, тем, очевидно, такое обслуживание должно быть большего масштаба.

Но, как мы знаем из учения Вебера, такие сочетания, скопления различных отраслей производства к одному пространству могут иметь и более сложное объяснение. Говоря о высшей ступени агломерации, Вебер указывает, что сбережения, получающиеся здесь, являются следствием стягивания к одному месту отдельных производственных единиц, которые в той или иной форме берут на себя обслуживание производства кредитом, организацией сбыта, складами, подвозными путями, выделившимися самостоятельными частями процесса производства, ремонтом, силовыми установками, водопроводом.

Как мы знаем, основными центрами такой агломерации Вебер считает для отраслей с высоким коэффициентом формирования—рабочие пункты, а для отраслей с низкими коэффициентами формирования материальные и топливные склады. Чем ниже будут при этом тарифные транспортные ставки, тем эти процессы должны происходить энергичнее.

Говорит о процессах сочетания Вебер и при изучении разложения стадии производственного процесса. Он отмечает, что при привлечении в производство повсеместных материалов в первую стадию, или значительного количества каменного угля во вторую стадию, ориентировка обеих стадий может совпасть.

Переходя к анализу взаимосвязанности самостоятельных производств, Вебер указывает, что производства могут быть объединены: 1) по техническим и хозяйственным основаниям, 2) на предварительных ступенях производства материальной связностью и 3) вследствие использования одним производством готовых изделий другого в виде вспомогательных средств (чаны, котлы, бутылки). Наибольшее значение Вебер придает материальной связности и полагает, что изучение таковой связности надо вести, исходя из того, что главный производимый продукт играет дирижирующую роль.

Вебер подчеркивает, что объединение стадии производственного процесса в последнем фазисе развития капитализма получает особенно яркое выражение и что наиболее мощные производства обычно притягивают к себе те производства, сочетание с которыми ведет к снижению их издержек производства.

Наконец, говоря о сбережениях на издержках, являющихся результатом скопления производства к одному месту, Вебер указывает, что увеличение земельной ренты, возможное вздорожание сырья, поднятие заработной платы и т. п. может принижать и парализовать выгоды такого скопления.

Необходимо признать, что в теории Вебера не дается законченной системы исследования интересующих нас сочетаний. Но тем не менее, все приведенные выше указания являются весьма существенными и помогают подойти к разрешению поставленной нами проблемы. Мы, конечно, должны ориентироваться прежде всего на те сбережения, которые получаются от сочетания производства в те или другие комбинаты. Но в реальной действительности обычно имеются более или менее ограниченные запасы сырья, рабочей силы и капиталов, которыми обеспечена местность с интересующими нас сочетаниями производства. Эта предельность возможных выгод, имеющих в том или ином районе, в одних случаях может быстро парализовать выгоды сочетания производства в одном месте, в других, обратно, может распространить сочетание до больших масштабов. Но весьма существенно отметить также и то, что пропорции запасов сырья, труда и капитала могут оказаться также весьма различными, и, следовательно, это уже будет влиять не только на количество, но и на качественный отбор, входящих в сочетание производств. Последнее особенно необходимо подчеркнуть, потому, что каждый вид производства не только предъявляет определенные требования на количество необходимых ему производственных ресурсов, но эти требования предъявляются и в некоторых более или менее устойчивых пропорциях. Конечно, известная доля труда, может быть в сельском хозяйстве и в промышленности заменена машинами; недостаток почвенного плодородия может быть повышен искусственным удобрением, но все такие формы замены одного средства производства другим всегда имеют реальное хозяйственное ограничение.

Таким образом, мы будем вести изучение, ориентируясь на хозяйственное использование сырьевых ресурсов, рабочей силы и капиталов в производстве. Такая установка в то же самое время позволяет нам уточнить географию тех мест, где должны происходить интересующие нас процессы сочетания производств. Ставя так исследование, мы этим самым не игнорируем указаний Вебера и постараемся их использовать в дальнейшем.

Методику изложения этого сложного вопроса мы возьмем из учения об организации сельскохозяйственного производства, которое имеет в этом направлении большой опыт и, как нам кажется, значительные заслуги. Анализ организационно-хозяйственных связей мы будем рассматривать, изучая сочетание отраслей на базе хозяйственного использования: 1) сырья, 2) труда, и 3) основных капиталов.

2. Сочетания на базе организации использования сырья.

Начнем с характеристики организации использования сырья в сельском хозяйстве. Трактую здесь проблему применительно к земледелию, мы должны поставить, главным образом, вопрос об использовании почвенного плодородия. Как известно, при бессменной культуре какого-либо растения, при условии отсутствия удобрения мы будем расхищать почвенное богатство и одной механической обработкой земли мы не в состоянии поддержать почвенного плодородия. Агрономический опыт издавна подошел к проблеме смены культур, и комбинация зерновых культур с картофелем, льном, травами в одних районах, пшеницы, люцерны, хлопка—в других, как мы знаем, создает такие условия, которые дают возможность с наилучшим эффектом производить затраты на обработку и на удобрение, обеспечивая устойчивый и наивысший доход хозяйству. Если перечисленные нами культуры до включения их в севооборот и составляли какое-то обусловленное природой или другими причинами сочетание, то включение их в определенный севооборот, хотя и не нарушает такого подбора отраслей, но подводит под него уже иной, более прочный фундамент. Если бы не требование севооборота, стремящегося к обеспечению плодородия почвы, то, несомненно, выгоды хлопкового или льняного хозяйства должны были бы привести нас к возможности формирования монокультурных хлопковых, табачных, льняных и т. п. районов. Однако, этого мы не встречаем. Сельским хозяйствам приходится не только удобрять землю и изодраться в ее обработке, но и давать земле отдых, пуская ее под менее требовательные культуры, используя под искусственное травосеяние, а может-быть, и оставляя ее под залежь, пригодную только для выпаса скота.

Агрономическая наука усиленно работает над системами земледелия, системами полеводства и севооборота, которые в целом должны указать наиболее выгодные сочетания культур, дающие возможность целесообразно использовать почвенное плодородие.

В районах с исключительно благоприятными природными условиями (тропики) мы иногда наблюдаем создание почти монокультурных хозяйств, требующих большого внесения удобрения. Во многих случаях хозяйство оказывается вынужденным вести монокультурного типа производство, потому что возделываемое растение оказывается многолетним. Это мы находим в садоводстве, виноградарстве, на кофейных, чайных и других плантациях. Реже встречается монокультура с однолетними растениями. К числу таких растений приходится отнести, например, рис на поливных землях, представляющий, как известно, огромное требование на поливную воду и на выравненные посевные площадки, а то и другое, вместе взятое, имеет остро выраженную локализованность. В такой стране, как Соединенные Штаты, мы благодаря обилию капиталов и возможности

широко использовать искусственные удобрения иногда сталкиваемся с фактами большего или меньшего игнорирования последовательной смены культур. Встречаемся мы, наконец, в районах окраинных, только-что приступающих к распашке земли, с огромными посевами исключительно одной пшеницы по девственным землям.

Перечисленные нами факты указывают, что в некоторых случаях организация использования почвенного плодородия не ведет к устойчивому сочетанию полевых культур в плодосмене. Но самый перечень таких отклонений уже свидетельствует о том, что в экономике мирового сельского хозяйства организационно-производственное сочетание полевых культур является укоренившимся обычным правилом. Наличие его позволяет нам часто находить в тех или других сельскохозяйственных районах отрасли, соседствующие не случайно, а находящиеся между собой в постоянном взаимодействии внутри одного производства.

Изложенные положения уже знакомы нам по учению Тюнена. Приходилось нам возвращаться к этим вопросам и при изучении тенденции размещения земледелия.

Если основой сочетания отраслей в полеводстве в большом числе случаев является почвенное плодородие, то для отбора скотоводческих отраслей, как уже ранее было указано, имеет большое значение количество и качество имеющихся на месте кормовых ресурсов. Ресурсы эти обусловлены не только природой, обстановкой, но и системой только-что нами описанного земледелия. Как известно, сено, солома, мякина и пр. корма являются мало транспортабельными продуктами и не могут перевозиться для сбыта на рынок. Это, как говорят сельские хозяева, большею частью не рыночные продукты. И вот в зависимости от того, какое количество кормов получило хозяйство и какая доля из них состоит в сене, соломе, кормовой свекле, кукурузе и т. п., хозяйство будет держать не только необходимое количество лошадей для обработки, но то или другое количество молочного и мясного рогатого крупного скота и мелкого—свиней, овец и т. п. Мы не отрицаем того, о чем говорили и выше, что иногда выгоды скотоводства, доставляемые ближним рынком, заставляют хозяина производить корм в хозяйстве для получения большего количества молока или для выращивания мясного скота, дающего продукт высокого качества. Это все так, но это не устраняет наличия организационно-хозяйственной связи между системой кормообеспечения и структурой скотоводства.

В сельском хозяйстве описанные нами схематически организационно-хозяйственные связи не только изучены, но стали давно уже хорошими орудиями при изучении экономической географии сельского хозяйства.

Иное мы находим в индустрии. Несмотря на наличие здесь очень большого количества сочетаний, основывающихся на использовании сырья, или вообще материала, идущего в переработку, мы до сего

времени в экономической литературе о промышленности не имеем достаточно внимательного подхода к изучению таких сочетаний.

По вопросу о связности между отраслями, вследствие единства перерабатываемого сырья, в работе Вебера находятся некоторые ценные указания. «Данный вид связи может быть обозначен, как связность на предварительных ступенях производства, а так как связь на предварительных ступенях чаще всего представляет связь через потребляемые в производстве материалы, то ее можно назвать также материальной связанностью». В сделанной выписке мы очень существенным считаем указание Вебера на ступени производственного процесса, анализ которых вообще его интересовал.

Как мы указывали выше, промышленность, расчлняясь на стадии производственного процесса, обладает большой способностью к маневрированию этими стадиями. Она может в зависимости от выгоды часть их ориентировать на места добывания первоначального сырья, часть переносить в места окончательного сбыта изделий и, наконец, может формироваться такая комбинация этих стадий, когда часть их сгруппируется около той ступени производства, которая вырабатывает полуфабрикат и использует при этом значительные количества побочного сырья или топлива.

Мы полагаем, что так же, как экономисты, сельскохозяйственные работники обратили особое внимание на плодосмен и на кормообеспечение и благодаря этому имеют хорошие методы анализа сельскохозяйственной действительности, в равной же мере в центре внимания при изучении процессов сочетания отраслей индустриального производства должно быть поставлено исследование стадий производственного процесса. Уже на первой ступени производственного процесса нередко нам будет встречаться имеющее огромное значение в экономической географии явление—объединение добывания сырья с первичными формами переработки. Так же, как в первой стадии производственного процесса, первичная переработка и выработка полуфабрикатов по изученным нами основаниям иногда входит в устойчивое сочетание, так нередко можно наблюдать и на противоположном конце производственного процесса, имеющем обычно антисырьевую ориентацию, различные комбинаты производства, связанные материалами. Нередко мы наблюдаем, что рядом с прядильными фабриками организуются ткацкие и красильни, рядом с кожевенными заводами—обувные и шорные мастерские.

Кроме указанных методов сочетания по стадиям производства, в большинстве производственных процессов имеется такая ступень, на которой помимо главного по ценности продукта, получается еще какой-то побочный, способный к утилизации. Такими продуктами могут быть: в прядении—очесы, при выделке кож—шерсть, при разработке досок—обрезки и опилки, в маслбойном деле—жмыхи; подобные же отбросы получают при перегонке нефти, при химической обработке угля и различных минеральных богатств.

Многие из этих побочных продуктов получают практическое значение благодаря тому, что они скопляются в массе. Так как в то же самое время расценка их в единице веса обычно низка, то промышленное использование их может осуществиться большей частью только по соседству с местом переработки основного продукта. Такие сочетания лесопильного дела с химической переработкой, кожевенного дела с войлочным и клееварным производством, каменноугольного с химической промышленностью и т. п. мы встречаем часто в промышленных центрах.

Но связь отрасли по сырью может быть и не только в направлении использования каких-либо отходов. При заготовке леса сплошной вырубкой в обработку могут поступать материалы и различной длины и толщины, различных пород деревьев и т. п. Наличие такого многообразия в рассматриваемом нами сырье обуславливает и многообразие производственных задач. Наконец, возможны и такие случаи, когда поступающее, предположим, в обработку сортовое железо или сталь признается наиболее выгодным так резать на части для дальнейшей обработки, чтобы весь материал шел в работу. Вследствие этого мы можем иметь опять-таки на основании единого используемого сырья выработку ножей, ножниц, оконных и дверных приборов, замков и др. мелких слесарных изделий. То же самое умножение заданий мы наблюдаем в крупных предприятиях, заинтересованных в экономном раскрое кожи и тканей. Делаются разрезы производятся с точным учетом того, чтобы по возможности каждый вершок ткани и кожи был употреблен в дело.

В связи с только-что отмеченным, когда экономия на ценное сырье приводит к необходимости увеличивать многообразие производства, мы должны напомнить то, что было нами уже подчеркнуто в главе V при характеристике разложения производственного процесса. Мы указывали, что нередко выработка закройки и штамповки вызывает необходимость создания обособленного производства, которое, однако, локально и организационно обычно бывает связано с обслуживаемым им основным производством.

Наш обзор производственных связей, возникающих на базе экономии использования сырьевых ресурсов, ясно показывает, что такие связи очень нередко ведут к созданию прочных локальных сочетаний тех или других отраслей сельского хозяйства и индустрии и обеих этих отраслей вместе.

3. Сочетания на базе организации труда

Второй основой, ведущей к сочетанию отраслей производства как в обособленных, так и в одном месте соседствующих предприятиях, является вопрос использования труда. Мы уже указывали, что тот или другой уровень заработной платы, та или иная квалификация труда ведут к отбору определенных отраслей. Но не этот отбор нас сейчас интересует.

В наших рассуждениях мы должны исходить не из представления о беспредельном количестве ресурсов труда, имеющихся на рабочем рынке. В реальной действительности в каждом отдельном хозяйстве как в семейном, так и с наемным трудом—количество труда ограничено и не может произвольно увеличиваться. При такой предпосылке мы, например, в сельском хозяйстве типа простых товаропроизводителей принуждены будем искать путей такой организации труда, чтобы труд в целом за весь год давал максимальный доход. Это иногда нас заставит отказаться от такой отрасли, которая дает доход в пять рублей в день, но, используя труд в течение одной недели, дезорганизует другую отрасль, дающую доход по два рубля в день в течение трех месяцев. Расчеты выгодного использования труда в хозяйстве приводит крестьянина в районах с коротким вегетационным периодом к необходимости использовать зимнее время в интенсивном скотоводстве в лесных и других промыслах. Этот же расчет, связанный с целесообразным использованием труда, помимо описанных нами забот о поддержании почвенного плодородия, препятствует организации монокультурного, свекольного или хлопкового хозяйства, так как в критические моменты ухода за этими культурами труда требуется так много, что его нехватает в хозяйстве и нет возможности приобрести на рынке.

Почти в таком же положении оказываются кустари и ремесленники, принужденные часто помимо своей основной отрасли подрабатывать еще на каких-то иных отраслях. Как в этих хозяйствах, так и в крестьянских нередко основой сочетания различных отраслей в одном хозяйстве, является необходимость использования женского, неполноценного детского и старческого труда. Очень нередко, например, на севере, в районах с лесными заготовками, в которых широко используется мужской труд, мы видим, что женщины используются в кружевных промыслах, а старики и дети—в выработке коробок, кузовков, и прочих изделий из бересты.

Ограниченные трудовые ресурсы оказывают то или иное влияние на структуру фабрично-заводских предприятий. К этому приспособляются не только крупные сезонные промышленные предприятия, которые используют один и тот же наемный труд в течение всего года по различным заданиям; но наличный контингент труда в его профессиональном, половом и возрастном составе, несомненно, нередко является, как мы отмечали выше, фактором, ведущим к увеличению многообразия промышленных заданий. Имея в виду нужды и интересы рабочей семьи, продающей труд не только мужчины, но все больше и женщины, надо полагать, что в тех местностях, где отрасли производства организованы в соответствии предложению труда сочетания, обе половины рабочей семьи будут иметь более обеспеченный заработок. Но помимо того, что рабочая семья имеет возможность поставлять на рынок труд в определенном составе, благодаря развитию профессионального

движения и вмешательству государственной охраны труда, ограничивается предел эксплуатации рабочих и часто женщины и дети не допускаются на вредные для их здоровья производства. Все это также влияет нередко на усиление многообразия производства, ориентирующегося на выгоды использования имеющихся на месте ресурсов труда.

Ярким примером последнего является возникновение текстильных фабрик в горнопромышленных районах. Основанием для их возникновения является не только дешевое топливо и возможность подвоза дорогого не теряющего сырья, но также и выгоды использования труда жен шахтеров, работа которых в шахтах по условиям охраны труда обычно несколько стеснена.

Вторым основанием для сочетания отраслей производства по трудовым ресурсам является уровень квалификации труда в таких местностях, как старые промышленные районы, в которых исторически сложились большие кадры квалифицированных рабочих, мы имеем не только более высокую оплату труда, но, кроме того, значительное скопление отраслей с высоким коэффициентом формирования. Иное мы находим в местностях, с острым аграрным перенаселением. Здесь не только имеется обычно низкая оплата труда и слабо используемая местными избытки труда рабочих крупная индустрия, но, кроме того, и имеющиеся здесь кустарные промыслы отличаются весьма низкой доходностью. В пределах центрально-черноземного и средне-волжского районов нашего Союза, отличающихся, как известно, острым перенаселением, типичными кустарными промыслами являются: рогожно-кулеткацкий, сетевязальный, лапотный и другие.

Поскольку в капиталистическом строе мы должны рассматривать рабочую силу, как товар, то и использование в производстве труда не может быть осуществляемо, как видим, в остро специализированной форме. Количество и качество имеющегося в предложении труда будет воздействовать на процессы сложения производственных комбинаций.

4. Сочетания на базе организации основных капиталов.

В предшествующем изложении мы указывали на то, что основные капиталы, будучи вложены в производство, имеют существенное влияние на дальнейшую локализацию в том же месте производительной деятельности. Но эти же капиталы, несомненно, воздействуют также и на усиление многосторонности производительной деятельности. Чем с большими издержками связано привлечение средств для новых вложений, тем острее становится вопрос об использовании вложенных уже капиталов.

Весьма существенно отметить то, что изнашивание орудий, машин, двигателей, построек, мелиоративных

сооружений происходит не только под влиянием непосредственного производительного их использования, но также и независимо от этого, с течением времени. В некоторых случаях амортизация бывает вынуждена идти еще более быстрым темпом, так как находящиеся в пользовании орудия и машины и двигатели могут оказаться уже не на уровне современной техники и не могут уже обеспечивать производству конкурентно-способные издержки.

Все это заставляет с особым вниманием отнестись к таким формам организации использования основных капиталов, когда множественность производственных задач обеспечивает хозяйству наилучшие условия амортизации основных капиталов.

Наиболее широким примером множественности производственных задач для обеспечения выгоды использования вложенных основных капиталов в сельскохозяйственной действительности является использование лошади, плуга и других сельскохозяйственных машин. Использование этих средств производства в одном только зерновом хозяйстве и тем более при небольшом посеве является совершенно невыгодной операцией. Картина значительно меняется, если рядом с посевами зерна оказываются посевы пропашных—картофеля, подсолнуха, свеклы, которые дают возможность значительно шире использовать лошадиную тягу и сельскохозяйственный инвентарь. Вопрос о многообразии, а вместе с тем и более постоянном использовании, как известно, имеет большое значение для внедрения в сельское хозяйство трактора.

Весьма своеобразным является использование таких капитальных сооружений, как оросительная система. Применительно к тому, как поливная вода в течение вегетационного периода поступает на те или иные поля (местный водный режим), строится не только само мелиоративное сооружение, но в связи с этим также распределяются по полям различные культуры, требующие большего или меньшего количества воды, в более раннее или позднее время.

В индустрии основные капиталы, влагаемые в здания, в рабочие машины и в двигатели имеют неодинаковое значение для возможности организации какого-либо производственного сочетания. Меньше всего могут содействовать такому сочетанию в одном предприятии нескольких отраслей—рабочие машины, но они иногда, превращаясь в мощные самостоятельные аппараты, способствуют обособлению в отдельные предприятия некоторых стадий производственного процесса, которые нередко оказываются расположенными по соседству в пределах одного района. Иное значение для создания производственных сочетаний имеют здания и двигатели. Нередко вследствие того, что здание было построено в перспективе на разветвление предприятия, в пустующем временно помещении организуется другая отрасль, использующая к тому же имеющиеся избытки в предприятии энергии. Иногда создаются с самого начала такие

предприятия, как мельница и крупорушка, или маслобойка, или шерстосталальное заведение. Общим между этими отраслями производства являются помимо хозяйственного управления совместное помещение и двигатель.

Но влияние вложенных в производство капиталов, конечно, значительно шире прямого воздействия организации использования наличных машин, двигателей и т. п. Как мы указывали уже выше, нередко предприниматели ради повышения выгодности использования основного предприятия создают рядом (или такое предприятие создается по самостоятельному почину) заведение, обслуживающее основную отрасль. Перечень таких обслуживающих основную отрасль производства заведений весьма пестр и меняется в зависимости от основной отрасли. В одних случаях это будут ремонтные столярные и слесарные мастерские, в других это — мастерские, вырабатывающие машины и орудия, в третьих — это будут бондарные и ящичные мастерские, производящие упаковку. Наконец, к числу таких предприятий могут быть причислены центральные электрические станции, водопроводы и т. п.

Таковыми путями, повышая выгоды использования вложенного в дело капитала, идет умножение производственных задач как в отдельных предприятиях, так и в районах.

5. И т о г и.

После рассмотрения организационно-производственных связей по использованию сырья, труда и капитала внутри хозяйства или района, нам становится совершенно ясным, что такие связи имеют существенное значение в формировании сочетания отраслей в пределах какой-либо территории. Такое сочетание, как мы выяснили, не противоречит по составу отраслей ранее указанным сочетаниям, создающимся под воздействием ориентации на сырье, пункты потребления, рабочих издержек и капиталонакопления. Выбор отраслей для использования организационно-хозяйственных выгод очень часто идет из числа тех же отраслей, которые по указанным выше условиям оказываются целесообразными в определенной территории. Но объединение этих отраслей по только-что изученным нами признакам в пределы какого-либо хозяйства или района охватывает не механическое, а определенное органическое сочетание отраслей, именно, тех, соседство которых или объединение в предприятии может дать взаимную друг другу выгоду, как мы указали, по использованию сырья и материалов, по эксплуатации труда и основных капиталов.

Отбор этот в указанные сочетания будет, очевидно, иметь не одинаковый ассортимент для выбора в различных частях народного хозяйства. В старых промышленных центрах, где ориентация на

потребление, рабочие руки и капиталовложения ярко выражена, основой такого сочетания должна быть текстильная промышленность и отрасли, вырабатывающие квалифицированные изделия в портовых промышленных районах, стоящих на удобных транспортных связях и со значительными возможностями капиталовложения — резиновая, судостроение и т. д., в молодых горнозаводских — добытия угля и железа. Иначе будет идти комбинирование отраслей в сельскохозяйственных интенсивных (подгородных, специальных культур) и экстенсивных районах (зерновых, скотоводческих).

Таким образом, намечаемые нами сочетания в области промышленности и сельского хозяйства, а также и между таковыми дают нам основания рассматривать наличие тех или иных отраслей на какой-либо территории, не только как следствие внешних факторов, но часто как находящиеся между собой в определенных внутрихозяйственных или междухозяйственных организационно-производственных связях.

Все это еще более устраняет случайности в географии отраслей, связанных общественным разделением труда. Не всегда как мы знаем, сопутствующие главной отрасли производственные задачи будут в равной мере рентабельны с ней. В некоторых случаях их низкая рентабельность в сельском хозяйстве, напр., будет искупаться их местным потребительским значением. В других, мы должны будем убедиться, что низкая, допустим, доходность лугов, дает очень высокую доходность скотоводства, т.-е. является следствием не совсем точного подсчета.

Как бы то ни было, но без учета только-что указанных связей картина общественного разделения труда в различных частях народного хозяйства будет представляться в виде набора не связанных между собою отраслей. Это, как мы видим, не соответствует действительности. Значительная часть отраслей, находящихся по соседству или объединенных в предприятиях, оказывается в органическом взаимодействии. Это взаимодействие стимулирует выгоды их совместного существования и упрочивает их бытие в той или иной части страны.

Х. СИСТЕМАТИКА ОСНОВНЫХ ТИПОВ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ.

1. Районный и отраслевой методы экономико-географического исследования.

В нашем изложении основных вопросов экономической географии мы шли от общих предпосылок штандортного характера к познанию тенденции размещения в области сельского хозяйства, лесного хозяйства, горной промышленности и промышленности, перерабатывающей весотеряющее сырье. Затем мы перешли к проработке генезиса общественного разделения труда, укрепили свои познания в географии потребления, рынков труда, капиталонакопления и системы транспорта. На основании таковых данных, мы наметили географию отраслей производства, имеющих антисырьевую ориентацию, главным образом, вырабатывающих готовые изделия, тяготеющих к потребительским пунктам и рынкам труда. Наконец, в последней главе мы изучали процессы сочетания отраслей производства.

Система разрешавшихся нами задач является в равной мере необходимой, какие бы экономико-географические интересы нами ни руководили. будем ли мы изучать экономическую географию сельского хозяйства, в целом, или одной культуры полеводства или отрасли животноводства. То же самое мы должны сказать и в отношении задач экономико-географического познания кожаной, лесопильной, табачной или какой-либо другой отрасли индустриального производства. Наша концепция, связывающая ту или иную отрасль с определенной хозяйственной средой, дает, как нам кажется, достаточно прочный фундамент для изучения закономерностей экономико-географического порядка в отношении отдельных отраслей или тех или иных их комплексов.

Но наше расчлененное отраслевое или комплексное рассмотрение размещения производства, как неоднократно мы могли убеждаться, давало нам нередко право указывать на сложение этих отраслей в определенных местностях в те или иные совокупности, которые мы пока, не уточняя содержание понятия, называли районами и областями. Такие сочетания отраслей производства, как мы знаем являются длительными, устойчивыми, закономерно повторяющимися в определенных природных и экономических условиях. Формации подобного типа в общей литературе принято называть реальными совокупностями, а в экономической географии они носят чаще всего название районов,

но нередко именуется областями, округами и другими названиями.

Таким образом, мы полагаем, что пути, намечаемые нами в работе, могут быть пригодны как для отраслевого, так и для районного изучения географии хозяйства. Чтобы уточнить особенности, а вместе с тем и задачи обоих этих методов, остановимся кратко на их характеристике.

При пользовании районным методом мы сосредоточиваем внимание на изучении определенной территории, как реальной хозяйственной совокупности, входящей в определенную систему географического общественного разделения труда, и познаем ее связь с другими подобными же совокупностями. Иной путь изучения намечается в том случае, когда мы объектом изучения делаем ту или иную хозяйственную отрасль. Нашим интересом к таковой отрасли определяются изучаемые нами территории; этим же интересом окрашивается тот угол зрения, под которым мы рассматриваем эти страны и их отношения к другим, с которыми они находятся в связи.

Мы считаем совершенно равноправными путями изучения как отраслевое, так и районное. Каждый из этих путей имеет и свои специальные задания и взаимно друг друга обслуживает.

При отраслевом изучении мы имеем перед собой богатые возможности наблюдать все варианты географического размещения определенного типа производства. В отношении таких вариантов мы широко можем использовать все то, что дано работами сельскохозяйственников-экономистов (Тюнел, Эребо, Бринкман) и Вебером в его штандорте индустрии. Мы изоциряем наши выводы в отношении изучаемой отрасли как в сторону связи ее с природными условиями и сырьевыми ресурсами, так и с рынком труда и рынками сбыта готовых изделий, с транспортными условиями и т. п. Можем уточнить, как слагается география этой отрасли в странах, специализировавшихся на таковой, и в областях, имеющих эту отрасль для обслуживания местных потребностей. Выясняются те специфические связи, которые имеются между изучаемой отраслью и другими, с которыми таковая обычно соседствует. Все это имеет большую научную ценность.

Конечно, такая работа не может и не должна быть проводима только статистико-описательными приемами, и наши требования к отраслевой географии вовсе не исчерпываются статистическими таблицами с последующей шаблонной характеристикой цифровых данных. Методика работы, как мы указали, вообще должна быть (независимо от объекта отрасли или района) экономико-географической, т. е. построенной на учете выгод конкретных форм общественного разделения труда. Выгоды размещения должны иметь одинаковое значение для экономиста-географа, изучает ли он народное хозяйство по отраслям или по экономическим районам.

Отраслевое изучение не только может быть признано целесообразным с методической точки зрения, но оно имеет за собой в

прошлом, а также и в настоящем, большие практические основания. Не случайно то, что политикой рационального размещения отраслей производства по территории начали раньше всего интересоваться капиталистические тресты (стальные, табачные, медные, каменно-угольные и проч.). Подобные же задачи остаются и в трестобразных организациях в системе регулируемого народного хозяйства.

Все то, что мы установили в отношении отраслевого пути изучения экономико-географических явлений, в равной мере относится и к тем или иным комплексам этих отраслей, напр., к сельскому хозяйству, к земледелию, скотоводству или к промышленности, к текстильной индустрии и т. п. Во всех таких комплексах, несомненно, вопрос о характере локальных сочетаний отраслей изучаемого нами типа будет иметь большое значение.

Таким образом, отраслевое изучение экономической географии, раз'единяющее хозяйственную жизнь на части, упрощает работу благодаря тому, что имеет дело с аппаратом одной отрасли производства. Но зато такое изучение усложняется тем, что размещение этой отрасли мы хотим познать в различных условиях природной, исторической и хозяйственной среды.

Районный путь изучения экономико-географических явлений имеет противоположную концепцию. Районным методом мы изучаем формацию разнообразных отраслей хозяйства, обусловленных единством природных, экономических и исторических условий. Такая постановка имеет и глубокие теоретические обоснования и большое практическое значение.

При исследовании географии добывания сырья и промышленности, ориентирующей на места добывания, а также и при изучении географии производства, тяготеющего к потреблению, рынкам труда и капитала, мы большею частью наблюдали, что как условия размещения производства, так и формации производственных сочетаний не располагаются отдельными случайными пунктами, а часто захватывают более или менее значительные территории. В пределах этих территорий, вследствие однообразия влияния, и структура производственных сочетаний слагается по определенному типу.

В теоретическом отношении особенно заслуживает внимания то, что мы при изучении каждого экономического района имеем более или менее однообразную среду, в которой совершаются хозяйственные явления. Мы должны отчетливо представлять себе, какое влияние оказывают на хозяйство природные зональные и азональные условия. Имея однообразные природные условия, мы можем яснее и полнее установить, как влияние этих условий преломляется в хозяйственной деятельности. Таким методом мы избавляемся от бесконечности многообразия влияния различных природных зон, недровых богатств и т. п.

То же самое, что мы только-что сказали относительно природных условий, нами в значительной мере должно быть повторено при характеристике историко-хозяйственной жизни района и его

экономического положения. Едва-ли что-либо так сильно осложняло и усложняет экономико-географические исследования, как различия исторического прошлого отдельных частей народного хозяйства, а вместе с этим нередко фазисов хозяйственного развития, в которых эти части в настоящее время пребывают. Это историческое прошлое мы можем систематически ввести в рамки экономико-географического изучения путем приурочения наследия этого прошлого к определенным территориальным границам экономических формаций. При таком построении мы сильно упрощаем исторические предпосылки, делаем их более или менее общими и однозначными для всего изучаемого хозяйственного массива. Это позволяет нам уточнять, в каких интересующих нас хозяйственных явлениях и как историческое прошлое преломляется. В чем это историческое прошлое скажется—в том ли, что в области обилие квалифицированного труда и капитала, в исторически сложившихся хозяйственных связях, или в чем-либо другом,—должно дать конкретное исследование. Но, несомненно, таким методом мы осваиваем специфические местные черты исторического наследия и вводим их в систему экономико-географического познания.

Еще более понятна районная обусловленность экономического положения по транспортным связям и по рынкам сбыта. Конечно, в зависимости от масштаба территории изучаемой реальной совокупности, эти условия меняются, но в границах пространства с достаточно выдержанным хозяйственным единством многообразие рыночного положения не может быть значительным. При наличии более или менее одинаковых транспортных и рыночных связей мы имеем возможность сильно упростить изучение очень важной экономико-географической проблемы, а именно—общественного разделения труда между изучаемым районом и другими частями народного или мирового хозяйства.

Таким образом, мы видим, что районный метод сильно облегчает нам нашу научную работу тем, что связывает общественное разделение труда в границы территории с однообразной природной, исторической и экономической средой. При изучении по отраслям работа облегчается только тем, что мы имеем в центре внимания всюду и везде одну отрасль хозяйства. Но мы не погашаем при этом бесконечного многообразия среды. Мы обязаны в каждом отдельном случае, в каждой части страны повторять изучение местного влияния среды на интересующую нас отрасль. Не случайно то, что в лучших по методике экономико-географических исследованиях отраслей и тем более их комплексов (напр., сельское хозяйство) мы наблюдаем стремление вести изучение отраслей по особым специальным районам, т.-е. бесконечное многообразие среды, от которой не может и не должно быть оторвано изучение, вводится в определенные, типизированные формы.

Районный метод, как мы указали, имеет весьма ценные в познавательном отношении возможности—он упрощает изучение среды.

В границах такой более или менее однообразной среды мы обязаны изучать совокупность находящихся в ее пределах отраслей хозяйства. Такая совокупность не должна нас пугать бесконечным многообразием хозяйственной жизни. Эта пестрота в границах каждого района всегда оказывается сильно суженной; имеющаяся в его пределах совокупность всегда окрашена специализацией. Процесс специализации района на определенных отраслях и сочетание этих отраслей с вспомогательными и добавочными хозяйственными задачами, находящимися, как мы знаем из главы IX, в различных организационно-хозяйственных между собой связях, являются одной из интереснейших задач районного метода. Связи эти могут быть и между различными отраслями промышленности и сельского хозяйства. Сельское хозяйство может находиться в органической связи с переработкой его продуктов в индустрии. Специальные задания могут быть в области использования отбросов и т. п.

Несомненно, что изучение только-что указанных организационно-хозяйственных связей, как мы выше отмечали, не может быть игнорируемо и при построении работы экономической географии по отраслям. Но там эти явления проще, однообразнее, чем в районных совокупностях. Если бы мы имели достаточно проработанными такие организационные связи по значительному числу отраслей и тем более комплексов, то это сильно упростило бы наши задачи по изучению районных совокупностей.

Остановимся теперь коротко на практическом значении районного метода. С экономико-географической точки зрения, каждое народное хозяйство представляется нам в виде совокупности экономических районов и областей. Вполне целесообразно, в порядке рационализации хозяйственного управления страной, стремиться к разделению страны на экономические районы. В СССР это районное направление экономической политики получило за последние годы яркое выражение. Все то, что с точки зрения научного познания облегчает изучение экономического района,—все это, несомненно, может вести быстрее район по пути рационализации в целях максимального развития его производительных сил. Единство промышленных и сельскохозяйственных заданий, так же как и транспортных и рыночных, не только сплачивает интересы населения района, но и организует его действие в производстве, торговле, в профсоюзных, в кооперативных, а также в администрировании управления. Максимальное использование местных природных богатств и накопленных капиталов в целях повышения в районе производительности труда, направленного на специальные народно-хозяйственные функции, свойственные району, это все верные и здоровые пути местной экономической политики.

Таким образом, необходимо признать, что и отраслевое и районное изучения не только теоретически должны быть оправданы, но они являются взаимно друг друга дополняющими и оплодотворяющими. Как мы видели, они допускают методологические упрощения

в определенных задачах своей работы и вместе с тем преодолевают свои особенные трудности. Все это ясно убеждает нас в том, что научная работа должна, приспособляясь к тем или другим конкретным заданиям, идти обеими дорогами. Несомненно, оба указанных пути чрезвычайно плодотворны и в приложении их к заданиям хозяйственной практики.

2. Задачи и методы построения систематики экономико-географической формации.

Ставя, таким образом, отраслевой и районный методы каждый на свое место, мы вместе с тем полагаем, что использование каждого из них, как орудия теоретического исследования и решения практических хозяйственных задач, требует серьезного углубления. Исследователям, работающим отраслевым методом, справедливо ставят упрек в том, что они загромождают свои работы статистическим материалом, за которым иногда нельзя понять места изучаемой ими отрасли в системе географического общественного разделения труда и объяснить размещение таковой отрасли в пространстве. К сожалению, нередко исследователи, сосредоточивающие свои интересы на районном методе, ограничивают свою работу изучением не районов, как типов экономико-географических реальных совокупностей, а политических государственных образований, да и структура описываемых ими формаций изображается нередко механически.

Одним из путей, значительно организующих экономико-географическую научную работу в целом и содействующих тому, чтобы при работе отраслевым методом легче можно было размещение отраслей увязать с хозяйственной средой, а при исследованиях, пользующихся районным методом, глубже понимать общие и частные черты изучаемых экономико-географических формаций,—является проработка типологии экономико-географических реальных совокупностей.

Вопросам систематики типов устойчивых хозяйственных сочетаний в пространстве, анализом сложения которых мы в предшествующих очерках занимались, мы придаем большое значение. Проработка учения о типах таких формаций, настаивает Бернштейн-Коган, С. В., должна быть поставлена на очередь дня. «Эту работу ни для географии, ни для экономической географии не может проделать никакая другая вспомогательная наука. Они сами должны ее проделать...»¹⁾ Прделанная нами выше работа позволяет в настоящем, последнем очерке главной задачей исследования поставить систематику типов экономико-географических формаций.

Мы не предполагаем, что путем теоретического исследования такая сложная работа может быть выполнена сразу с достаточной полнотой. Мы думаем, что наша задача будет удовлетворительно решена,

¹⁾ Бернштейн-Коган, С. В. Очерки, стр. 13.

если нам удастся выделить основные разновидности таких реальных совокупностей. Мы считаем, что дальнейшая работа по корректированию и уточнению разновидностей таких формаций должна вестись главным образом путем конкретных сравнительно-географических исследований.

Главными вопросами методики построения систематики основных типов экономико-географических формаций мы считаем следующие:

1) Мы видели выше, что определяющими моментами размещения производств является, прежде всего, ориентировка таковых на места добывания или тяготение производства к потреблению, рабочим рынкам и капиталонакоплению. Эти моменты, как мы выяснили, в то же самое время в сильной мере влияют и на характер производственных сочетаний отраслей в формации.

2) В характеристику экономико-географических формаций мы должны включать показатель специализации, направление производства, так как этим путем мы указываем на роль формаций в общественном разделении труда и подчеркиваем значение ведущих местное сочетание производственных отраслей.

3) Существенным дополнительным признаком следует считать также и эволюционные формы производства, свойственные той или иной интересующей нас экономико-географической реальной совокупности.

4) Наконец, изучаемые нами формации могут быть трактуемы с точки зрения степени большей или меньшей их общности, как явления родового и видового порядка.

Разберемся в каждом из перечисленных нами основных признаков, характеризующих типы экономико-географических формаций.

Раскрытие содержания первого признака—характера тяготения производства и вместе с тем сочетания после проделанной нами работы, не представляет сложности. По принципу сырьевой ориентации мы будем иметь возможность выделить сельское хозяйство, связанное с определенными природными зонами, будем иметь зоны лесного, рыбного хозяйства и, наконец, связанное с географией недровых богатств—добывание угля, железа и проч. Мы знаем, что при добывании весотеряющего сырья переработка такого будет иметь сырьевую ориентацию.

Рассматривая антисырьевую ориентацию, мы видим наличие ярко выраженного тяготения производства к центрам потребления, рабочего рынка, капиталовложения—в старопромышленных центрах, обладающих, кроме того, прекрасной системой транспорта. В портовых центрах мы находим тяготение производства тоже, как к потребительским пунктам с значительными капиталовложениями и стоящим на исключительно выгодных путях сообщения. Наконец, мы должны были отметить значение рабочей ориентации и вложения капиталов в местностях, широко захваченных интенсивным сельским хозяйством с переработкой сырья на месте. Мы не будем повторять всего сказанного в предшествующей главе о том, как указанная

ориентация отражается на комбинировании производств при сложении интересующих нас сочетаний.

Имея в виду мировое хозяйство, мы легко можем представить себе рядом с лесной, скотоводческой, интенсивно-земледельческой, тропической, субтропической или умеренной зонами также местности с индустриальными формациями—старопромышленными, портовыми, которые мы также считаем возможным именовать хозяйственными зонами.

Но если по общему принципу сложения производственного комплекса мы выделяем хозяйственные зоны, то внутри таковых мы не встречаем обычно полного образа производственных заданий.

В зоне зернового хозяйства мы можем различать местности с превалярованием пшеницы, ячменя, ржи и т. п. В интенсивной зоне можем наблюдать преобладание свеклы, картофеля, сахарного тростника, чая, кофе и т. п. В горнопромышленных зонах мы находим добычу золота, серебра, железа, угля в той или иной комбинации. В различных сочетаниях производственные отрасли встречаются в местностях, охватывающих пятна и полосы старопромышленных (различные виды текстильных и др. отраслей) и портовых зон (роль рыбной промышленности, значение прилегающих к портам местностей).

Мы полагаем, что параллельно тому, как наше изучение сдвигается в сторону специальных производственных заданий, сужаются, становятся все более конкретными в то же самое время пути и способы сочетания отраслей в интересующих нас формациях. Хотя добывание свеклы и картофеля сопровождается переработкой на месте, но тип этой переработки несколько иной, то же приходится сказать и о горной промышленности.

В тех случаях, когда в изучаемых нами местностях специальная отрасль со всеми обслуживающими ее аппаратами выражена на более или менее значительном пространстве и представлена в значительном количестве сочетаний, именуемых нами (см. ниже) районами, мы такие формации условимся называть хозяйственными областями. Такое словупотребление, как нам кажется, довольно широко укоренилось в научной и обыденной практике. Именно в этом смысле мы говорим о Донецкой, Уральской, Кузнецкой горнопромышленных областях, об области Центрально-Промышленной, (старой Московской пром. обл.), области пшеничного хозяйства, мясо-масляной сибирской и т. п.

Существенно указать, что описываемые нами областные экономико-географические формации, как территориально связанные комплексные единицы, нередко входящие в одну систему народного хозяйства, могут различаться в пространстве не только с производственной стороны, как это мы отмечали выше. Производственное единство часто обуславливает необходимость

приспособления к такому торговому аппарату, аппарата хранения, транспорта и кредита. Иногда в хозяйственной действительности признаки, характеризующие торговое направление (например, экспортный) или транспортное положение (напр., приморский), получают такое большое значение, что включаются в название области (Экспортная лесная область, Нижне-Волжская обл.).

Признаками, определяющими размещение производства и его специализацию, мы, таким образом, намечаем выделение основных экономико-географических реальных совокупностей, хозяйственных зон и экономических областей. Но хозяйственная действительность значительно пестрее и не всегда при анализе таковой можно ограничиться только указанными подразделениями. Всмотревшись в структуру хозяйств какой-либо лесной экспортной области или свеклосахарной, горнопромышленной, старопромышленной области или области развития зернового и подсолнечного хозяйства вместе, мы, кроме того, что видим в пределах каждой такой области осуществление однообразных производственных заданий, должны констатировать, что эти задания осуществляются определенными производственными комбинированными аппаратами, расположенными с большей или меньшей равномерностью по пространству области. Наличие такого производственного комбината с промышленным центром в известном месте не только создает в определенном пункте более или менее крупное общежитие, но, кроме того, в какой-то связи с этим пунктом находится окружающее сельское хозяйство, система местного транспорта, торгового аппарата, кредитных учреждений, кооперативных, профессиональных и т. п. Мы вовсе не предполагаем, что все комбинаты описанного нами типа в пределах той или иной области будут совершенно похожи друг на друга, но тем не менее сходство между ними, и часто весьма значительное, в пределах специализированной области должно быть. Центральными фигурами в старом промышленном районе среди таких комбинатов будут прядильни, ткацкие, красильни; в зерновой и подсолнечной области — маслобойные заводы, мельницы, элеваторы; в лесозаготовительных областях те или другие комбинации лесопильных заводов с лесохимической переработкой. Провести точное разграничение таких производственных комбинатов применительно к типам специализированных областей — задача весьма сложная и требующая специального исследования. Но выделение границ в пространстве таких производственно внутри-увязанных комбинатов нам представляется задачей весьма полезной и требующей серьезного внимания.

Анализируя структуру каждого такого комбината индустриального и сельскохозяйственного производства, мы можем применительно к ним уточнить хозяйственные выгоды сочетания отраслей на основе локализации к одному месту различных частей производственного процесса, выяснить, как промышленно используются

получающиеся в основном производстве отбросы. В наши задачи войдет учет влияния рынка труда и капиталовложения на сочетание отраслей¹⁾. Конкретно эти задачи не могут быть поставлены ни в порядке изучения хозяйства зоны, ни при исследовании областной формации.

В тех областях, где местная промышленная переработка широко распространена, как мы сказали, основными фигурами таких экономико-географических формаций должны быть ведущие местную хозяйственную жизнь фабрично-заводские центры. В сельскохозяйственных областях, где переработка на месте выражена слабо, такими руководящими центрами, вокруг которых идет формирование местной хозяйственной деятельности, будут более крупные городские торговые центры с развитыми транспортными, торговыми и кредитными аппаратами.

Из изложенного ясно то содержание, которое мы вкладываем в только-что описанные нами типы реальных совокупностей. Весьма спорным является, как следует именовать выделенные нами производственные комбинаты. Мы полагаем, что название района более всего подходит к содержанию такой реальной совокупности. Мы решаемся употреблять это название потому, что в содержание нашего производственного комбината входят все основные элементы, по которым можно было бы ограничивать одни части хозяйственного пространства от других, т. е. заниматься районированием²⁾.

Однако, имея в виду конкретную действительность северных и восточных окраин Союза, мы должны будем признать, что намечаемое нами выделение экономико-географической формации там не может быть осуществлено ни по признаку промышленного центра, ни даже по признаку тяготения к городу. Мы полагаем, что отсутствие обоих указанных признаков просто свидетельствует о чрезвычайно низком уровне, наблюдаемого здесь географического общественного разделения труда, и вполне понятно, что проводимые здесь отграничения хозяйственных формаций будут весьма условны. Однако, встречающиеся затруднения с выделением экономических районов не означают, что такую реальную совокупность, как область, не следует и нецелесообразно подвергать дальнейшему дроблению при изучении систематики типов экономико-географических формаций. Это необходимо уже сделать и потому, что нередко в реальной действительности встречаются такие пестрые формации, когда рядом с типом одного сложившегося района мы будем находить кругом комбинаты, исполняющие другие специальные функции. Это мы будем находить не только в странах с развитыми вертикальными

¹⁾ В работе Тутыгина, Б. А. — Центрально-Черноземная область, — мы находим описание экономических районов, близкое к тем построениям, которые мы намечаем в своей работе.

²⁾ Существующая и до сего времени практика в экономической географии не имеет устойчивых традиций и нередко мы встречаемся с тем, что одни и те же формации называются и зонами, и областями, и округами, и районами. Необходимость научно увязать терминологию с хозяйственным содержанием, нам представляется, заслуживает серьезного внимания, но эта задача в нашей работе не исчерпывается.

зонами, но также и в условиях развитой недровой промышленности и иногда благодаря пестроте исторического сложения хозяйства в пространстве. Таким образом, в реальной действительности мы иногда будем встречаться с обособленными экономическими районами, а не с группами их, которые можно было бы объединить в экономические области. Но есть и еще одно соображение, которое заставляет с особым вниманием отнестись к изучению экономического района. В нашем изложении мы не случайно придавали изучению производства первенствующее значение. Мы не отрицаем, что производство и сочетание его лежат в основе характеристики зон и областей, но реальная структура этого производства и конкретные формы сочетания его особенно резко на передний план выдвигаются в экономическом районе. Наконец, как мы уже подчеркивали, в содержание экономического района входят все элементы, по которым можно было отграничивать одни части хозяйственного пространства от других.

Таким образом, идя от экономического района, как формации, выражающей специализацию и того или иного характера пространственную ориентацию производственного сочетания низшей степени, мы в формациях областных находим сожительство экономических районов в пределах одной отграниченной территории. Однотипные экономические области народного хозяйства и мирового мы объединяем в понятия хозяйственных зон.

Остается еще несколько разобраться в вопросе о значении эволюции форм производства для характеристики наших формаций и прежде всего экономических районов.

Поскольку мы в основу характеристики кладем признаки ориентации производства, его сочетания и далее специализации, мы имеем все основания предполагать, что при изучении некоторых типов реальных совокупностей мы будем иметь при одном и том же типе различные эволюционные формы производства.

Мы можем найти зерновые районы с крестьянским хозяйством и крупным капиталистическим хозяйством. Можем найти отсталые формации старых промышленных районов, где производство будет еще ярко выражено в форме кустарной промышленности, и, наоборот, могут быть такие же формации, насквозь захваченные крупными фабриками. Те же самые различия мы найдем в районах рыбных, лесных, скотоводческих и т. п. Как мы должны отнестись к таким различиям? Мы думаем, что включение их в число задач нашего экономико-географического исследования представляет очень большой интерес не только для теоретических, но также и практических выводов.

Надо признать, что эволюция форм производства идет не изолированно. Не только перестраивается какая-либо одна ведущая в районе отрасль из кустарного предприятия в фабрику, но рядом с этим в определенном взаимодействии создаются вспомогательные производства, идет разложение производственного процесса, изменяется

транспорт, торговый аппарат. Такое комплексное изменение всего аппарата экономического района заслуживает серьезного внимания. Но оставляя этот вопрос в стороне и возвращаясь к признакам, характеризующим эволюционные формы производства, объединенного в экономических районах, мы полагаем, что такая характеристика должна ориентироваться на основную ведущую отрасль и давать далее указания на преобладающие в этой отрасли формы производства. Исходя из этого, мы можем в нашем изучении выделять крестьянские зерновые пшеничные экспортные районы, или фабрично-кустарные, старопромышленные районы и т. п. Большой интерес представляет изучение экономических районов с одной народнохозяйственной функцией, как стадий эволюции.

3. Систематика основных экономико-географических формаций.

После проведенной нами методологической работы мы попытаемся ниже дать систематику основных экономико-географических формаций, понимая под таковыми хозяйственные зоны и экономические области. Мы не в состоянии еще более детализировать нашу систематику и останавливаться на разновидностях экономических районов и тем более на эволюционных формах таковых.

В русской литературе С. В. Бернштейн-Коган дал интересную попытку классификации экономических районов. В систематике С. В. Бернштейн-Коган в центре внимания лежит влияние природных условий. К этому основному признаку автор добавляет вспомогательный, характеризующий населенность каждого района. Мы полагаем, что такой показатель, как плотность населения, конечно, не в состоянии заменить географию сложения потребления, рынков труда, капиталонакопления и системы транспорта¹⁾. Основываясь на приведенных выше (в отделе 2-ом этой главы) методологических соображениях, мы считаем необходимым систематику хозяйственных зон и экономических областей строить на следующих основаниях:

1) На учете основных тенденций ориентировки производства на места добывания, географию потребления, рабочих рынков, капиталовложений и системы транспорта.

2) На учете основных отраслей, в которых выражается специализация областей.

3) На учете тех важнейших сочетаний производства, которые мы находим в таковых областях.

На основании всех этих предпосылок мы построили ниже данную систематику основных экономико-географических формаций.

В нашей схеме мы даем основные показатели характеристики хозяйственных зон, а затем несколько уточняем специализацию типов экономических областей.

¹⁾ На систематике данных С. В. Бернштейн-Когана мы несколько подробнее останавливались в своей статье в «Экономико-географическом сборнике» 1929 г.

СИСТЕМАТИКА ОСНОВНЫХ ЭКОНО

Группа хозяйственных зон.	Промышленные зоны.		
Типы зональных экономических совокупностей.	Старые промышленные зоны.	Портовые зоны, лежащие на основных импортно-экспортных путях.	Горнопромышленные зоны.
Их обусловленность.	Квалифицированный труд, вложение капитала, дешевый транспорт.	Дешевый транспорт, вложенный капитал.	Недровые богатства особенно железа и каменный уголь. Быстрое накопление и вложение капитала.
Общая характеристика. Их специализации.	Текстиль. Произв. квалифицирован. изделий домашн. культурн. обихода.	Переработка импортного (особенно) экзотич. сырья. Судостроение. Рыбная пром-сть.	Металлические полуфабрикаты и фабрики. Химическое производство.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

П р и р о д н ы е з о н ы.	Лесная.	Промышленные области в отношении природных условий интерзональны, но они не встречаются, однако, в полярных холодных зонах; нет их и в пустынях, или они встречаются там в форме разработки драгоценных металлов, редко железа. В тех местностях, где создаются промышленные области, там сельское хозяйство форсируется в сторону подгородного типа сельского хозяйства, обслуживающего малотранспортабельными продуктами питания промышленное и городское население.
	Лесо-степная.	
	Степная, дост. увлажненная.	
	Пустынная.	
	Субтропич. и тропическ., дост. естеств. увлажнен. или с поливом.	
	Пустынная.	

МИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ.

Промышленные, сельскохозяйств. и лесные зоны.	Сельскохозяйственные и лесные зоны.	
Зоны технической переработки весомого сел.-хоз. сырья.	Зерново-скотоводческие зоны.	Скотоводческие зоны.
Дешевый и малоквалифицированный труд.	Неблагоприятные транспортные условия. Сравнительно высокая заработная плата.	
Свеклосахарное, винокуренное, льняное хозяйство. Крахмалопаточное. Разработка леса, маслоделие и др.	Зерно, мясо.	Мясо, сало, кожа, шерсть.

ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ.

Лесное хозяйство и химическая, и механическая лесопромышленность. Маслоделие, сыроварение, льноводство и первичная переработка.	Экстенсивное использование лесных богатств. Зерновое хозяйство слабо развито. Мясная продукция вместе с маслоделием.	
Лесное хоз-во и химическая и механическая лесопромышленность. Маслоделие и сыроварение. Картофель. Винокур.-крахмало-паточн. промышл. Интенсивное свиноводство. Льноводство русского, бельгийского и германского типа.	Экстенсивное использование лесных богатств. Преимущественно сырые хлеба. Мясная продукция вместе с маслоделием.	
Добывание и переработка свеклы, подсолнуха, табака, кукурузы. Интенсивный откорм рогатого скота и свиней.	Красные хлеба. Мясной рогатый скот.	Мясошерстная продукция.
	Земледелие слабо развито. Красные хлеба, мясной рогатый скот.	Шерстная и мясная продукция.
Добыча и переработка сахарного тростника, чая, кофе, табака, кокосовых продуктов, фруктов, винограда, джута. Маслосеяное пр-во. Первичная переработка хлопка.	Рис, пшеница и др. Скотоводство большей частью слабо развито.	
	Пшеница, крупный рогатый скот, овцы.	

Идя по нашей схеме от одной природной зоны к другой, от полюсов к экватору, мы наблюдаем, что формирование областей в пределах каждой зоны может происходить или под влиянием только природных условий, способствующих добычи сырья, или такое добывание сопровождается в той или иной части местной же переработкой сырья, или же вследствие благоприятного экономического положения скопления капиталов и наличия квалифицированного труда в некоторые районы притекает сырье для переработки со стороны. Влажные субтропики и тропики, а также лучшие в природном отношении части умеренных стран, выделяются по массе земледельческого сырья, подвергающегося той или иной переработке на месте; в северной таежной зоне большое значение получает в тех или иных формах лесное хозяйство; в степных полупустынях преобладает зерновое хозяйство и скотоводство.

К внутренним морям, к изрезанным бухтам морских берегов, к устьям больших рек, дающих возможность издавна иметь дешевые торговые связи с прилегающими береговыми пространствами, располагаются портовые промышленные центры. Часто прилегая к предгорьям на средних и верхних течениях больших рек, иногда поддвигаясь к морскому берегу, иногда отходя вглубь страны, сидят давно пустившие свои корни старые промышленные области. Близко находясь к ним, а иногда с ними сливаясь, развиваются наиболее активные горнопромышленные области, или они маячат «островами», «промышленными оазисами» среди просторов лесов или степей.

Таков в целом экономический ландшафт современного мирового хозяйства, даваемый нашей схемой.

Суммируем теперь главнейшие черты намеченных нами зональных и областных экономических совокупностей.

Группа промышленных зон, в которых функция индустриальная, а в некоторых и торговая, превалирует над сельскохозяйственными задачами, как мы знаем, составляется из старых промышленных областей, портовых, лежащих на основных импортных и экспортных путях, и горнопромышленных областей. Все эти области характеризуются значительным накоплением капиталов, но в остальном экономические предпосылки их формирования значительно различаются.

Старые промышленные области в современности строятся на фундаменте тех выгод, которые получаются от эксплуатации накопленного здесь веками квалифицированного труда, и, кроме того, если в прошлом эти области были обязаны своим развитием удобствам, главным образом, речного транспорта, то в добавление к этому речному транспорту мы здесь в настоящее время имеем густую сеть железных дорог. Как мы указали выше, для областей старопромышленных, выросших часто на использовании древесного топлива, в случае ненахождения в них каменноугольных ресурсов, является характерным использование торфа, бурого каменного угля для получения дешевой электрической энергии.

Направление развития индустриального хозяйства здесь, главным образом, установилось в сторону текстильной промышленности и производства квалифицированных изделий домашнего и культурного обихода.

Первая текстильная отрасль, ярче всего выраженная в современности хлопчатобумажной промышленностью, в прошлом была часто в тех же областях представлена широко развитой льняной или шерстяной промышленностью, работавших частью на местном, частью на привозном сырье.

Развитие промышленности в горнозаводских и портовых центрах ведет к некоторому сужению ассортимента отраслей в старой промышленной области. Заметно уходят из старого промышленного центра или растут быстрее в других местах заводы и фабрики, вырабатывающие кожу, доски, шерстяные ткани и другие товары. Однако, старопромышленная область, опираясь на кадры квалифицированного труда, большей частью и до сего времени является крупнейшим в народном хозяйстве центром, вырабатывающим: одежду, обувь, игрушки, посуду, инструменты, различные художественные изделия, учебные пособия, книги. Как мы указывали, в странах, богатых капиталами, эти функции реализуются в форме фабрично-заводской промышленности; в странах же со слабым накоплением, как это мы имеем у нас в СССР, такие задачи выполняются еще в очень большой доле кустарной промышленностью.

Портовые промышленные области и районы, сосредоточенные, обычно, около морских берегов и включающие большее или меньшее количество городских центров, с подгородными округами, несмотря на свой часто малый территориальный масштаб, имеют такое большое экономическое значение в народном хозяйстве и настолько своеобразны, что выделение их совершенно необходимо. Между Ленинградом, Ригой, Одессой, Новороссийском, по структуре их хозяйства, значительно больше общего, чем между этими городами и находящимися на расстоянии 200—300 километров какими-либо центрами, лежащими внутри страны. Несмотря на то, что портовые города являются обычно посредниками по отправке избытков из прилегающих местностей и по подвозу необходимых импортируемых товаров, структура хозяйственной деятельности в портах только в некоторой доле окрашивается влиянием хозяйства соседних областей и имеет свой весьма своеобразный характер. Нашими указаниями мы вовсе не хотим отождествить сочетание отраслей, имеющееся во всех этих портовых центрах. Мы только настаиваем на том, что причины их возникновения обусловлены специфическим экономическим положением этих центров, выполняющих особую, им свойственную, функцию в народном хозяйстве. Торговое их значение и приморское положение, как мы знаем, форсирует в них судостроение или ремонт судов. Вблизи некоторых побережий море, кроме того, является, если не в самом порту, то поблизости, источником рыбных богатств, на основе которых создается рыболовство

и рыбная промышленность. Иногда эта рыбная промышленность в современности является крупной специализированной отраслью и сама в прошлом в большой мере содействовала эволюции общественного разделения труда на побережья, развитию морских сообщений и судостроения (Голландия, Норвегия, Ньюфаундленд и др.).

Как складочные, транзитные и таможенные пункты, портовые центры дают возможность с большей выгодой, о чем мы говорили уже выше, вести переработку ввозимых в страну материалов и вывозимых оттуда. На этой базе и при условии возможности часто обеспечить порт дешевым каменным углем, здесь развивается каучуковая, джутовая, маслособойная, лесопильная, кондитерская (переработка какао), мукомольная и др. отрасли промышленности. Удобство транспорта, дающего возможность при той или иной конъюнктуре усиливать или ввоз внутрь страны или вывоз из нее вырабатываемых изделий, иногда сокращать переработку и усиливать оборот сырьем, — все это специфические черты портовой промышленности.

Молодые горнопромышленные районы, как мы знаем, получают наиболее яркое развитие в тех случаях, когда рядом с коксуемым углем оказываются значительные ресурсы железной руды. Но эксплуатация недровых богатств отнюдь не может быть ограничена только указанными областями. Мы знаем Уральскую, Шведскую области, имеющие железо и испытывающие острый недостаток в каменном угле, мы знаем богатейшие медные рудники Америки, огромные разработки минеральных богатств (калийные, селитряные соли, колчеданы), дающих искусственное удобрение и такие химические продукты, как серную, соляную кислоту, соду. В некоторых случаях, как мы знаем, между этими горнопромышленными областями и районами устанавливаются прочные хозяйственные отношения. Как известно, мы часто встречаем химическую промышленность в районах каменноугольных и металлургических.

Быстрый рост хозяйственного значения такой эксплуатации, как мы указывали, привлек к этим областям из старых промышленных центров, а нередко и из других, идущих впереди по хозяйственному развитию стран, огромные капиталы. Быстрее, чем в какой-либо иной промышленной области, здесь идет строительство по последнему слову техники фабрик и заводов. Это вызывается не только большими выгодами эксплуатации недровых богатств, но также часто развивается вследствие сравнительной дороговизны и отсутствия значительных кадров наемного труда на месте.

Таковы индивидуальные черты указанных трех типов промышленных зон и областей. Но этим нельзя ограничить их хозяйственную характеристику. Выше указывалось, что выгоды экономического положения требуют, чтобы для обслуживания потребностей больших человеческих обществ создавались особые промышленные отрасли, и, сообразно с этими нуждами, организовалось местное сельское хозяйство. Во всех указанных промышленных областях мы имеем большое число иногда крупных

городов. Строительство городов и фабрик требует того, чтобы область в достаточной мере была обслужена лесопильными и кирпичными заводами и предприятиями столярного, слесарного и другого типа, вырабатывающими для местных нужд различные части домового оборудования. Развита железнодорожная сеть, городские трамваи нередко требуют создания крупных ремонтных мастерских, а иногда паровозо- и вагоно-строительных заводов. Требование жилищного комфорта в городах вызывает необходимость в электрических станциях, водопроводах, канализации. Наконец, массовое городское потребление нуждается в булочных, кондитерских, столовых, бойнях, в разного рода починочных мастерских и т. п.

Сельское хозяйство наших промышленных областей, несмотря на разницу их географического положения и исторического происхождения, имеет одни и те же тенденции развития. Основными направлениями здесь являются молочное хозяйство, огородное, садоводное (ягоды), травосеяние, выращивание наиболее ценных и высококачественных сортов мяса (поросята, телята, цыплята). Мы не предпринимая конкретно форм огородничества в различных природных зонах. В одних случаях в центре внимания будут — капуста, огурцы, картофель, в других — помидоры, баклажаны и др. овощи; суть дела не в растительных видах, дающих огородные продукты, а в том, что эти продукты доставляются в свежем виде на рынок, а при таком способе доставки они оказываются малотранспортабельными и должны производиться вблизи рынка.

Многие экономисты, стремившиеся использовать гипотезу Тюнена для познания географии современного хозяйства, искали народно-хозяйственные и мировые центры, которые можно было бы уподобить по их значению городу «Изолированного государства». Мы полагаем, на основании проведенной нами работы, что первый тюненовский пояс вместе с центральным городом мы имеем все основания связать с местностями, где наиболее густо расположились выше нами описанные промышленные области. Это будет иметь одинаковое значение как для народно-хозяйственных систем разделения труда, так и для мирового хозяйства. В современном фазисе хозяйственного развития, как мы знаем, такие промышленные области особенно ярко представлены в северном полушарии по побережьям внутренних морей и океанов или около них (см. картограмму на стр. 243).

Перейдем теперь к группе областей смешанного характера, в которых промышленность и сельское хозяйство оказываются объединенными в той или иной комбинации. Природной предпосылкой для этих областей является то, что они лежат на территориях как по рельефу (равнина), так и по климатическим и почвенным условиям, благоприятных для земледелия. Мы не будем снова здесь подчеркивать особенно благоприятные условия для земледелия в зонах тропических и субтропических с нормальным увлажнением. Исторической предпосылкой для

значительного числа указанных областей является наличие здесь в результате социальной борьбы в прошлом, а настоящем—переселения и, вместе с ним, низкого уровня заработной платы. Такие предпосылки благоприятствуют выращиванию в указанных областях интенсивных культур.

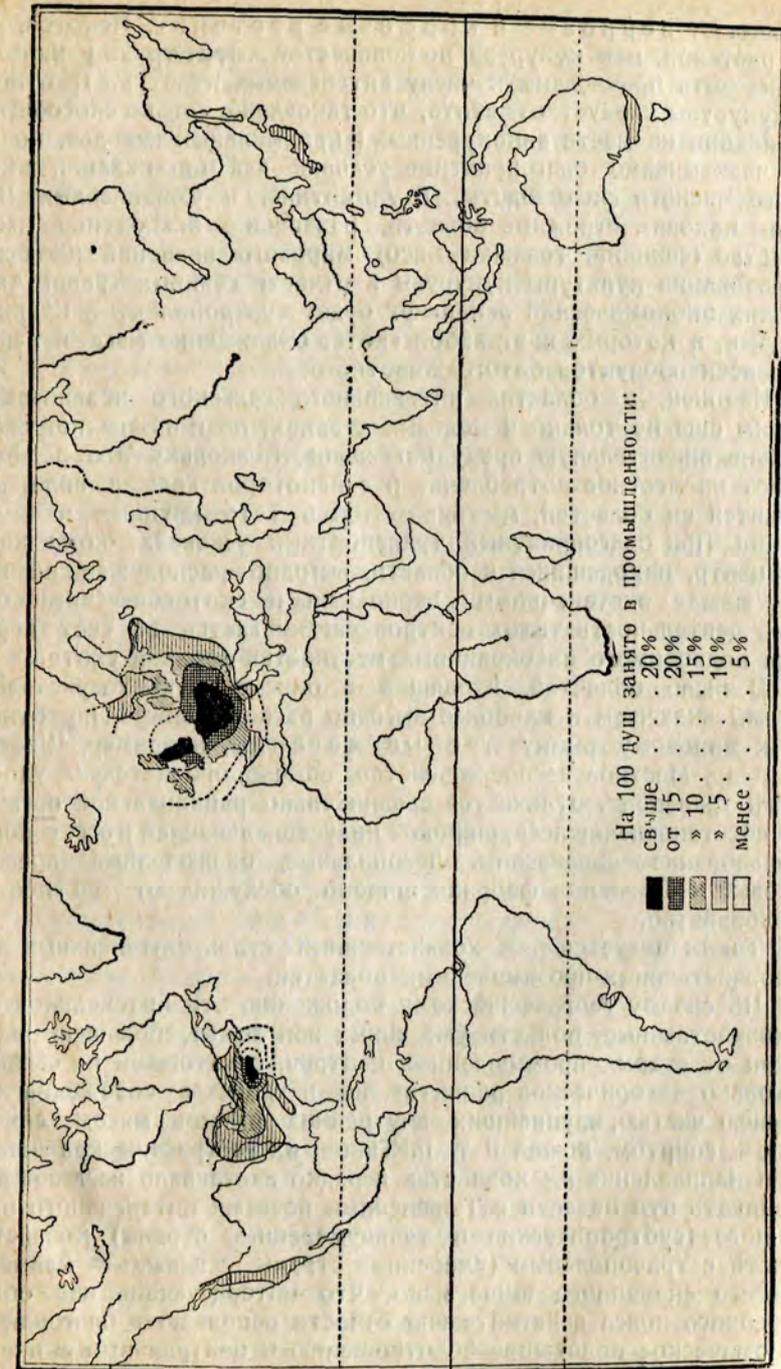
Так как некоторые из выращиваемых здесь культур получают пригодную для обслуживания широкого рыночного спроса транспортабельность после некоторой переработки на месте (лен, пенька, хлопок, картофель, свекла), то для указанных областей возможность использования выгодных природных условий и рынка труда могло осуществиться только через местную переработку. В зависимости от выгод, даваемых той или иной культурой, а также и от напряжения эксплуатации населения, накопление средств, необходимых для оборудования фабрик и заводов, шло не одинаковым темпом. В льняных областях Бельгии и Германии мы имеем заводскую первичную переработку льна. У нас в России такая переработка совершается руками и, оказывается, до сего времени не обособилась от крестьянского хозяйства. Иные условия накопления в свеклосахарных областях и картофельно-винокуренных. Там уже издавна мы находим строительство крупных помещичьих, а в последнее время и кооперативных заводов.

В зависимости от весопотери при переработке грубого сырья и от хозяйственной полезности тех отходов, которые получаются при переработке, заводы, перерабатывающие местное сырье, организуются не на одинаковом расстоянии от местожительства производителей грубого сырья. Свеклосахарные, винокуренные, картофелетерочные, овощесушильные, джиновальные, винодельческие заводы тяготеют к местам добытия грубого сырья. Все они дают полезные кормовые отбросы, потребляющиеся в сельском хозяйстве. Иное приходится сказать о переработке, например, льна заводским способом на Западе или масличных семян в наших русских условиях в недавнем прошлом. При переработке волокна льна, уходящая в отброс кострика почти не имеет никакой хозяйственной полезности. Малую пользу мог извлечь крестьянин Поволжья и Кубани из шелухи подсолнуха и даже из его жмыха; последний, ценный кормовой продукт, экспортировался в Зап. Европу и на месте не имел кормового значения.

Указанное подразделение вело и к некоторым последствиям географического порядка. Заводы первого типа стремились возможно ближе поместиться к производящим сырье хозяйствам. Получающийся на месте отброс (барда, жом) служит базой для развития скотоводства. Заводы второго типа, как это можно сказать особенно о наших маслобойных заводах, большею частью располагались в городских центрах, хорошо обслуженных железными дорогами и потому дающих возможность экономить на затратах по отправке масла и жмыхов.

Перечисленные нами области, помимо производства специальных культур для севооборота, а также и с рыночными задачами,

ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ЗАНЯТОГО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Карта № 15.

возделывают зерновые и кормовые растения. Некоторые из этих растений, как кукуруза, по количеству затрат труда и капитала должны быть причислены к числу интенсивных культур. В отношении кукурузы следует отметить, что таковая не только способствует организации на месте винокуренных и крахмальных заводов, но создает чрезвычайно благоприятные условия для организации интенсивного мясного скотоводства. В Аргентине, в Соединенных Штатах мы находим огромные области, развившие экспортное мясное хозяйство (свинина, говяжье мясо) мирового значения на основе использования культуры кукурузы и отчасти сеянных трав. В таких областях экономический ландшафт будет еще дополняться крупными заводами, в которых идет забой скота, охлаждение мяса и переработка всех продуктов битого животного.

Наконец, в областях интенсивного сельского хозяйства мы находим еще не только в молодых странах, но и в Западной Европе довольно значительную продукцию зерна. Поскольку это зерно поступает на местное потребление и в некоторой доле в виде муки вывозится из областей, мы видим здесь сеть крупных и мелких мельниц. При благоприятных транспортных условиях, когда какой-либо центр, находящийся в области, выгодно расположен на перепутье между экстенсивными зерновыми и скотоводческими областями, деятельность таких центров увеличивается за счет переработки подвозимого из окраинных местностей зерна и скота.

В число областей, входящих в описываемую хозяйственную зону мы включаем и наиболее выгодно расположенные по отношению к мировому рынку лесные массивы, например, Шведские леса и др. Местное лесное хозяйство, обычно, опирается на удобный водный транспорт, отличается сравнительно рациональной организацией восстановления леса, широкой индустриализацией и всесторонним использованием древесины. Лесопильные, целлюлозные, древесно-массовые и бумажные фабрики широко обслуживают местное лесное хозяйство.

Таким рисуется нам хозяйственный стиль интенсивных сельскохозяйственных-промышленных областей.

По своему географическому положению эти интенсивные сельскохозяйственные области умеренных зон лежат, большей частью, вблизи от старых промышленных центров, с которыми их связывает не только историческое развитие, но и удобства снабжения этих, большей частью, крупнейших внутренних рынков мясом, сахаром, маслом, спиртом, кожей и т. п. Такое их географическое положение и направление их хозяйства нередко заставляло исследователей сравнивать эти области с Тюненскими поясами интенсивного плодосменного (субтропические и теплоумеренные страны) хозяйства и отчасти с травопольным (умеренные страны с влажным климатом). Из всего сказанного выше ясно, что интересующие нас области умеренного пояса действительно отчасти используют благоприятное экономическое положение по отношению к центральным рынкам для

организации интенсивного хозяйства, но было бы совершенно неправильным, следуя букве первой схемы Тюнена, считать аналогию здесь полной.

Мы старались выше подчеркнуть, что рядом с таким экономическим положением, ярко выраженным в интенсивных областях умеренного пояса, мы в число моментов, форсирующих здесь описанный нами тип хозяйства, должны были включить благоприятные природные условия и низкую оплату рабочего труда. В значительно большей мере влиянию благоприятных природных условий и иногда дешевого труда и меньше экономического положения, должны мы приписать развитие посевов чая, кофе, хлопка и т. п., производимых в отдаленных тропических зонах. Мы полагаем, что наши соображения ни в коей мере не могут противоречить теоретическим предпосылкам Тюнена и если они расходятся с чем-либо, то только с методами использования системы Тюнена для понимания хозяйственной действительности без критической проработки таковой.

Последняя группа экстенсивных, сельскохозяйственных и лесных зон и областей отличается тем, что добываемое здесь сырье в виде зерна и животноводческих продуктов в очень малой мере перерабатывается на месте. Конечно, это не значит, что здесь совершенно нет никакой промышленности. Мы здесь встречаем иногда шерстомойни, салотопенные заводы, бойни для получения экспортируемого товара, мельницы для обслуживания местных потребностей, но удельный вес всей этой промышленности в организации хозяйства области ничтожен. Добываемое здесь сырье или уже по выходе из сельского хозяйства оказывается достаточно транспортабельным и чистым, невесотеряющим (зерно, некоторые виды шерсти), или же такое их благоприятное транспортное состояние достигается с помощью сравнительно несложных аппаратов.

Такие задания, как организация зернового и скотоводческого хозяйства, могут с достаточной выгодой для участия в мировом и народнохозяйственном разделении труда выполняться и при сравнительно неблагоприятных природных условиях. Кроме того, транспортные качества местного сырья позволяют отодвигаться районам зерново-скотоводческим на многие сотни, а иногда и тысячи верст от морских побережий и старых промышленных центров. В этих частях материков мы находим при сравнительно неблагоприятных природных условиях (континентальный климат) большие еще возможности использовать широкие, большей частью, степные просторы в лучших случаях для зерново-скотоводческого, а в менее благоприятных—для пастбищного скотоводческого хозяйства.

Поскольку перед нами в последних областях чисто сельскохозяйственный стиль жизни, таковой сообразно различным природным зонам должен, вполне естественно, несколько меняться. В таежно-болотной зоне зерновое хозяйство будет сведено к минимуму. Здесь,

однако, может развиваться мясо—масляное направление скотоводства. Значение зерна вообще усиливается в лесостепной, а пшеничного—особенно в степной полосе. В последней рядом с рогатым скотом все большее значение получает шерстное овцеводство. Как видим, вегетационный период, состав кормов и другие условия будут менять конкретное содержание хозяйства, но зерновое и скотоводческое направление все же будут, хотя и в различной комбинации, оставаться важнейшими в местной хозяйственной деятельности, за исключением только территорий холодного севера.

В холодной зоне, малопригодной для земледелия и скотоводства, мы находим на севере нашего Союза большие пространства, покрытые лесом. Здесь широко используются только те массивы леса, которые лежат по речным бассейнам, имеющим выход к экспортным и внутренним рынкам. Хозяйство ведется здесь очень экстенсивно. Вырубается лес только наиболее ценный. Промышленная переработка ограничивается распиловкой части вывозимого леса и примитивными формами химической переработки.

Указанные экстенсивные области занимают огромные пространства в центрах материков. Они более чем какие-либо другие по своему экономическому положению могут и должны уподобляться Тюненским зерновым и пастбищным поясам. Но было бы глубоко ошибочным, если бы мы признали, что эти области оказываются обусловленными только экономическим положением. Мы должны были уже привести много доводов в пользу того, что стиль этих областей оказывается и природно обусловленным. Ранее мы говорили, что в эти районы сравнительно недавно пошла колонизация, что наемный труд здесь дорог, и, конечно, это также имеет большое значение для понимания условий выгоды организации местного хозяйства.

За пределами указанных экстенсивных лесных и скотоводческих областей будут находиться: в таежно-тундровой и лесной полосе— промысловая охота и рыболовство, в горных районах—снежные вершины, в центрах материков, с остро-континентальным климатом—песчаные или засоленные пустыни.

Рассмотренные нами типы экономических областей мы умышленно взяли в чистых их формах. Мы знаем, что эти чистые формы не всегда находят достаточно четкое отображение в хозяйственной деятельности, но они нам необходимы, как орудия познания экономико-географического многообразия. Из изложенного выше ясно, что промышленные области, рассмотренные нами, как обособленные индивидуальные типы, могут встречаться и в виде смешанных формаций. Мы указывали на случаи, когда старые промышленные области были близки или совпадали территориально с молодыми горно-промышленными и портовыми промышленными областями. Но совпадение может быть и меньшего объема. Может горная область совпадать только с портовой или только со старо-промышленной и, наконец, портовая может совпасть со старо-промышленной.

Молодые промышленные образования, явления недавнего порядка, они, как мы указывали, иногда могут встречаться в сочетании с интенсивными земледельческими и даже с экстенсивными земледельческими областями, в виде промышленных островов.

Иначе дело обстоит с промышленными областями, слагавшимися в длительном историческом порядке, со старыми промышленными и портово-промышленными. Их местоположение, обычно, бывает по соседству с интенсивным земледельческим районом, и, как мы это выше выяснили, такое размещение никак нельзя считать случайностью.

Для характеристики взаимодействия в системах народного хозяйства интенсивного земледельческого района с экстенсивным зерновым и особенно пастбищным, очень полезно вспомнить одно из интереснейших указаний Тюнена. Великий исследователь весьма категорически подчеркивал, что в народных хозяйствах, с широко развитыми районами пастбищного скотоводства, скотоводство интенсивного типа (то, которое мы наблюдали в промышленно-сельскохозяйственных районах) не будет достаточно выгодным и не может быть широко развито. Несомненно, это утверждение имеет и до сего времени большой теоретический и практический вес.

Остановимся еще на особом типе экономико-географических реальных совокупностей на проблеме сочетания экономических областей в границах государственно обособленных народно-хозяйственных образований. Сравнительно редко мы будем встречаться с таким сочетанием экономических областей, когда таковые оказываются почти все целиком представленными в системе народного хозяйства. Это последнее, в наибольшей мере, можно было бы сказать только по отношению к двум странам—С. А. С. Ш. и С. С. С. Р. Конечно, и здесь придется делать некоторые поправки как в отношении масштаба, так и типичности тех или иных областей. Колониальную систему Британской империи, в виду значительной разбросанности ее частей по территории земного шара, а также и пестроты политических связей колоний с метрополией, трудно принять за систему экономических областей, взаимная обусловленность которых является основанием областного общественного разделения труда.

Многие страны, даже носящие название великих держав, состоят из системы экономических областей, не охватывающих большинства намеченных нами типов. Так, например, крупнейшие страны Западной Европы включают в себя старые промышленные области и районы портовые, горнозаводские и промышленно-сельскохозяйственные. Мы здесь находим слабо выраженными (за исключением Венгрии и Румынии и некоторых других) зерновые, скотоводческие области. Чистое пастбищное скотоводческое хозяйство оказывается здесь удержавшимся только на альпийских горных лугах. Обратное, можно утверждать, что страны южно-американские, Канада и др., где колонизация еще не закончилась, имеют слабо развитые

промышленные области, и, наоборот, роль областей с сельскохозяйственными функциями в этих странах доминирует.

Все сказанное говорит нам о том, что, анализируя каждое народное хозяйство, как систему экономических областей и районов, мы не только можем основательно углубить познание экономики его, но часто, работая только таким методом, мы в состоянии выделить отличительные черты такого народного хозяйства от ряда других, подобных же образований. Вместе с тем, такой анализ раскрывает перед нами и характеристику взаимодействий, существующих как между областями, включенными в одну систему народного хозяйства, так и между различными системами народного хозяйства. Последний вопрос нас подводит к проблеме общественного разделения труда в мировом хозяйстве.

Мы выше уже говорили, что некоторые экономические области вследствие особенно благоприятных природных исторических условий и экономического положения, дающих возможность с особенной выгодой исполнять какие-либо хозяйственные функции, становятся мировыми областями. Но эти мировые области в настоящее время включены в различные народно-хозяйственные системы, и, помимо функций мирового значения, они исполняют определенные задачи в границах системы народного хозяйства, с которыми они соединены историческими судьбами.

Таким образом, система взаимодействий между экономическими областями должна быть рассматриваема в двух направлениях: в направлении связей внутри народного хозяйства и в направлении связей в международном, мировом масштабе.

Дальнейшее углубление вопроса о формировании областей и районов и их взаимодействии выдвигает на очередь еще одну задачу—проблему регулирования описанных районообразовательных стихийных процессов современной государственной властью.

ЗАДАЧИ ДЛЯ СЕМИНАРСКИХ РАБОТ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.

ГЛАВА I.

1. Каковы основные черты географического общественного разделения труда в районе? в народном хозяйстве? в мировом хозяйстве?
2. Какое значение издержки производства и транспорта имеют для сложения географического общественного разделения труда?
3. Изложите основные начала учения о земельной ренте.
4. Какие задачи выполнялись в изучении развивавшегося географического общественного разделения труда: а) в описательных работах немецких государствоведов, б) в теоретических экономических работах, в) в работах географических?
5. В чем разница между предметом экономической географии в понимании Дитриха и предметом изучаемым экономическими науками?
6. Какие коренные изменения в народном мировом хозяйстве, происшедшие за последние десятилетия обостряют необходимость построения предмета и метода экономической географии на экономической основе?
7. Определите предмет и метод экономической географии и разберите это определение?

ГЛАВА II.

1. Как складывается система предпосылок научного познания размещения сельскохозяйственного производства в работе Тюнена?
2. Влияние каких факторов на размещение сельскохозяйственного производства изучает Тюнен?
3. Как учитывает Тюнен выгоды размещения сельскохозяйственного производства и в какой связи эти выгоды находятся с закономерностями размещения сельскохозяйственного производства?
4. Как влияют издержки транспорта на размещение сельскохозяйственного производства в Изолированном государстве?
5. Какие изменения в общую схему влияния транспорта вносят: а) внедрение улучшенного транспорта, б) образование местных рынков, в) изменение цен на сел.-хоз. продукты?
6. Как влияет богатство почвы (плодородие) на размещение сельскохозяйственного производства в Изолированном государстве?
7. Как по Тюнену влияют изменения издержек производства в пространстве на размещения сельскохозяйственного производства и в частности различие денежного выражения заработной платы в Изолированном государстве?
8. Какие основные задачи сел.-хоз. производства намечает Тюнен для каждого пояса Изолированного государства и как эти задачи организационно сочетаются между собой (плодосмен, удобрения, корма)?
9. Какое значение придает Тюнен издержкам производства и потере сырья в весе при переработке для решения вопроса о размещении индустрии, перерабатывающей сел.-хоз. сырье?

10. Как размещение индустрии перерабатывающей сел.-хоз. сырья отражается на размещении сельскохозяйственного производства?
11. Считает ли Тюнен какие-либо из приведенных им в его схеме систем сел.-хоз. производства более рациональными, чем другие? Почему?
12. Сохранится ли в реальной действительности последовательность в размещении систем сел.-хоз. производства, данная Тюненом в первой схеме Изолированного государства? Какие условия и как будут влиять на ее изменение?
13. Задача. При условии сбыта продуктов в сыром виде

	на один рынок и сборе с 1 гектара в тоннах:	по цене на рынке за тонну в руб.
Картофель	10,0	20
Сено	3,0	25
Молоко	2,5	40
Зерно	1,0	100
Мясо в жив. ск.	0,3	300
Шерсть	0,1	1000

а также себестоимости продуктов на 5% ниже рыночной цены и провозной плате 5 коп. за тонну-километр—вычислите:

- а) На каком расстоянии от рынка будут производиться перечисленные сел.-хоз. продукты?
- б) Как изменится исчисленное в п. а размещение, если провозная плата будет повышена до 10 коп. за тонну-километр или снижена до 1 к. за тонну-километр?
- в) Как изменится исчисленное в п. а размещение, если при провозной плате в 5 коп. тонно-километр себестоимость за тонну увеличится или уменьшится на 30%?
- г) Как изменится исчисленное в п. а размещение, если при первоначально установленных: себестоимости, провозной плате и рыночной цене—сбор с гектара увеличится или уменьшится на 10%?
- д) Как изменится исчисленное в п. а размещение, если при первоначально установленных: себестоимости, провозной плате и сборе с гектара—рыночная цена увеличится или уменьшится на 10%?

ГЛАВА III.

1. Какие предварительные методологические допущения устанавливает Вебер?
2. Какие издержки и почему Вебер берет как основные факторы размещения штандорта промышленности?
3. Что называет Вебер материальным индексом и каково значение материального индекса в решении вопроса о транспортной ориентации производства?
4. При каких условиях, установленных Вебером рабочие пункты будут перетягивать к себе производство от пунктов минимальных транспортных издержек?
5. Какие условия благоприятствуют проявлению процессов агломерации и при каких условиях (коэффициент формирования) где агломерация будет осуществляться?
6. Каковы тенденции размещения в расчлененном производственном процессе первых и последних стадий производства?

7. Задача. В производстве при потреблении 600 тонн локализованного сырья с потерей в весе 50% и 400 тонн повсеместных материалов с потерей в весе 50% получается 500 тонн готового продукта. Какова ориентация такого производства? Как она изменится, если количество повсеместных материалов с принятой весопотерей увеличится до 1000 тонн?
8. Задача. Выход муки при переработке ржи равен 98,5% а масла из молока 4%. При одинаковых транспортных ставках в 6 коп. тонно-километр подсчитать во что будет обходиться провоз сырья и готовых продуктов от места производства до места потребления на расстоянии 5, 10, 20, 50, 100, 500 километров? Как это должно влиять на размещение указанных типов производств?
9. Задача. а) Каковы должны быть тенденции размещения кожевенного производства, выпускающего сорта мостовье и подошву при условии:

	Мосто- вье кг.	Подо- шва кг.
Расход сырья на 100 кг. го- тового товара	274	174
Расход дубильного корья	425	720

и при наличии железнодорожных тарифов:

	на 100 кил.	500 кил.	1000 кил.
на невыделанную кожу в руб.	4,30	19,01	30,47
„ дубильное корье	3,32	8,87	11,89

б) Как изменится штандорт указанных производств, если мы тарифные ставки на невыделанную кожу увеличим или уменьшим на 20%?

в) Как изменится штандорт указанных производств, если мы заменим дубильное корье дубителями в 10 раз более мощными в единице веса, а провозный тариф таковых дубителей в сравнении с дубильным корьем, увеличим только вдвое?

10. Задача. При рабочем коэффициенте в хлопчато-бумажном прядении 24 руб. на тонну и 1 руб. на тонну в железодельательной промышленности при возможности экономии на рабочих издержках в 10%, при тонно-километровой провозной ставке в 1 коп., на какое расстояние может переместиться от места транспортного минимума штандорт производства?

ГЛАВА IV.

1. Почему экономическая география не может ограничиться только задачами географии сельского хозяйства или географии промышленности, но должна ставить себе задачи изучения всего хозяйства в пространстве, т.-е. экономического страноведения?
2. Какие задачи экономисты-географы должны себе ставить при изучении влияния природных условий на хозяйство?
3. Какие перемещения в штандорте сельскохозяйственного производства, данным Тюненом, создает улучшенный транспорт и промышленная переработка весотерящего сел.-хоз. сырья?
4. Почему необходимо учитывать при изучении штандорта пункты капиталовложений и капиталонакопления?
5. К какой исторической хозяйственной среде приурочивается даваемое в книге изложение системы экономической географии?
6. Какие вопросы мы находим решенными в теоретическом учении о штандорте и какие были введены в учение о штандорте в условной форме?

7. Какие исследовательские задачи должна ставить себе экономическая география в связи с использованием для познания размещения хозяйства учения о штандорте?

ГЛАВА V.

1. Какие отличительные черты в тенденциях размещения мы находим в ремесле, кустарной промышленности, мануфактуре и фабрике?
2. Какими путями идет разложение универсального производства и почему?
3. Какие особенности размещения видов производства: первичной переработки, выработки полуфабрикатов и готовых изделий? Почему?
4. Как слагаются формы промышленности в стадии выработки полуфабрикатов и каковы тенденции размещения производства этой стадии?
5. То же выработки готовых изделий?
6. То же первичной переработки?
7. То же сельского хозяйства?

ГЛАВА VI.

1. На какие природные условия и почему должен ориентироваться экономист географ при изучении земледелия в макро и микро масштабах?
2. Какие ценные познавательные качества мы имеем в данных о географии почв для познания размещения земледелия?
3. Какие экономико-географические выводы можно сделать из схемы размещения хозяйственно-используемых растений по природным зонам?
4. Чем объясняется локализованность одних культур и повсеместность других?
5. Как и почему меняются условия выгодности вложения труда и капитала при различных природных условиях ведения земледельческого хозяйства?
6. Как влияют на географию земледелия условия рыночного положения, транспорта, переработки сел.-хоз. сырья?
7. Почему большинство отраслей интенсивного земледелия не может развиваться без наличия на месте технической переработки?
8. С какими отраслями земледелия какие отрасли животноводства увязываются по кормовому обеспечению?
9. Почему добывание каменного угля ориентируется на места его широкого использования и кроме того сильно влияют на размещение производства?
10. Задача. На основании приведенных данных (N. Jasny. Die Konkurrenzfähigkeit der wichtigsten Überseeeländer auf dem Weizenmarkt. Ber. Über Landwirtschaft. B. IX. H. 1/2 1928) сделайте выводы.

Расходы производства пшеницы в трех западных провинциях Канады (включая арендную плату) за 1923/24 г.

Провинции.	Без пара.			С паром.			Сред. урожай в буш.
	Расход на акр в дол.	Урожай в буш. с акра.	Расход на буш. в цент.	Расход на акр в дол.	Урожай в буш. с акра.	Расход на буш. в цент.	
Монитьба	13,3	14,5	92,2	16,6	18,0	92,6	14,1
Саскачеван	13,1	14,8	88,7	16,7	19,9	83,7	15,0
Альберта	14,2	19,3	73,5	18,5	26,2	70,4	19,5

Расходы производства пшеницы в С.А.С.Ш. за 1923/25 г.

	Минне-зота.	С-Дакота.	Ю. Дакота.	Монтана.	Небреска.	Канзас.	Оклахома.	Вашингтон.	Орегон.	Соед. Штат.
Площадь посева в 1927 г. в акр. мил.	1,8	9,8	3,1	3,8	3,6	9,9	3,7	2,2	1,1	58,6
Чистый расход на акр. в дол.	18,6	14,0	14,3	16,8	17,4	16,0	14,3	27,6	26,0	21,8
Арендн. плата за акр. в дол.	4,9	2,6	3,2	3,5	5,2	4,3	3,3	10,5	10,7	6,2
Расход на акр. без аренды	13,7	11,4	11,0	13,3	12,2	11,6	11,1	17,1	15,3	15,6
Урожай в суш. в опрошен. хоз-вах.	17,7	13,0	13,3	15,3	16,0	13,7	13,0	23,7	22,0	17,3
Расход в цент. на буш. с аренд. платой	105	107,9	107,1	109,7	108,7	116,4	110,3	116,3	118,0	125,8
То же б/аренд. платы	77,5	87,9	83,0	87,0	76,2	85,0	85,0	72,1	69,5	89,9
Средн. урожай по штатам в буш.	15,7	11,7	12,3	13,0	14,0	11,7	11,7	18,3	19,7	14,8

Расходы на транспорт из производящих районов до мирового рынка в центах за бушель.

Р а й о н ы .	Пере-возка до гавани.	Морской фрахт.	Всего.
Канада через Тихий океан	14,5	20	34,5
» » Атлант. »	26,5	8,5	35,0
Соед. Штаты из областей мягк. пшен. (Вашингтон) Орегон	14,5	20	34,5
Соед. Штаты из обл. тверд. пшен. (Миннезота-Оклахома)	30,0	8,5	38,5

а) Укажите семь провинций и штатов, в которых себестоимость наиболее низка и укажите причины такого ее уровня (урожай, аренда, расходы).

б) Вычислите, какие семь провинций и штатов будут иметь наибольшие выгоды по сбыту своих продуктов на мировой рынок и какими транспортными путями?

в) На каком уровне должна быть цена на бушель пшеницы на мировом рынке, чтобы возможно было оплатить себестоимость и провозную плату до рынка из штата Канзас? Монтана? провинции Саскачеван?

г) Какие штаты и провинции будут иметь возможность сбывать пшеницу на мировой рынок, если уровень цены на таковом будет равен 144 центам за бушель?

11. Задача. На основании нижеприведенных данных (себестоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве. ЦСУ 1929 г.) сделайте выводы.

При среднем урожае 1905/14 г. и средних ценах 1925/27 г.

Области.	Урожай с 1 гектара центнеров.	Себестоимость 1 центнера в руб.	Цена за 1 центн. в руб.	Разница между себест. и цен.	Чистый доход с 1 гект. в руб.	Оплата 1 дня труда в руб.
О з и м а я р о ж ь.						
Северо-Восточн.	8,1	12,4	9,5	— 2,9	— 33,1	0,54
Цент.-Промышлен.	6,8	10,3	8,1	— 2,2	— 15,9	0,81
Западная	6,3	8,1	8,4	+ 0,3	+ 2,3	0,95
Цент.-Черноземн.	8,3	4,1	5,6	+ 1,5	+ 18,5	1,52
Средне-Волжск.	6,3	5,3	5,5	+ 0,2	+ 1,7	0,94
Уральск.	7,9	6,2	6,4	+ 0,2	— 0,2	1,11
Юз.-Сибирск.	7,6	5,3	3,9	— 1,4	— 3,6	0,77
Я р о в а я п ш е н и ц а.						
Средне-Волжск.	5,7	5,3	9,5	+ 4,2	+ 26,9	2,15
Уральск.	7,1	6,1	9,9	+ 3,8	+ 36,4	2,80
Юз.-Сибирск.	7,6	3,5	5,6	+ 2,1	+ 21,4	1,88
Я ч м е н ь.						
Северо-Восточн.	9,7	8,5	9,0	+ 0,5	+ 5,5	1,01
Цент.-Промышлен.	8,1	7,8	8,4	+ 0,6	+ 5,8	1,42
Западная	7,2	5,3	7,0	+ 1,7	+ 21,0	1,47
Цент.-Черноземн.	6,6	3,6	5,0	+ 1,4	+ 13,6	1,53
Средне-Волжск.	5,8	4,6	5,8	+ 1,2	+ 8,4	1,24
Уральская	8,4	4,8	7,4	+ 2,6	+ 24,4	2,14
Юз.-Сибирская	8,2	4,0	3,9	— 0,1	+ 4,6	1,04
О в е с.						
Северо-Восточн.	7,6	6,5	7,6	+ 1,1	+ 10,7	1,16
Цент.-Промышлен.	7,5	6,5	7,1	+ 0,6	+ 6,5	1,42
Западная	7,5	5,1	7,6	+ 2,5	+ 31,3	1,90
Цент.-Черноземн.	8,0	3,6	4,4	+ 0,8	+ 10,3	1,30
Средне-Волжск.	5,7	4,2	5,4	+ 1,2	+ 9,3	1,27
Уральская	7,3	4,4	5,8	+ 1,4	+ 11,3	1,71
Юз.-Сибирская	8,8	3,2	3,6	+ 0,4	+ 4,7	1,07
К а р т о ф е л ь.						
Северо-Восточн.	77,0	2,3	2,8	+ 0,5	+ 40,1	1,31
Центр.-Промыш.	70,2	2,3	2,5	+ 0,2	+ 14,4	1,48
Западная	72,3	1,8	2,2	+ 0,4	+ 26,5	1,25
Цент.-Черноземн.	92,7	1,1	1,8	+ 0,7	+ 69,4	1,95
Средне-волжск.	67,8	1,3	2,4	+ 1,1	+ 74,9	2,17
Уральская	88,1	1,7	2,8	+ 1,1	+ 109,5	2,72
Юз.-Сибирск.	49,3	2,3	1,9	— 0,4	— 20,1	0,66

Области.	Урожай с 1 гект. центнеров.	Себестоимость 1 центнера в руб.	Цена за 1 цент. в руб.	Разница между себест. и ценой.	Чист. доход с 1 гект. в руб.	Оплата 1 дня труда в руб.	Л е н.									
							вол.	сем.	вол.	сем.	вол.	сем.	вол.	сем.		
Северо-Восточн.	2,7	3,3	64,9	15,5	65,0	17,7	+ 0,1	+ 2,2	+ 8,3							0,95
Цент.-Промышл.	2,6	3,8	45,9	12,2	41,8	14,8	— 4,1	+ 2,6	+ 2,5							1,23
Западная	3,2	3,6	29,9	7,3	39,0	9,5	+ 9,1	+ 2,2	+ 41,6							1,30
Средн.-Волжск.	—	—	—	—	—	—	—	—	—							—
Татарск. рес.	1,4	2,8	36,1	8,6	43,6	10,7	+ 7,5	+ 2,1	+ 17,4							0,96
Уральская	2,2	3,8	45,1	8,7	44,9	10,4	— 0,2	+ 1,7	+ 9,7							1,19
Юз.-Сибирск.	2,9	4,5	42,1	8,2	34,3	7,3	— 7,8	— 0,9	— 30,3							0,70

а) По каждой культуре установить в каких областях товарное производство наиболее выгодно и почему?

б) На каких культурах должна каждая из областей специализироваться и почему?

в) Почему несмотря на высокую доходность культуры картофеля, такая в средн. Поволжье и в Уральской области развита слабо?

г) Почему несмотря на низкую доходность ржи в нечерноземной полосе таковая там занимает большое место в посевах?

д) Какие общественно-экономические условия благоприятствуют развитию культуры льна в Западной области, а картофеля в Центр.-Черноземн. области?

ГЛАВА VII.

1. Какие задачи методом исторического исследования должны решать экономисты географы?
2. Какое природное многообразие и при каких условиях способствовало образованию истоков географического общественного разделения труда в прошлом?
3. Под влиянием каких природных и исторических условий, где формировались основные народно-хозяйственные функции (промышленные, сельскохозяйственные, торговые образования, система транспорта) в период до сложения народно-хозяйственных систем?
4. При каких (природных, исторических, технических) условиях и где создавались в последний современный период промышленные центры, на каких задачах они специализировались и какие между ними устанавливались взаимодействия?
5. То же сельскохозяйственные области?
6. То же области промышленности и сельского хозяйства мирового значения?

ГЛАВА VIII.

1. Каковы географические тенденции расположения в пространстве потребления, рынков труда, капиталовложения, транспортной сети?
2. Какие отрасли производства и почему ориентируются на потребление?
3. То же на рабочие издержки?
4. То же на центры капиталовложения?
5. Как влияет на размещение производства современная система мирового транспорта?

ГЛАВА IX.

1. Чем обуславливаются встречающиеся в пространстве устойчивые сочетания отраслей производства? Чем отличаются условия механического сочетания от органического?
2. Какова сущность сочетаний отраслей в земледелии и скотоводстве по сырью?
3. Какова сущность сочетаний отраслей в индустрии по сырью на основе соседства стадий производственного процесса?
4. В чем сущность сочетаний отраслей по организации труда в сельском хозяйстве и индустрии?
5. Какими условиями вызываются сочетания производства на основе капиталообеспечения в сельском хозяйстве и индустрии?

ГЛАВА X.

1. Какими теоретическими и практическими интересами вызывается отраслевой метод экономической географии и почему этот метод исследования нельзя отождествлять со статистическими географическими описаниями по отраслям?
2. Какими практическими нуждами и теоретическими возможностями обусловлен районный метод и в чем его сущность?
3. Какими основными признаками характеризуются экономико-географические формации?
4. Каковы основные признаки хозяйственных зон? областей? районов?
5. Перечислите основные промышленные области, укажите чем обусловлено в них хозяйство и какова их специализация?
6. То же промышленно-сельскохозяйственные?
7. То же сельскохозяйственные, лесные?
8. Какие основные типы народных хозяйств можно наметить в связи с различным сочетанием в таковых промышленных и сельскохозяйственных областей?
9. Какие промышленные и сельскохозяйственные экономические области и почему являются наиболее активными участниками мирового общественного разделения труда?

Примечание автора. При проработке указанных задач ценными добавочными пособиями могут быть: Н. Н. Баранский.—Краткий учебник эконом. географии в. I и II; С. В. Бернштейн-Коган.—Очерки экономической географии и Н. Морозов и П. Юнчев.—Экономическая география т. I и II.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистического Ун-та им. Я. М. СВЕРДЛОВА

ПРАВЛЕНИЕ: Москва — „47“, Миусская площадь, д. 7.

СКЛАД: Москва — „6“, Малая Дмитровка, 6.

Телеф.: Правления — 5-68-57. — Склада — 3-04-87.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, „ГСП 2“ — Ильинка, 21, Изд-во НКВД. Телефон 64-71.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

- Страницы из истории ВКП(б).**—Атлас 26 табл., монтажей и картограмм. Составл. Парткабинетом Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова. 2-е издание 4 р. 85 к.
- Строительство ВКП(б).**—В диаграммах и схемах, с объяснительным текстом. Составлено кабинетом Партстроительства Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова 3 р. 60 к.
- Советское строительство.**—В диаграммах и схемах. 29 диаграмм, с пояснит. текстом. Составл. кабинетом Советского строительства Ком. Ун-та им. Я. М. Свердлова. 2-е испр. изд. 3 р. 20 к.
- Развитие народного хозяйства СССР за 1913—1928 гг. в диаграммах.** 42 таблицы с объяснит. текстом. Составлено Эконом. Кабин. Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова под ред. Л. Я. Зимана. III испр. и доп. изд. 4 р. 25 к.
- То же.**—Малый размер 1 р. 70 к.
- Баренгольд, М.** Мировое хозяйство в цифрах и диаграммах. Под ред. В. П. Милютина. Серия I.—Удельный вес важнейших государств в мировом хозяйстве — р. 65 к.
Серия II.—Мировое сельское и лесное хозяйство 1 р. 35 к.
„ III.—Мировая промышленность. 1 р. 35 к.
- Как работать с книгой.**—Сборник под ред. М. Н. Лядова. 8-е испр. и доп. издание — р. 80 к.
- Основы советской экономической политики.**—Сборник статей под общ. ред. В. П. Милютина. Ч. I. 2-ое испр. и доп. изд. 1 р. 75 к.
- То же.** Часть II. 1 р. 40 к.
- Кушнер, П.**—Очерк развития общественных форм, VII изд. 2 р. 75 к.
- Его же.**—Пять общественных укладов — р. 19 к.
- Пиши грамотно.**—Таблицы по правописанию слов и знаков препинания, Доп. ГУС'ом. 4-е испр. и доп. издание — р. 45 к.
- Логотов, Н. Ф.**—Сборник упражнений для изучения русского правописания. 3-е испр. и доп. изд. 1 р. 30 к.
- Русский язык в комвузах.** Под ред. П. Дудея:
- Часть I.—Грамматика 1 р. 30 к.
„ II.—Теория и практика литературной речи 2 р. — к.
„ III.—Орфография и стиль — р. 90 к.
„ IV.—Хрестоматия. (Научные статьи, художественная и критическая литература, ораторская речь, газета) 2 р. 70 к.
- Сергеев, В.**—Феодализм и торговый капитализм в античном мире. Под ред. П. Кушнера 1 р. 95 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Коммунистического Ун-та им. Я. М. СВЕРДЛОВА

ПРАВЛЕНИЕ: Москва—„47“, Миусская площадь, д. 7.

СКЛАД: Москва—„6“, Малая Дмитровка, 6.

Телеф.: Правления—5-68-57.—Склада—3-04-87.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, „ГСП 2“—Ильинка, 21, Изд-во НКВД, Телефон 64-71.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

- Методический сборник по курсу биологии. Состав. колл. препод. Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова, под редакцией проф. Завадовского 2 р. 50 к.
- Тимирязев, А. К., проф.—Физика, ч. I. Иллюстр. Реком. ГУС'ом. — р. 90 к.
- Его же.—Физика, ч. II. Иллюстр. Реком. ГУС'ом 1 р. 30 к.
- Пржеборовский, Я. С., проф.—Крат. курс химии. Рек. ГУС'ом 1 р. 85 к.
- Морозов, Н. и Юнчев, И.—Хрестоматия по экономгеографии. Под ред. и с предисл. Н. Н. Баранского. Том I—Методология и мировое хозяйство. 2 испр. и доп. издание. Том II.—Народное хозяйство СССР. 2-е испр. и доп. издание. Доп. ГУС'ом 2 р. 65 к.
- Экономико-географический сборник. Под ред. Н. Баранского, С. Бернштейн-Когана, А. Рыбникова и А. Синицкого 4 р. — к.
- Учебник математики для комвузов, совпартшкол, школ для взрослых и кружков самообразования, под редакцией Л. М. Лившица. Доп. ГУС'ом. Часть I—арифметика и основные свед. из геометрии; изд. 2-ое переработ. и дополн. (в перепл.) 2 р. 15 к.
- Учебник естествознания, для веч. и воскресных комвузов и совпартшкол, ч. I. Неживая природа (физика, химия, мироведение). Под ред. проф. А. К. Тимирязева 3 р. 50 к.
- Учебник естествознания для веч. и воскр. комвузов и совпартшкол, ч. II—Живая природа (биология). Под ред. проф. А. К. Тимирязева 3 р. — к.
- Ванаг, Н. И.—Финансовый капитал в России накануне мировой войны. 2-ое изд. 1 р. 20 к.
- Ронин, С.—Иностранный капитал и русские банки. С предисл. Крицмана 1 р. 30 к.
- Лядов, М.—Наша первая революция. Популярный очерк — р. 20 к.
- Его же.—Из жизни партии в 1903—1907 гг. (Воспоминания) 1 р. 20 к.
- Покровский, М. Н.—Внешняя политика России в XX в. Лекции, читанные в Коммун. Ун-те им. Я. М. Свердлова и на курсах уездных партработников при ЦК ВКП(б) — р. 80 к.
- Викторов, В.—История крестьянских движений XVII—XVIII вв. Хрестоматия 2 р. 50 к.
- Ольминский, М.—1917 год. (Сборник статей из „Социал-Демократа“ и „Правды“ 1917 г.) 2 р. — к.
- Его же.—1915—16 гг. Статьи из журн. и газет. 1 р. 15 к.
- Полак, И., проф.—Происхождение вселенной. Попул. очерк 1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Коммунистического Ун-та им. Я. М. СВЕРДЛОВА

ПРАВЛЕНИЕ: Москва—„47“, Миусская площадь, д. 7.

СКЛАД: Москва—„6“, Малая Дмитровка, 6.

Телеф.: Правления—5-68-57.—Склада—3-04-87.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, „ГСП 2“—Ильинка, 21, Изд-во НКВД, Телефон 64-71.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

- Михайлов, А. А., проф.—Строение и эволюция вселенной. Сборник статей по мироведению 1 р. 50 к.
- История ВКП(б) ленинизм и истмат в комвузе. Сборн. заданий и программ за 1927—28 г. — р. 55 к.
- Кон, А.—Финансовый капитал. 3-ье изд., исправл. и дополн. — р. 95 к.
- Попов, Вл.—Политическая география Зап. Европы. Под ред. Зимана. 2-ое изд. исправл. и доп. 1 р. 95 к.
- Кордес, И. Р.—Современная немецкая литература. Часть I—30 к., часть II—50 к., часть III—80 к., часть IV—80 к.
- Снегов, А.—Статистическая грамота 1 р. 60 к.
- Программа и методика учебных занятий Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова за 1927/28 г. 1 р. 50 к.
- Тюгин, М.—Организация и методика вечерних комвузов 1 р. 20 к.
- „Наши противники“. Сборник материалов и документов. Под ред. В. Юдовского. Т. I 2 р. 80 к.
- То же, том II 2 р. 20 к.
- Исторические науки в комвузе. Сборник программ и заданий по ИРОФ, истории России, истории Запада и Востока (на 1928-29 уч. год) — р. 95 к.
- Тутыхин, Б.—Центрально-Черноземная область. С приложен. карты ЦЧО изд. „Плановое хозяйство“ 3 р. — к.
- Гуковский и Трахтенберг.—Краткий учебник по истории развития общ. форм. Под ред. П. Кушнер. Доп. ГУС'ом. (в перепл.) 1 р. 75 к.

В ПЕЧАТИ НАХОДЯТСЯ:

- Руднев, Я. Начальные сведения по географии. II испр. издание.
- Учебник математики для комвузов, совпартшкол, школ для взрослых и кружков самообразования, под ред. Л. М. Лившица. Часть II—алгебра, геометрия и нач. свед. из тригонометрии. Изд. 2-ое переработ. и дополненное. Доп. ГУС'ом.
- Н. Логутов.—Сборник упражн. по русск. правописанию. Испр. и доп. издание.
- Ищенко, Т.—Краткий философский словарь.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, „ГСП 2“—Ильинка, 21, Изд-во НКВД, Телефон 64-71.

ЦЕНА 2 руб.

(Переплет 25 коп.)

